

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Призраки коммунизма. В. Бойков

«Призрак ходит по Европе – призрак коммунизма».

Карл Маркс.

«От каждого по способностям – каждому по потребностям».

Из программы КПСС.

«Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи».

Любимый лозунг Коммунистической партии Светского Союза.

«Ленинградский, ордена Ленина, метрополитен имени Ленина». «Ленинградская, ордена Ленина, киностудия Ленфильм».

Культ, доведённый до абсурда.

Часть 1. Коммунисты

Кнут проснулся от холода. Знобкий ветер пробрался под одежду и хозяйничал в штанах. Пробежался колючими лапками по ногам, пошевелил волосы, сунулся под рубаху.

Воздух светлел. Утро неспешно вытесняло ночь в расселины и овраги. Солнце осторожно выглянуло из-за горизонта и нехотя поползло на небо.

Кнут приподнялся, хлопнул по вздымающейся одежде ладонью, потуже перевязал тесёмки вокруг щиколоток и огляделся. В сторонке, разметав мусор, в который старательно закопался с вечера, похрапывал Культя. Он часто вздрагивал и как будто кого-то ловил. Похоже, ему опять снились женщины.

– Эй, засоня! – крикнул Кнут. – Пора на рынок...

Его товарищ чуть дёрнулся, хлопнул глазами и снова затих, поглощая остатки своих сумбурных видений.

– Эй, эй, вставай!

Культя застонал – недовольно – жалобно... Его окружали прекрасные женщины. Они дразнили его и были готовы вот-вот отдаться...

Кто-то опять крикнул и куда-то позвал. С мучительной неохотой Культя стал просыпаться. Приходя в сознание, но ещё в полубреду ему удалось поймать одну из красоток, сдёрнуть с неё одежды и воткнуть в исчезающую плоть свою воинственную силу...

И снова его окликнули, а потом грубо обозвали...

Огромным усилием воли Культя не позволял себе проснуться окончательно. Уже почти подступил оргазм, но образы расплывались, таяли, осязание грубело, и женское тело вдруг превратилось в острые камни...

Кнут встал, пружинисто размялся, стряхнул со штанов и рубахи прилипший мусор и, не оглядываясь, бодро зашагал к городу. Культя тут же вскочил, пощупал потайной карман с Партбилетом и бросился догонять товарища.

Самое главное при посещении рынка – выбрать хорошие продукты. Для этого требовался немалый опыт. Дело в том, что колхозники всячески маскировали качество картошек и с помощью разноцветной глины мастерили очень правдоподобную гниль. При появлении человека с фантиками или каким-нибудь предметом для полноценного обмена маскировка моментально убиралась, и продукт демонстрировался с наилучшей стороны. Однако, завидев в толпе очередного оболтуса с явно сомнительными способностями, в которых никто не испытывал ни малейших потребностей, труженики изо всех сил начинали ругать свои продукты.

– Дожди проклятые, – громко сетовал один из колхозников, глядя куда-то в сторону и, делая вид, что не замечает Кнута. – Картошки прогнили, почернели, тыквочки прогоркли.

– Да, да, – подхватывал другой, – такие горькие – есть невозможно. А проглотишь – живот болит, да так сильно, что лучше бы и не ел. У меня брат поел, так несколько дней мучился. Потом, Слава Кузьмичу, помер. Зря только и болел. Похудел сильно. Его даже крысы есть не стали, – пришлось опарышам скормить.

Культя обходил рынок не спеша. Прислушивался к разговорам, приглядывался к

продуктам.

– Гляди, какие у меня тыквочки, – хвастался один. – Не тыквочки – мечта!

Критик совал палец в подозрительную слизь.

– Да не гниль это, не гниль, это я так ловко намазал.

– Что-то уж больно ловко, прямо как настоящая, – хвалил Культя и шёл дальше. Заметив действительно неплохие продукты, он принимался их нюхать.

– Воняет, однако, – не очень громко начинал Культя.

– Что ты, что ты! – пугался хозяин.

– Да за такую гниль гнать тебя с рынка, – Культя немного повышал голос. – А ну-ка, братец, иди отсюда, нечего тут гниль добрым людям втюхивать. Эй, товарищи Коммунисты!.. Обратите внимание!..

– На, держи, – колхозник совал критику самую паршивую тыквочку.

Культя быстро прятал руки за спину.

– Я сам выберу, – шипел он в лицо хозяину. – А иначе целый день критиковать твой товар буду. Никто с тобой меняться не захочет. И потом долго никто не захочет. Такая дурная слава пойдёт. Уж я-то умею критиковать...

– Хрен с тобой, – сдавался колхозник. – Выбери.

Продемонстрировав перед колхозниками свои способности, друзья покинули рынок с полагающейся добычей. Культя прижимал к животу небольшую тыквочку. Кнут перекачивал в ладонях три картошины. Больше за один раз зарабатывать не полагалось. Обвинение в завышении личных потребностей, то есть в стремлении к удовлетворению прихотей, считалось серьёзным нарушением Партийной этики и каралось однообразно – лишением Партбилета.

Удалившись от рынка на приличное расстояние, друзья выбрали место побезлюднее и принялись готовиться к обеду. Культя облюбовал кочку повыше, устелил её травкой, уселся основательно, с комфортом. Присмотрелся к тыквочке, наметил бочок порумянее и впился в мякоть по самые щёки.

– Меняться будем? – спросил Кнут, после того как съел две картошины. Культя критически осмотрел предлагавшийся продукт, ещё раз куснул тыкву, закатил глаза.

– Ну? – переспросил Кнут.

Культя откусил малюсенький кусочек, выплюнул на ладонь.

– Вот. Годится?

– Да моя картошина в десять раз крупнее!

– А питательные свойства? В тыкке белки, жирки, углеводороды, – Культя запнулся, наморщил лоб. – Эти, как их... фитамины! А в твоей картошке одна клейковина.

– От картошки зато мочи меньше, – сказал Кнут. – А Кала соответственно больше.

Культя проглотил свой кусочек и замычал:

– М-м-м... На редкость вкусная попалась. Прямо тает во рту. Дураком надо быть, чтобы менять тыквочку на картошку.

– Ну, значит, я и не буду, – буркнул Кнут, заработав челюстями.

Культя доел свою тыкву, старательно изображая на лице неопишное блаженство. Потом тщательно облизал руки, поднялся и пнул кочку, на которой сидел, ногой. Поморщился, насторожился и принялся разрывать её руками.

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
Вцепился во что-то и вытащил совершенно прогнившую железяку, бывшую когда-то баннным тазом, почти без дна и с одной ручкой.

– Ух, ты! – восхитился Культя, осматривая находку.

Кнут подскочил, присел на корточки.

– Спокойно, спокойно, товарищ! Это моё место, я его ещё не покинул, – заорал Культя, разбрасывая землю руками.

– Могу предложить помощь, а что найдем – пополам, – предложил Кнут.

– Как-нибудь без тебя справлюсь! – закричал Культя, ужасно нервничая. – Зачем мне помощники, когда я сам нашел место, где можно что-то найти. Без помощников обойдемся!

– Ну, рой, рой, скоро выдохнешься. – Кнут отошёл и сел в сторонке.

– Хоть и выдохнусь, а не уйду.

– Голод заставит. А как уйдёшь, я тут все перерою и что найду – себе заберу.

В запальчивости Культя ещё поработал некоторое время, но, не обнаружив больше никаких находок, начал добреть.

– Ладно, давай вместе рыть, а что найдем – пополам.

– Годится, – согласился Кнут, с энтузиазмом подключаясь к работе.

Прошло немало времени, прежде чем друзья твёрдо убедились, что никаких полезных ископаемых в этом месте больше не залегают.

– Обидно, – вздохнул Кнут, – хорошее вроде бы место.

– Тебе обидно, а мне не очень, – не согласился Культя, старательно очищая таз от земли и проросших сквозь дыры травинки. – Уж я-то эту штуковину сумею загнать. Не продешевлю. Я умею торговаться, не то, что некоторые.

Кнут понуро молчал. Действительно, несколько дней назад он выменял выкопанную стеклянную бутылку всего за десять картошек. Потрясённый нелепостью подобного обмена Культя – случайный свидетель сделки – долго ходил за Кнутом и всё отчитывал его и отчитывал, учил и учил, пока не получил в глаз. Так они и познакомились, заключив своеобразный союз. Кнут, обладавший приличными вырубальческими способностями, обязался защищать Культя в щекотливых ситуациях своими огромными кулаками, а ловкий на язык Культя брал на себя переговоры.

31

Друзья уселись среди разрытой земли.

– А ты заметил такую странную особенность: всё, что мы в земле находим, было когда-то выброшено. Неужели раньше люди не нуждались в колёсах, бутылках, проволоке? – спросил Кнут, задумчиво пересыпая песок сквозь пальцы.

Культя поскрёб затылок.

– Видимо, раньше люди меньше потребляли, вот им и не требовались ни колёса, ни многое другое. А вот теперь всё это понадобилось. Общество всё-таки развивается.

– Да, – поддакнул Кнут. – Умная голова придумала приладить к тачке колесо, но как было не сообразить, что в бутылках удобно хранить воду?

– Вот кто-то догадался первым, и всем стало казаться, ах, как здорово, ах, как просто, а в старые времена бутылки, наверное, пинали ногами и думали, что это камушки такие.

– Да, хорошо мы живём, – согласился Кнут. – У капиталистов, небось, за

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
бутылку три шкуры сдерут, а у нас они в земле валяются. Нашёл, и твоя.
Хотя, между прочим, слышал я от одного беспартийного, что у капиталистов на свалках фантики валяются. Я, конечно, не поверил, даже дал ему пару раз в глаз. Но он очень уверял. Прямо настаивал. И только после того, как я ему в третий раз врзал, перестал уверять. Видать, врзал.

Культя захохотал.

– Фантики? Валяются? да тогда рабочие разве умирали бы там с голоду? Они на эти фантики наменяли бы себе тыквочек и всякой другой вкуснятины.

– Например, картошек, – поддержал Культя Кнут и тоже заржал.

– Фантики! На свалках! – Культя упал на землю и задёргался в беззвучном смехе.

Насмеявшись, друзья решили искать место для ночлега. Последние дни выдались не очень тёплыми, по всем признакам начиналась осень, а потому спать под открытым небом становилось неудобно. Осмотрев развалины домов и убедившись, что все мало-мальски удобные щели уже заняты вовремя подсуетившимися коммунистами, друзья решили идти к вчерашнему месту – там, по крайней мере, хоть мусор мелкий, и можно в него зарыться.

– Вот оно – наше лежбище, – обрадовался Культя, увидев издалека небольшие бугорки.

Собрав в кучу побольше песочка, травы и мелких веточек, товарищи уселись поудобнее и стали размышлять.

– Чувствую, эта штукавина очень ценная, – разглядывая таз, произнёс Культя.

– Вряд ли. Железо прогнило, труха одна.

– Ободок крепкий ещё, и ручка, гляди, какая толстая. Пожалуй, из неё даже крючок получится.

– Таким крючком только в говне копать. Чтобы землю рыть, крючок должен быть из арматуры.

– Да, хороший крючок – вещь бесценная. Камушком землю тяжело рыть, а вот крючком – одно удовольствие. Эх, нам бы с тобой по крючку, мы столько бы всего нарыли... Столько! – Культя развел руки и чуть не задохнулся от жадности.

– Ради хорошего крючка люди годами грибы долбят.

– Нет, грибы долбить – это уж совсем для тупых, – вздохнул Культя.

– Говорят, бывает, такой гриб попадет, – освободишь железяку пальца на два, а потом, сколько ни стучи, не отобьёшь ни кусочка. Обидно.

– Да уж, – согласился Кнут.

– А ведь бывает и в земле кусок хорошего железа находят, – начал мечтать Культя.

– В земле оно или гнилое, или слишком толстое, ни к чему непригодное.

– Зато в земле колёса попадают...

– В земле что хочешь можно найти.

– Естественно. Земля – это недра. А в недрах – полезные ископаемые. Народное достояние. Слава Кузьмичу, что у нас капиталистов нет. Эксплуататоров поганых. А то увидели бы они мой таз и сразу бы отобрали. Сказали бы: «Эй, Культя, да это же моя земля – я её купил, а ну-ка, давай сюда, что нашёл!». А вот у нас в стране – всё общее. Сдал Партвзносы и живи, как тебе нравится, ройся, где хочешь.

– Лишь бы на этом месте человек не стоял, – слегка поправил Кнут.

– Ну да, и не сидел, конечно, и не лежал. Партийная этика – святое дело. Только кто же на одном месте долго продержится? Этика этикой, а я уж, коль замечу, что кто-то роется в хорошем месте, так сяду и буду сидеть. Дождусь, пока он проголодается и на рынок побежит.

– Я тоже так делаю, – согласился Кнут.

– А что. Я чем только не занимался. И вором был, и попрошайкой, а вот теперь – критик. В подобных специальностях главное – голова.

– Вору главное – ноги, – заметил Кнут.

– Если у вора голова в порядке, то ноги могут и не понадобиться.

Культя ещё раз осмотрел свой таз.

– А из него можно сумку сделать, – вдруг догадался он. – Гляди, вот ручка. А тут прутиками переплести, и получится сумка. Нет, с этой вещицей я не продешевлю. Лично мне сумка ни к чему, всё равно таскать нечего, а колхозники слюнями изойдутся, как увидят. Ведь это не за пазухой картошки можно будет на рынок носить, а в сумке. И добротнo, и красиво.

Кнут завистливо молчал.

– А лучше всего я его на фантики обменяю. Фантики – они всегда фантики. Не протухнут, и бабы за них охотнее дают. – Влекомый мечтательным порывом, Культя полез за пазуху, развязал веревочки, предохраняющие карман от случайного распаивания, вынул свёрток. В нем он хранил Партбилет, маленькую иконку Великого Кузьмича – бесценную реликвию многих поколений – и два фантика.

– Ого! – воскликнул Кнут, рассматривая полупрозрачный, с диковинными цветными зверюшками фантик. – За такой можно кучу картошек сторговать.

– Нет, его я ни за что не променяю. Вот полюбуюсь на него, и приятные мысли в голову забираются.

– А что это такое на каждом фантике написано? – спросил Кнут, ткнув пальцем в буквы.

– Написано? Слово. Вот оно и делает фантики фантиками. Если ничего не написано, значит, это не фантик, а бумажка, хотя, если красивая, то тоже ценная. – Культя спрятал свои сокровища в карман.

– Давай спать, – предложил Кнут, старательно делая вид, что ему вовсе и не завидно.

– Давай, – согласился Культя. Он быстро вырыл в земле ямку, опустил туда таз, лёг сверху и стал закапывать себя мусором.

В это утро Культя проснулся первым. Огляделся и, взволнованно суетясь, начал разрывать своё лежбище.

– Я уж испугался, не приснилось ли мне. Нет, всё в порядке, вот он родимый, – Культя вытащил таз, протёр и стал любоваться. – А ты особо не разлеживайся, – крикнул он приятелю, – пора на рынок топать.

Мусор над Кнутом зашевелился.

– Давай, давай, поднимайся! Сам меня вечно ругаешь, что засоня, мол, лучшие продукты другим достаются, мол, поздно приходим.

– Да ведь ещё и не рассвело, – пробурчал Кнут, приподняв голову.

– Ну и что. Зато первыми прибудем. У кого замечу больше всех картошек, тому и предложу свою вещицу.

– Ты же собирался на фантики меняться?

– Сначала сменяю на картошки, а потом эти картошки толкну за фантики в

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
каком-нибудь ресторане. Чем больше обменов, тем выгоднее. При толковой голове, конечно.

– Так у тебя попрошайки всё выпросят.

– Что-то выпросят, а что-то и не успеют, – не сдавался Культя.

Кнут нехотя выбрался из-под мусора. Подвигал суставами, одеревеневшими от лежания на одном боку, сделал пару приседаний.

Его товарищ продолжал распалать воображение, намереваясь чуть ли не всю оставшуюся жизнь пользоваться плодами от предстоящей сделки. Не переставая расхваливать необыкновенные потребительские свойства найденной штуковины, Культя любовно уложил таз на возвышенность и отошёл в сторонку, не спуская глаз с предмета своего необыкновенного везения. Потом поёрзал рукой в штанах, смачно пукнул и, зажмурившись от блаженства, пустил тугую струю под ноги. После чего подцепил свой таз пальцем и, замурлыкав какой-то незатейливый мотив, с видом настоящего хозяина жизни направился в сторону города. «Пусть сегодня он меня догоняет», – подумал горделиво, резко увеличивая шаги.

Кнут вскочил, недовольно ворча:

– Совсем обалдел на радостях. Куда в такую рань?..

Культя удалялся, не оглядываясь.

Кнут сделал шаг и замер. Там, где его приятель минуту назад справлял естественные надобности, в пробуравленной струёй ямке что-то поблескивало. Кнут нагнулся, ковырнул пальцем. Стекло!

К сожалению, это оказалась не бутылка и не пузырёк, а просто осколок размером с две ладони. Но все равно ценность немалая. Колхозники щедро расплачивались даже за мелкие кусочки. Они расплавляли их на огне, а потом лепили из них посуду. А вот такой обломок вполне годился для окна.

Кнут осторожно протёр стекло ладонью. Культя уже вертелся рядом и соображал, как бы отсудить у товарища право на находку.

– А ты говорил – тыква... – начал Культя издалека.

– Что?

– Не ты ли утверждал, будто от тыквы одна моча? А ведь не являйся тыква мощным мочегонным средством, то глубина ямки, безусловно, не достигла бы необходимых размеров и никогда бы мы это стекло не нашли. И заметь, как точно я выбрал место!

– Ладно, – сказал простоватый кнут, – будем считать его общим.

Культя сразу согласился, но до самого рынка продолжал разглагольствовать о том, какой он умный, что предпочитает тыквочки картошкам, о том, как сильно он напрягался, направляя струю в заветное место.

– Вот другие любят брызгать по сторонам, трясут своей елдой как идиоты, а я не такой, я все делаю с пользой. Правда?..

30

На рынке ещё не было ни души. Культя выбрал место посередине поляны и установил таз на вытопанную землю. Он поворачивал его так и этак, стараясь, чтобы потенциальный покупатель увидел его с наиболее привлекательной стороны. Стекло Культя решил держать в руках.

Спустя некоторое время появились с набитым под рубахи товаром колхозники, отчего выглядели ужасно пузатыми. Некоторые, из тех, что позажиточнее, несли продукты в вёдрах, дырки в которых были искусно переплетены проволокой и замазаны глиной. Многих сразу заинтересовало стекло. За него предлагались и картошки, и тыквочки, но Культя запрашивал такое невероятное их количество, что труженики полей обескуражено качали головами и отходили. Таз, несмотря на его крепкую ручку и жёсткий ободок, почему-то не привлекал

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
большого внимания, хотя Культя расписывал его достоинства с огромным энтузиазмом. Один работяга предложил за него пару картошек, другой – малюсенькую тыквочку.

- Была бы жесьть крепкая... – почему-то, словно сговорившись, твердили колхозники.
- Жесьть, жесьть, – Культя корчил пренебрежительную гримасу. – Ты посмотри, какой ободок упругий. А ручка? Это же металл! Из него можно сумку сделать.
- Вот если бы в нём дно было, – твердили колхозники.
- Дно, – фыркнул Культя. – Где вы таз с дном найдете?
- Хотя бы дырявое. Мы бы залатали.
- Да отдай ты его хоть за что-нибудь, – советовал Кнут.
- Нет уж. Здесь не поменяю – в другой город пойдём. Туда, где люди помышленее.
- Ладно, давай хоть свои способности продемонстрируем, а то что-то жрать захотелось.

– Давай, – согласился Культя, высматривая подходящую жертву. Облюбовав колхозника, который разложил перед собой кучу прекрасных продуктов, Культя со знанием дела реализовал свои способности, за что и получил одну из тыквочек для удовлетворения насущных пищевых потребностей. Теперь необходимо было сдать колхознику Кал. Эта обязательная процедура вменялась каждому коммунисту, дабы не возникло искушения получать продукты на халяву, сверх предписанных Членами Политбюро потребностей, а именно: раз в день. Культя уселся на глиняный горшок, положил тыквочку на колени и стал тужиться.

Через некоторое время друзья встретились на краю поляны. Они уж было собрались перекусить, как вдруг послышался громкий крик:

– Сбор Партвзносков!

Культя чуть не выронил тыквочку, но сразу опомнился, вытянул шею и выкрикнул визгливо:

– Сбор Партвзносков!

– Сбор Партвзносков! – заорал Кнут.

– Сбор Партвзносков! – крикнул кто-то невдалеке.

– Сбор Партвзносков!..

– Сбор Партвзносков!..

– Сбор Партвзносков!.. – слышалось со всех сторон. Народ тут же начал стекаться к памятнику Кузьмичу.

Случись в этот ответственный момент кому-то остановиться, повернуть в другую сторону или хотя бы замешкаться – и в Коммунизии на одного беспартийного стало бы больше.

В каждом городе Партвзносы принимал Секретарь Парткома. Он укладывал их в тачку, а потом, отделив необходимое количество для себя и своей жены, отвозил в Столицу.

Культя приблизился к монументу на дрожавших от патриотического восторга ножках. Его лицо горело вдохновением:

– Слава Партии! Да здравствует Коммунизм! Учение Великого Кузьмича – бессмертно! Слава мудрым руководителям Партии – Членам Политбюро!

Стоял невообразимый гвалт. Все орали примерно то же самое, стараясь перекричать друг друга.

– Да здравствуют наши вдохновители и учителя – Секретари Парткомов! – выдал Культя, сияя глазами. С гордым видом он поднял таз повыше, задержал руку, чтобы все оценили его щедрость, и бухнул своё сокровище под ноги Секретарю. Тот опустил глаза, скривил рот, немного удивился, присел, потрогал пальцем и, покачав недовольно головой, произнёс брезгливо:

– Не годится.

Культя чуть было не рухнул в обморок. Всю дорогу до памятника он боролся с собой. Хотелось продемонстрировать свою щедрость, отличиться, возвыситься над толпой, бросающей в тачку картошки и тыквочки, и вдруг... такой облом.

– Тыкву клади, дурак, – зашипели вокруг.

Культя уложил тыквочку на кучу. Секретарь одобрительно кивнул.

Кнут сдал три картошины. Кто-то, не имея продуктов, стягивал с себя единственную рубаху, а кто-то и штаны. Никому не могло прийти в голову явиться к Великому Кузьмину с пустыми руками, или, скажем, голым, чтобы наглядно продемонстрировать свою невзнососпособность. В таком случае Секретарь тут же произносил душераздирающую речь о вредителях, льющих воду на какую-то там неведомую капиталистическую мельницу, вражбых происках, саботаже, антикоммунистическом заговоре, после чего протягивал руку и забирал Партбилет.

Тем, кого клич «Сбор Партвзносов!» заставлял врасплох, разрешалось тут же столкнуться с кем-нибудь о предоставлении, так сказать, кредита, предварительно обговорив условия возврата. А поскольку всегда можно принизить достоинства того, что вам возвращают, от желающих дать займы не было отбоя. В спорных ситуациях, когда кто-то слишком уж зарывался в своих претензиях, вердикт выносили местные Секретари, что кончалось для одной из сторон либо значительным материальным взносом в пользу Партии, либо лишением Партбилета. В Партком тянули обидчика лишь тогда, когда были абсолютно уверены в своей правоте, ибо Секретари не очень-то заботились о справедливости и часто решали споры на ширмачка, руководствуясь внутренним позывом, обычно в пользу того, кто ловчее выкрикивал коммунистические заклатья.

Здесь же, у памятника Великому Кузьмичу, товарищи узнали важную новость: Члены Политбюро вновь переименовали Коммунизму в Коммунякию. О подобном историческом событии полагалось узнавать вовремя, ведь случилось, сохрани Кузьмич и помилуй, предстать перед одним из Секретарей, не зная о столь важном политическом происшествии, и... прощай Партбилет.

29

Культя и Кнут вышли из города, слегка переругиваясь. Кнут посмеивался над патриотическим порывом друга, а тот в ответ уверял, что ради дорогих Членов Политбюро согласен на любые лишения, готов даже голодать. Хоть несколько дней. Хоть больше.

– Хорошо, – обрадовался Кнут, – с завтрашнего дня отдавай продукты мне, а я буду всем говорить, что ты это делаешь в знак уважения, любви и признательности к родному правительству.

Культя подумал, но не согласился.

Тогда Кнут предложил загнать таз какому-нибудь колхознику хотя бы за пару картошек. Ведь Кал уже сдали, и больше за их способности нигде ничего не обломится. А если они не поедят сегодня, то завтра Кала у них, естественно, тоже не будет, и их способности опять окажутся неиспользованными.

Культя кивнул. Да, поесть, конечно, надо, но вот загвоздка: таз-то его личный. И в связи с тем, что у нас, Слава Кузьмичу, все-таки не анархия и не капитализм, претендовать на личное имущество Кнут не имеет никакого права. Вот если бы у них имелось что-нибудь общее...

Кнут озадаченно осмотрел товарища с головы до ног.

– А стекло? – спросил он, внутренне холодея от ужасных предчувствий.

Культя замер, зачем-то посмотрел на таз, зажмурился. Осторожно ткнул себя пальцем в живот, потом пониже.

– Здесь оно было. Я его, когда клич раздался, спрятал, – жалобно пролепетал Культя. Ноги критика подкосились, в штанах тонко хрустнуло. Кнут рванул товарища за рубаху. Из Культиных штанин посыпались осколки.

– Ах ты, балда! Раздавил стекло наше. Взял и раздавил. Да чтоб тебя!..

Культя понуро молчал. Оправдываться не стоило. Кнут был незлобив и, если подольше сохранять скорбный вид, мог быстро отойти и даже начать сочувствовать.

Осколки собрали в тряпицу. По пути к ближайшему колхозу Культя усердно припадал то на одну ногу, то на другую.

– Чего хромаешь? Жопа – не ноги, – ехидничал Кнут.

Критик захромал ещё сильнее.

В деревне, облюбовав землянку покрупнее и с трубой, что являлось конкретным признаком зажиточности, друзья, решительно подталкивая друг друга, вошли внутрь, беспрестанно повторяя: «Мы по делу. Мы по делу...».

Колхозники не очень-то жаловали праздных гостей или попрошаек. Могли, не разобравшись, спустить на них учёную крысу, а то и подослать ядовитого паука, от укуса которого человека пробирал неистребимый понос и отнимались ноги, так что нетрудно представить, в каких условиях помирал укушенный.

Быстро перезвездившись на икону Кузьмича, висевшую в углу, Культя и Кнут присели на громоздкие табуретки – обломки железобетона от городских грибов. Колхозник не спеша выполз из-за печки, так же не спеша осмотрел осколки, смерил пальцами, оценил прозрачность, попробовал на зуб. Потом очень долго и основательно изучал таз: прикладывал к уху, стучал по нему и опять пробовал на зуб.

– Чего желаете за предметы? – спросил протяжно.

– Стекло – за продукты, ну а таз – за фантики. – Культя пошнырял глазами по углам – вдруг крыса выскочит.

Хозяин поковылял к божнице, машинально осенил себя звездой, вынул из-за иконы Кузькиной Матери небольшой свёрточек.

– А правда, что Кузьмич спустился с неба и освободил народ от цепей капиталистов? – шепотом спросил Кнут.

– Как это с неба? – поразился Культя. – Там же бесконечная пустота. Кузьмич вышел из-под земли. Ведь кланяемся мы земле, а не небу.

– Ага, – кивнул Кнут, – показал он тогда этим капиталистам Кузькину Мать. Страшная она была. Капиталисты так и дохли с испугу.

– Путаешь ты что-то. Это товарищ Маузер был страшный. Это он их всех сгубил. А Кузькина Мать была доброй и любила детей. И ещё она громко стучала лаптем по капиталистической трибуне, запугивая буржуев Красной кнопкой. А после Великой Революции – вся эта святая троица: Кузьмич, Кузькина Мать и товарищ Маузер – кормили буржуйские трупы опарышам и насытили этими опарышами народ. Вот после этого и зажили мы счастливо. – Глаза Культи заблестели. – Эх, давно я что-то опарышками не лакомился.

– С пивком, – облизнулся Кнут.

Культя перезвездился ещё раз. Кнут тоже. Хозяин халупы развернул свёрток, выложил на стол несколько фантиков – невзрачных, помятых, с выцветшим рисунком.

– За таз? – удивился Культя. – По-моему, это бесконечно мало. А по-твоему? – зыркнул он на Кнута.

– Очень мало, – с видом знатока кивнул вырубала.

Колхозник осмотрел свои фантики, добавил ещё один, покрасивее.

– Нет, нет, – не сдавался Культя. – Ещё минимум с десятков, а потом только начнём торговаться.

Колхозник удивился, подвигал бровями, собрал свои фантики и понёс на прежнее место.

– Экий ты тип нудный, – огорчился Культя. – Совсем не умеешь торговаться. Ты бы мой таз покритиковал, я твои фантики, глядишь – кто-нибудь и уступил бы.

– Так ты, небось, из критиков?

– Ага! Имею соответствующие способности.

– Не люблю я критиков. Продукты у меня хорошие, а они все хаут, хаут. У кого хреновые, у того не хаут, а вот мои хаут.

– Это чтобы ты их качество не снижал. Экий ты болван, однако.

– Я-то, может, и болван, но вы лучше хайте у тех, у кого продукты хреновые, чтобы они качество повышали.

– Толково, – согласился Культя, – но речь пока идёт не о продуктах, а о тазе.

– А не нужен мне твой таз. Ты мне мозги запудришь, затуманишь. Знаю я вас – критиков.

– А стекло? – спросил Кнут.

– И стекло мне от критиков не нужно. Ничего мне от критиков не нужно. Не надобно, значит.

– Так я, вот, не критик, – сообщил Кнут.

– Дак кто ж?

– Имею способности вырубалы, – похвастался Кнут. – Недюжинные.

– Вырубал я тоже не жалую. Вот кабы вы предлагали свои способности, когда вас покличут, – критиков, к примеру, разогнать или этих, как их – попрошаек... так нет: все грозитесь, грозитесь, кто в нос обещает, кто в ухо – корми вас задаром. Оболтусов. Идите отсюда, пока не поздно, а то пауком укушу.

Оказавшись на улице, товарищи отошли от негостеприимного дома подальше.

– Критики ему не в душу, – шипел Культя. – Как будто я дармоед, какой...

– Вырубал он не жалуется, – обижался Кнут. – Как будто я плохой вырубала.

– Да он просто тупой. Торговаться не умеет.

– Надо было дать ему пару раз в глаз, да опасно, сам понимаешь.

– Да... Ну и пошёл он... Пусть живет без таза и стекла, задери его капиталист, – выругался Культя.

– Чтоб его после смерти вороны не склевали, – прибавил Кнут. – Чтоб его в землю зарыли.

– Вот, вот. Таких и надо зарывать. Бесполезный человек. Никчемный.

В одной из крайних хат Культя все-таки нашёл достойного соперника. Наторговавшись до посинения и сипоты в голосе, друзья выторговали за осколки стекла пару тыквочек, шесть картошек и четыре фантика.

– Продукты выбирать будем сами, – предупредил колхозника Культя.

Вспотевший и изможденный хозяин запротестовал было, но критик холодно заявил:

– Тогда начинаем торг по новой.

– Ладно, – сдался колхозник. – Сами так сами.

– И ещё мы у тебя переночуем. А то темнеет уже...

– Молодцы мы с тобой всё-таки. Хорошо стекло поменяли, – радовался Культя, когда они, отягощенные отличного качества продуктами, выспавшиеся, бодрым шагом направлялись к городу.

– Не стекло, а осколки, – поправил Кнут. – За стекло нам бы и не унести всего было.

– Унесли бы. Я бы чего хочешь унёс. Лишь бы дали...

– Так ведь не несём же?

– Не несём.

– Отупел ты, что ли, – рассердился вырубала. – Ведь потому не несём, что ты его раздавил.

– Раздавил, – согласился Культя.

– А коль раздавил, значит, виноват.

– Виноват.

– А коль виноват, так давай эту тыквочку мне.

– Так ведь всё пополам. Стекло-то общее.

– Общее целое было.

– А битое, значит, моё? – обрадовался критик.

– И битое общее.

– А раз общее, значит, всё пополам.

Вырубала остановился, сильно озадаченный. Культя его вконец запутал.

– Ладно, давай перекусим, – смирился Кнут. – А то ещё окажется, что я тебе должен.

– Можно и перекусить, – согласился Культя.

– Что-то больно ты покладистый стал, после того, как стекло раздавил.

– Так ведь виноват же...

– Ну тебя... – досадливо отмахнулся Кнут.

28

Но не успели они начать трапезу, как появился попрошайка. Грязный, замотанный в ворох рваного тряпья, он подкатился к Кнуту на полусогнутых ногах и, тряся многочисленными бородавками на заскорузлом лице и сияя подобострастными глазами, забормотал скороговоркой:

– Дай, дай мне кусить. Ох, как мне хочется кусить. Вот этой тыквочки кусить. Всего один разочек кусить. Один разочек, ну два, ну, самое большее, три. Дай, дай мне кусить. Скорее дай мне кусить. Ох, как хочется мне кусить. Я с края кушу, а, хочешь, с середины, откуда разрешишь, оттуда и кушу, с самого неудобного места кушу. А рот у меня маленький, так что я

немного кушу. И зубы у меня крохотные, посмотри какие. Я разочек кушу, а потом хвалить тебя буду. Ох, как я хвалить тебя буду. И тыквочку твою похвалю, и тебя похвалю, и одежду твою. Я так хвалить тебя буду, так хвалить, как никто тебя ещё не хвалил. Ох, как я хвалить тебя буду. А уж хвалить-то я умею. Ох, как умею. Ох...

– Да, попрошайка ты способный, – прослушав эту тираду, невозмутимо изрек Кнут, – но тыквочки кусить я тебе не дам.

– Да как же это не дашь? Я же так хорошо прошу. Так умело прошу. Я всю жизнь прошу, других способностей у меня нету...

– А что знаешь ты про мои способности? – поинтересовался Кнут.

– Ничего не знаю, не ведаю, но тыквочка у тебя хорошая, и человек ты хороший, упитанный, симпатичный, сразу видно – не попрошайка. Наверно, ты вор?

– Нет, не вор. Я – специалист по фингалам. Это основные мои способности, и они меня кормят. И представь, как только какого попрошайку увижу, как только начинает он кланяться, такая потребность возникает дать ему в глаз, что прямо не стерпеть. Покормить я тебя, конечно, обязан, коль это основные твои способности, но после того, как ты удовлетворишь мои. Хотя можно и потом, но лучше сразу. Потому что потом, как только ты сожрешь мою тыквочку, я буду злее, чем сейчас, и бить буду с размаха. Так что подставляй или глаз, или ухо...

– А я и не у тебя прошу, – забормотал попрошайка. – Я у него прошу. – Он придвинулся к Культе. – Дай, дай кусить твоей тыквочки. Ох, как хочется мне её поскорее кусить...

– Да кто ты такой? – Культя торопливо заработал челюстями.

– Сява я, Сява, я только просить умею. Дай мне скорее кусить...

– А ш-шаво ты думаешь, что я так просто возьму и дам? – Критик изо всех сил тянул время и, не переставая говорить, глотал куски, не прожёвывая. – Да ты, можа, и не Коммуништ вовше, а за потребношти бешпартийных никто отвештвенношти не нешот. У нас Коммунижм вшо-таки, а не какой-то там паршивый капитализм!

– Да как же это беспартийный? – возмутился Сява. – Я всю свою жизнь Коммунист. – Он распахнул свои тряпки и показал Партбилет, крепко привязанный к животу проволокой.

– Дай ему кусить, – посоветовал Кнут. – Ведь всё равно не отстанет. Он тебе так надоест, что ты ему потом пять раз кусить позволишь, лишь бы замолчал.

– Так и ты дай, – жадничал Культя.

– Я ему лучше фингал поставлю.

Сява продолжал извиваться вокруг Культи, заговаривался, лез целовать его лапти, хвалил рубаху из мешковины, восхищался «красотой лица и умом мозга».

– Ладно, куси разочек, – разрешил Культя, постепенно размякнув от восхвалений.

– Пять, пять разочков, – затрясся попрошайка. – Пять маленьких разочков.

– Разочки не могут быть маленькими, – заметил Культя нравоучительно. – Маленькими бывают кусочки.

– Ах, какой умный человек! – закричал Сява. – Такой умный не может быть жадным. У такого умного всегда будут и картошки, и тыквочки, и целая куча фантиков.

– Три раза, – сдался Культя. – Вернее, разочка. То есть, кусочка. И широко рот не разевай!

Попрошайка мигом отхватил чуть ли не половину тыквочки.

– Вот тварь, – возмутился Культя. – А ещё Коммунист называется.

Сява отскочил на всякий случай.

– Только вякни ещё хоть раз, – пригрозил Культя, – сразу в Партком отволоку.

Попрошайка и не думал вякать. Чтобы ещё поесть, надо было искать новую жертву. Таковы строгости Партийной морали.

– Пора на базар идти, – сказал Кнут, пощупав живот. – Ведь мы еще Кал не сдавали. Припрёт не ко времени – и пропадай наши способности зазря.

– Как город ваш называется? – окликнул Культя попрошайку Сяву, который тут же подсел поближе с очень заинтересованным лицом.

– Краснославск.

– Хорошее название, – похвалил Культя.

– Да, да и название хорошее, и город славный, – затараторил Сява. – А какой у нас здесь Секретарь Парткома! Глаза – во! Руки – во! Живот – во! Вот какой у нас Секретарь! А какие у нас тут девки! Не девки, а фантики. Сокровища подземных недр. Вот, какие у нас девки! Рядом со мной одна такая обитает. Проживает как бы. Васенькой её зовут. Уж до чего хороша эта Васенька, до чего аппетитна. Так бы вот прямо и съел её, уж до чего хороша. Прямо не девка, а смак. А уж до чего ловка, вертлява, точно виртуоз. Это я вам с Партийной прямою скажу. С полной коммунистической ответственностью.

– Ну, так веди нас к ней, – потребовал Кнут.

– Я бы свёл, мне-то что. Привёл бы, и всё тут. Чего не привести, если хорошие люди. Достойные, не жадные. Только вот что-то в брюхе у меня пустовато. В животе, то есть. Надо бы ещё перекусить где-то сначала. Похавать, то есть. Закусить. А потом можно и к девке. Прямо к ней. К голубушке. Как наемся, так сразу к ней и пойдём. А ещё лучше – побежим. Мне всё равно. Я, когда сытый, могу и рысцой бежать, могу и галопом. Только поспевайте. Вот как поем, так прямо к девке и побежим. А хотите – понесёмся?..

– Ясно тут всё, – сделал заключение Кнут, – и понятно. Мы его накормим, а он от нас галопом.

– Ага, – поддакнул Культя. – Небось, думает, на простофиль нарвался.

– А как прибежим мы к девке, – продолжал заливаться Сява, – так я спать завалюсь. С набитым животом. Сытый, значит. А вы с Басенькой будете развлекаться. Я – спать, а вы – развлекаться. А утром, как проснусь, я у вас ещё еды попрошу. Не за Басю. Просто так попрошу. Буду просить, просить и выпрошу. Я умею просить. Ох, как я умею просить. Я так умею просить, что мне и не съесть всего, чего выпрошу. Я ещё и вас покормлю тем, что у вас выпрошу. Вот как я умею просить...

– Ладно, заткнись! – прикрикнул Кнут. – Не вызывай у меня потребность фингал тебе поставить.

– Каждому – по потребностям, – согласился Сява. – Святое дело. Особенно, если есть способности... – Попрошайка мигом захлопнул рот, заметив, что Кнут начал напрягаться.

– Бася-то твоя, небось, только у тебя в голове проживает, – хихикнул Культя ехидно. – В болезненном воображении.

Попрошайка горестно взмахнул рукой.

– Невери вы. А коль невери, значит, и говорить с вами не о чем. Пустое дело с неверютиками разговаривать. Я столько слов сказал, столько намолотил, натараторил, так старался, весь язык отбил. Во как отбил. Полюбуйтесь. Распух даже. Посинел. И всё без пользы.

– Ясно, что без пользы. Не облапошил нас, вот и без пользы, – отрезал Культя. – А мы не дураки всё-таки, чтобы какого-то попрошайку слушать. Мы лучше на рынок пойдём и заработаем там ещё по тыквочке. Идём?

– Идём, – заторопился Кнут.

Сява, однако, не отставал. Всю дорогу он бесшумно порхал сзади, причитал, пока друзья ступали вперёд, замолкал, когда они останавливались, и ложился на землю, если кто-то оборачивался.

– Хороший попрошайка, – сказал Культя. – Способный. Он теперь от нас не отвяжется. Будем его всю жизнь кормить.

– Дам ему пару раз в глаз – сразу отвяжется.

– Так он издали просить будет, с безопасного расстояния, а подскочишь – убежит.

– Ничего, мы сами от него убежим, – успокоил Культя Кнут. – Проснёмся завтра пораньше и убежим. Мы так быстро побежим, что никакой попрошайка не догонит. Мы быстрее, чем воры, побежим. Ах, как мы быстро побе... Тьфу, черт, – сплюнул Кнут. – Вот зараза...

– Шёл бы ты своей дорогой, хороший человек! – крикнул Культя попрошайке. – Не видишь разве, что нам не по пути.

– У нас у всех один путь – к светлой заре Коммунизма.

– Это мы к заре пойдём, а твоя дорога – в беспартийные.

– Недушевные вы люди, – с обидой в голосе забормотал Сява. – Твердолобые и твердокаменные. Басенька таких не любит. Пойду-ка, пожалуй, я других людей искать. В наш город много всякого народу забредает. Идут и идут, и куда идут? Зачем идут? Хоть утром, хоть вечером – всё идут и идут. Уж каких только людей я не видывал. И злых, и тупых, и твердолобых, вот как вы, например...

Кнут сжал челюсти и двинулся на попрошайку. Тот попятился, не позволяя сократить расстоянию, и продолжал выкрикивать:

– А знали бы вы, как много хороших людей приходит! Даже не просто хороших, а прямо-таки отличных. Замечательных. Просто превосходных. Они меня и накормят, и напоят, и вежливо поговорят. А я их Васенькой попотчую. Угощу. Они с Васенькой побалуются, порезвятся, и давай опять меня кормить, поить. Вот какие люди. А вы...

Кнут угрожающе затопал ногами. Попрошайка взбрыкнул и, как вихрь, унёсся из поля зрения. Даже ветерком дунуло.

– Слава Кузьмичу, кажется, отвязались, – озадаченно покачал головой Кнут. – Ну и трепло.

– Действительно, – согласился Культя. – Вот уж трепло, так трепло. Такое трепло, аж в голове звенит. И не просто звенит, а прямо гудит, или даже грохочет. Как будто кто-то тазом по башке заехал. Или врезал? А может быть – долбанул? Или треснул? Или задубасил?

Кнут дал критику затрещину.

– Ой, – вздрогнул Культя. – Кажется, полегчало. Спасибо.

– А не попить ли нам сегодня пивка? – предложил Кнут после того, как они с Культей, посетив рынок, прикончили продукты.

– Попить оно, понятное дело, вроде бы как и можно, – высказался Культя. – Но вот, как бы это сказать, имеются по этому поводу некоторые сомнения.

– Гм-м?..

– Относительно моральности данного деяния. Не потакание ли это тлетворным

прихотям?

– Ты что, пива никогда не пил?

– Пил, разумеется, но всегда сомневался.

– Сомневался? В чем? Способностями ты не обделен, соответственно имеешь полное право позволить себе потребности, пусть даже и те, которые не доступны рядовым Коммунистам.

– У преданного члена Партии не должно быть потребностей, подозрительно граничащих с прихотями, – упрямылся Культя. – Настоящий Коммунист должен кушать, сдавать Кал колхозникам, Партвзносы – Секретарям, да сплачивать свои ряды вокруг любимой Партии, которая обеспечила ему возможность жить в стране, первой в истории человечества завершившей строительство Коммунизма. Все остальное – лживые ценности капиталистов.

– и бабы? Про их потребление члены Политбюро тоже не дают наказов.

– Бабы? – Культя зажмурился. – Бабы – это бабы.

– По-моему, есть способности – потребляй, что хочешь. Секретари – вон, когда собирают Партвзносы, – принимают не только картошки и тыквочки, а и пиво, и крыс, и опарышей, и другие деликатесы. И все это, заметь, они везут в Хремль, нашим горячо любимым Членам Политбюро. Сам, небось, не раз видел.

– Видел. Ну и что? Да эти люди... Своим трудом! Своей неустанной заботой! Мобилизующей! Вдохновляющей! На подвиги! На борьбу! За Правое Дело Партии! Да они! Они!.. А что я?

– Лучше скажи, что тебе фантиков жалко, – продолжал подначивать Кнут.

– Мне? Ну, жалко. Вот если бы на Правое Дело...

– На какое?

Культя растерялся. Он, безусловно, знал, что Правое Дело Партии победит. И ради этой победы готов был на все. Но на что конкретно – не знал. Все вокруг постоянно к чему-то призывали, но ничего, согласно этим призывам, не делали. Так уж было заведено. Поэтому, не подвергая ни малейшему сомнению правильность провозглашаемых лозунгов, жители Коммуны тихо и мирно занимались своими делами, а вовсе не неслись громить окопавшихся за рубежом капиталистов или ещё теснее сплачивать свои ряды вокруг любимой Партии. В пытливую голову Культы даже прокрадывалась крамольная мыслишка, которую он, впрочем, благоразумно никому не высказывал, что теснее сплачивать свои ряды уже невозможно. Ведь сколько лет их уже сплачивали и сплачивали, всё теснее и теснее? Есть же какой-то предел, за которым, по здравому рассуждению, Партия будет элементарно раздавлена? И даже рассматривая это дело не конкретно, а образно, опять получаем несуразицу. Если, например, сегодня мы ещё больше сплотили свои ряды, значит, вчера они были менее сплоченными? Но вчера мы их тоже сплачивали. И позавчера, и ещё раньше, и ещё... Значит, совсем недавно наши ряды вовсе не были сплоченными? Нелепица какая-то...

Опасные эти размышления оборвал Кнут, заявивший, что первые две кружечки ставит он. Культя тут же отбросил все сомнения и побежал к пивнушке, обгоняя не только своего товарища, но и многих других Коммунистов, стремившихся в том же направлении. Навстречу тоже происходило некоторое движение, но менее целенаправленное, поскольку обслуженные клиенты страдали сильной потерей координации.

27

Заведение, в которое заявили приятели, выглядело прилично. Оно располагалось внутри удачно рухнувших стен старого гриба и представляло собой уютное помещение, в котором на бетонных обломках восседали и возлежали местные любители пива.

Друзья шагнули внутрь и, пихаясь-толкаясь, по рукам, ногам и головам, стали пробираться вперёд. Вырубала расчищал путь увесистыми затрещинами. Возле стойки, искусно изготовленной из глыбы полированного асфальта, орудовал бармен.

– Два пива, – потребовал Кнут, швырнув на стойку фантик.

Бармен изучил бумажку, цокнул языком, зачерпнул из железной бочки черпаком, не скупясь, по самые края, налил две глиняных кружки. На сдачу кинул половинку корявенькой картошки.

– Добавь чуток, во Славу Кузьмича, – попросил Кнут. На срез картошки легли два жирненьких розовых опарыша.

– Ух ты! – обрадовался критик, увидев угощение. – Обожаю пиво с солёненьким. – Он схватил червячка, положил на язык и начал цедить напиток длинными глотками.

– Твоя очередь угощать, – напомнил Кнут после того, как Культя вытряс последние капельки в рот.

– А как же, – согласился критик. Он встал, расправил плечи, вдруг почувствовав себя таким же сильным, как вырубала.

– Два пива, крысу да пясточку опарышей, – крикнул Культя, взмахнув фантиком.

Бармен чуть-чуть сфокусировал взгляд на фантике и стал полировать тряпочкой асфальт.

– Ты что, оглох что ли?

– Одну кружечку, так и быть, налью.

– Одну? За фантик? Такого некачественного пива?

– Пиво у нас – супер. А может быть даже, люкс.

– Пиво ваше жидкое, кислое, мутное, незабористое, пенится плохо, и ещё от него чем-то воняет. Воняет? – Культя пихнул в бок долговязого колхозника, выкладывающего на стойку кучу картошек.

– Воняет, – обрадовался колхозник, которому бармен уже подставил две кружки с пивом.

– А раз воняет, налей-ка ему третью, – подначил критик. – Он-то тебе качественный продукт принёс.

– Ага, налей-ка, – поддакнул мужичок.

– Мы уже сговорились, – рыкнул бармен на колхозника. – Забирай свои кружки и катись... А за фантик твой, – обратился он к Культе, – так и быть, налью две.

– И копчёную крысу, – потребовал Культя. – И учти, я – не попрошайка. Я – критик. Я могу тут весь день и всю ночь твоё пиво критиковать. Я буду до тех пор критиковать, пока вы не повысите его качество. Смекаешь?

– Язык отвалится.

– Не беспокойся. Язык у меня о-го-го. Почище, чем у любого попрошайки.

Бармен шлёпнул на стойку две кружки, кинул малюсенькую крысу, ловко выхватил у Культи фантик и пошёл собирать посуду.

В пивнушку вполз беспартийный. Не поднимая головы, стараясь никого не зацепить, он бесшумно пробирался по полу, собирая всяческие отбросы. Он мог находиться тут, среди людей, но лишь до тех пор, пока кому-нибудь не придёт в голову крикнуть, чтоб убирался. Ещё беспартийным не полагалось смотреть коммунистам в глаза и подавать голос. Ведь каждый, кого присутствие подобного убожества хоть как-то задевало, мог сделать с ним что угодно, хотя бы даже убить, чтобы скормить опарышам. Так многие, пожалуй, и поступали бы, но беспартийные дрались за свою жизнь. Молча, не глядя в глаза, исступленно.

Культия, сияя, пробрался к Кнуту. Отломил у крысы хвостик, кинул товарищу.

– Я-то пополам всем делился, – не одобрил его действия вырубала.

– Эко сравнил – крысу и опарыша. – Культия поднёс тушку к носу и обнюхал её.
– Опарыш – баловство, а крыса – еда. Ах, как пахнет! На – понюхай!..

Кнут, сжав челюсти, насупился.

– Чего дуешься? Мы про пиво договаривались, что пополам, а остальное – придача. А придача зависит от способностей. Всё честно.

Кнут достал последний фантик, осмотрел его внимательно и пошёл торговаться. Вскоре он вернулся с двумя толстущими копчеными воронами, жир с которых так и капал.

Критик даже подавился и, не скрывая зависти, уставился на добычу приятеля.

Кнут вспорол тушку ногтем, выковырял потроха, швырнул их на пол. Беспартийный, ползавший по полу, мгновенно подхватил угощение и тут же проглотил.

– Ну ты даешь! – возмутился Культия. – Все этой – потроха! Я бы и сам их скушал.

– Ты уже и так нажрался. – Кнут принялся разделять вторую ворону.

– А я бы завтра оставил.

– У тебя ещё фантики есть и таз, а у бедолаги – ничего.

– Нашел кого жалеть. Его, поди, не так просто из Партии выперли?

– Всякое бывает...

– Нет, не бывает!

Кнут опять бросил потроха под ноги. Культия не выдержал. Отпихнув сжавшегося в комок беспартийного, подхватил с полу кишки и запихал в рот. Потом уселся на прежнее место и стал глядеть на чавкающего товарища.

– Крепкая пища, добротная, – похвалил еду вырубала. – И сытная. Не то, что твои тыквочки.

– И как это в тебя столько влезает? – угодливо подивился Культия в надежде, что Кнут поделится.

– Да вот, уже почти и не лезет. Может, отдать кому? – Кнут окинул взглядом помещение.

Культия нервно огляделся и нежно уставился на друга.

– Когда сильно переешь, может случиться запор, – предупредил он вырубалу.

Тот перестал жевать.

– Действительно. Молодец, что напомнил, – согласился Кнут. – Завтра доем. С картошками вприкуску. Ужас до чего я люблю ворон с картошками.

И тут они заметили попрошайку Сяву, который неторопливо загружал в себя уже третью кружечку чудодейственного напитка и, брезгливо перекатывая губой, как бы нехотя пожёвывал крысу.

– Вот морда, – удивился Культия, – казалось бы, пустой человечиска, без настоящих способностей, а расселся тут, словно капиталист. Может, он и нас угостит? Пивка я, пожалуй, ещё бы выпил.

– Чем заслужишь? Будешь критиковать его попрошайнические способности? Так они у него – на высоте. Пошлёт он тебя.

– А тебя?

– Своей потребностью дать кому-нибудь в глаз я сегодня уже пользовался на рынке. Он и меня пошлёт.

– А ты ему в ухо, – не терял надежду Культя.

– А он меня в Партком.

– Да, безвыходное положение, – согласился Культя нехотя. Кнут встал, почесался, зевнул.

– Пора искать ночлег, – сказал он.

– А я хотел бы женщину. – Культя мотнул пьяной головой.

– Бабу? Сява вон трепался о бабах. Он тебя отведёт.

– Сява? Не верю я этому попрошайке. Хитрый он. А раз хитрый – значит, обманщик. А раз обманщик – значит, плут. А раз плут – значит... – Культя икнул.

– Значит, хитрый, – подсказал вырубала.

– Точно. Он промурыжит нас своими обещаниями, а потом начнёт что-нибудь выпрашивать. Знаю я таковскую публику.

– Правильно. Идём спать, – поддакнул Кнут пьяно. – Баб я, конечно, тоже потребляю с удовольствием, но не осталось у меня ничего, чтобы рассчитаться.

– А, может, этот Сява и не врал, – опять начал размышлять Культя. – Может, он просто надеялся нас попридержать поблизости, чтобы потом каждый день выпрашивать. Логично?

– Да брось ты. Не связывайся. Сам говорил, что он хитрый.

– Хитрый – значит, умный. А умный – значит, не дурак.

– Заклинило тебя что-то, – забеспокоился Кнут.

– А если он не дурак, то ему выгоднее не обманывать. – Культя принялся развивать мысль в приятном для себя направлении. – А если он нас не обманывал – значит, он действительно знает какую-то там Кисю... или Писю...

– Басю, – вспомнил вырубала. – Или Васю.

Культя неверным шагом направился к попрошайке.

– Веди нас к Басе, – потребовал критик твёрдо.

Сява расплылся в добрейшей улыбке, гостеприимно развел руками, склонив голову на бок.

– Как приятно слышать разумные речи, – заговорил он. – И ещё приятнее слышать их от достойных товарищей. Таких товарищей, которые не какие-нибудь там проходимцы, прохиндеи, прохвосты. А очень даже достоуважаемые товарищи. Досточтимые и достопочтенные. Ах, какие...

– Ну, так идём скорее, – не терпелось Культе.

– Идём так идём. Скорее так скорее. Разве я против? Я всегда рад. И не просто рад, а чрезмерно рад. Даже не чрезмерно, а чрезвычайно. Если б ты только знал, как я рад. – Сява перешёл на привычную скороговорку, но с места не сдвинулся.

– Я тоже рад, что ты рад, – подыграл критик.

– Да уж, вот такой я человек. Если рад, то рад. Хоть ты меня ругай, хоть проклинай, хоть камнем бей, а я все равно буду рад. А уж если ты меня не ругать будешь, а хвалить, то я буду несказанно рад, а, может быть, даже и неслыханно. Или невообразимо. Уму непостижимо, как я буду рад. Ну а

случись, что ты меня не только похвалишь, а и отблагодаришь, так я, наверное, просто засияю от счастья. Вот такой я человек. Хоть ты лопни. Хоть разорвись...

– Ладно, идём сейчас к твоей девке, а потом я тебя благодарить буду, – сказал Культя. – Я тебя так долго благодарить буду, что тебе и надоест, пожалуй. Так сильно надоест, что ты даже попросишь, чтобы я перестал. Вот как я тебя благодарить буду.

– Значит, ты меня разными хорошими словами благодарить собираешься?

– Наилучшими.

– Словами благодарить – это, конечно, хорошо. Это, вне всякого сомнения, неплохо. Очень даже подходяще. Но ведь слово-то в карман не положишь?..

– А что положишь? Тыквочку я съел. У меня и нет ничего.

Попрошайка с интересом уставился на таз.

– Вот подходящая вещичка, – вкрадчивым голосом проворковал Сява.

– Таз к тебе в карман не влезет, – заверил Культя.

– Ну и что, что не влезет. Велика беда. Тебе-то чего расстраиваться. Переживать. Огорчаться. Не влезет так и не влезет. Я его и не буду в карман совать. Я его за ручку понесу. Так что зря ты волнуешься. Напрасно. У тебя со мной проблем не будет. Подумаешь, в карман не влезет. Вот напугал. Давай-ка сюда, я покажу, как его понесу.

– Э-э-э. Потише. Ишь, разогнался, – Культя спрятал таз за спину. – За такую чудесную вещь ты всего лишь покажешь мне какую-то девку?

– Не какую-то, а Васю. Ах, какая это девка! Сам бы потреблял её с удовольствием, но я – импотент. Так что, извините. Помечтать, повообразить – это я ещё в состоянии, а вот дело сделать – увы. Вот и предлагаю её разным дружелюбным ко мне товарищам.

– Так идём мы или нет? – Культя начал раздражаться.

– Да куда ж мне спешить? И зачем? Таз ты мне не доверяешь. Опасаешься, что я его не так понесу. Ну и Кузьмич с ним. С этим тазом. Мне и без таза хорошо. Что я, умру без таза, что ли? Окочурюсь? Подумаешь, таз. Видали мы и не такие тазы. И кастрюльки видали, и ведра. А один раз я даже бочку видел. Вот это вещь! Не то, что твой таз. У тебя бочки, случайно, нету?

– Нет у меня бочки. И не было никогда.

– А что у тебя есть? Может быть, фантики? Фантики твои в мой карман точно влезут. Не веришь? А ну-ка, попробуй. Проверь. Убедись наглядно. – Сява раздвинул тряпки и растопырил огромный карман, в который, пожалуй, влез бы и таз, если чуть-чуть постараться.

– Да кончай ты этот базар, – вмешался Кнут. – Или дай ему фантик и пойдём смотреть на Басю, или не давай, и тогда отправимся спать.

– Вот взял бы и дал, – сказал Культя сердито.

– Я бы дал, да у меня больше нету.

– А если эта Бася какая-нибудь чувырла?

– Вот тогда я ему точно в глаз врежу.

– Врежешь? Прямо в глаз?

– Врежу. И в глаз, и в ухо!

– Слыхал? – критик нагнулся к попрошайке.

– Слыхал, слышал. Я же не глухой. И не дурак. Не остолоп, во всяком случае,

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
не дундук. Если предлагаю Басю, значит, Басю, а не дырку в кармане.

– Ты мне её покажи сначала, а потом я тебе фантик вручу.

– Эх, до чего неглупый человек, прямо до одурения. Да коли я тебе её вперед продемонстрирую, так ты потом и знать меня забудешь. Скажешь – а кто ты тут такой? Чего вертишься под ногами, чего хочешь? И всей пользы от тебя будет, разве что, выпросить чего. Только выпрашивать-то дело нелёгкое. Особенно у таких, как ты. Несговорчивых. Непокладистых. Хитроухих и жадноглазых. Да ещё с другом вырубалой в придачу. Так что не вижу я пользы. Не примечаю. Сомневаюсь я в получении пользы. Так сильно сомневаюсь, что и идти никуда не хочу. Тем более, что у тебя и фантиков-то нет. Вот только таз дырявый. Гнилой весь. Никудышный совсем. Выбросить такой – и никакого убытка. Разве что, по башке кому заехать. Так я ж не вырубала...

Культия тем временем уже вытащил фантик и замахал им перед носом попрошайки.

– А? что это? фантик, вроде? Ну-ка, ну-ка. Точно – фантик. Жаль только, что один. Вот если бы два было, так я бы заторопился, так сразу и заспешил, так прямо и сорвался бы с места. И напрямиком к Басе. Прямохонько к нему. Никуда не сворачивая.

– Достаточно и одного, – твёрдо сказал Культия.

– Достаточно-то достаточно, но вроде бы как и маловато. Два было бы лучше. А три – так прямо и хорошо. Даже замечательно. А уж если бы четыре или пять, так...

– Или один, или ни одного. Решай, и побыстрее. Моё терпение уже иссякло. На исходе моё терпение, понимаешь? На пределе. – Культия сделал вид, что кладет фантик в карман.

– Ах, до чего нетерпеливый. Ну что с тобой делать? – Сява вскочил. – Давай, так уж и быть, свой фантик. Ладно уж. Один так один. Так уж тому и быть. Так уж оно поди и пусть. Пропади всё пропадом. Провались в тартарары. Пусть я буду в убытке. Пусть разорюсь. О, горе мне, горе! О, тоска зелёная, зыбучая!

Кнут приподнял попрошайку за шиворот.

– Веди, – приказал.

Всю дорогу Сява причитал, как мало ему дали, как ловко его облапошили, обдурили, обжулили и даже почти что обобрали. Он выражал глубокую надежду, что, оценив по достоинству прелести Баси, его всё-таки вознаградят в самом ближайшем будущем, а может быть, и сразу, или даже прямо сейчас, авансом. Потому что авансом он попросил бы поменьше, совсем чуть-чуть, а вот потом, когда они увидят и ахнут, после того, как они получат райское наслаждение, то так просто они от него не отделаются, тогда уж придётся рассчитываться сполна.

26

День доживал последние мгновения. Солнце покидало небосвод, прячась в неведомую бездну за край земли. Ночь торопливо укутывала город пушистой темнотой. Последние дни бабьего лета расставались с теплом, щедро источая его от нагретых глыб железобетона.

Сява нёсся впереди, ловко огибая всевозможные препятствия. Вдруг он затормозил и, указав рукой на несколько песчаных нор, крикнул:

– Вот тут Бася обитает. Басюля. Эй! Эй! Хватит дрыхнуть! К тебе гости. – Сява нырнул в проход между грудами обломков и исчез.

– Бася, – позвал Культия, робея от ожидания.

– Чего вам? – послышалось из норки.

– Ты Бася? – спросил Кнут.

– Ну, Бася. Чего надо?

- Нас Сява привёл. Рекомендовал, так сказать.
- Вам что, полюбиться захотелось?
- Э-э-э... Ну да, в общем. – Культя подмигнул другу.
- А фантики у вас имеются? Или продукты? Только я картошки и тыквочки не жалую. Мне бы мяса...
- У меня фантики есть. – Культя начал слегка дрожать.

В норке кто-то зашевелился, потом показались ноги, потом довольно-таки объёмистая задница...

Культя от нетерпения начал дергать завязки на своих штанах.

...Из норки выполз... вполне упитанный лысый мужчина с огромными пышными усами. Окинув гостей уважительным взглядом, он приветливо заулыбался и принялся стягивать свои необъятные штаны.

- А где же Бася? – заикаясь, спросил Культя.
- Вот он я. – Мужик кокетливо шевельнул бедрами.
- Так ты ж вроде бы не баба? – удивился критик.
- А чем я хуже? – обиделся толстяк. – Ты сначала попробуй, а потом сравнивай.
- Вот ещё! – вспыхнул Культя. – Да лучше я...
- Дело хозяйское, – покорно согласился усатый. – А ты как? – подмигнул он кнуту и игриво повёл бровями.

Вырубала презрительно сморщился, закатил глаза, сжал кулаки и выпустил воздух сквозь зубы.

– Понятно. Игнорируете. А зря. Плату я прошу меньшую, чем бабы, а подмахиваю не хуже. Имею постоянных клиентов. Некоторые без меня жить не могут. Влюбились.

Кнут перестал пыхтеть, в задумчивости покрутил глазами и спросил:

- Значит, клиентов тебе Сява поставляет?

Бася смерил вырубалу пытливым взглядом и, перестав кокетничать, осторожно огляделся. Пути к отступлению не было. Культя, поняв замысел друга, уже стоял сзади. Толстяк покорно опустил голову.

- Ладно, бить мы тебя не будем, – пообещал вырубала. – Но ты расскажешь нам, как разыскать Сяву.
- Сяву?
- Сяву, Сяву, другой нам не нужен.
- А что вы с ним сделаете?
- Фантик свой заберём.
- Калечить не будете?
- Зачем нам его калечить? Хотя пару фингальчиков, возможно, изобразим. Аккуратненьких.
- Ну, если пару, то не беда, только бы не больше.
- Чего это тебе его жалко?
- Да мы с ним старые приятели.

– Вот как?

– Когда-то мы с ним очень любили друг друга, а потом он решил бабу попробовать. Да только попалась ему, видать, какая-то некачественная, что-то у нее с этим делом было не в порядке. В общем, чем-то напугала она его шибко. С тех пор он и обессилел. Со страху, что ли. Вы не в курсе?

– Мы его проблемами не интересовались, – буркнул Кнут. – И твои нам тоже безразличны.

– Нам бы фантик свой вернуть, – встрял Культя. – Ведь он нам бабу обещал, а не пидараса.

– Понимаю, – горестно вздохнул толстяк. – Он многих обманывает. Это нехорошо.

– Так где, говоришь, нам его искать? – прищурился вырубала.

– Дайте слово, что не покалечите.

– Даю, – сказал Кнут.

– Честное Партийное?

Кнут замялся, затоптался, закричал.

– Слово Коммуниста, – нехотя выдал он из себя.

– А ты? – обратился толстяк к Культе.

– Я? – удивился критик. Но тут же опомнился, выкатил грудь, набычился и важно пообещал: – Даю слово Коммуниста. Честное Партийное.

– Ну, добре. Вон за теми развалинами свернёте налево. Пойдёте вдоль куч до большого песчаного холма. Там много норок нарито. Перед холмом большой камень. Справа от него четвертая норка – Сявы.

– Если соврал – мы тебя отыщем, – погрозился Кнут на всякий случай.

– Нет у меня резона врать. И вас я понимаю. Обнаглел он всё же. Раньше всяких малохолных приводил – те пошумят, пошумят, да и отвалят, а теперь совсем разум потерял – сразу двоих, да ещё и верзил.

Культя приосанился. Даже на цыпочки привстал, чтобы казаться повыше.

Норка, на которую указал Бася, казалась необитаемой. Ни шороха, ни скрипа, ни дыхания. Лезть внутрь, однако, никто не решался – вдруг этот сумасшедший, если он там, звезданёт чем-нибудь по башке?

– Водой бы его подтопить, – сказал критик. – В воде человек дышать не может.

– Где мы столько воды найдём? – не одобрил предложение вырубала. – Лучше запустить камнем.

– Пока камень ищем, он убежит, – не согласился Культя.

– Так ты иди, поищи, а я постерегу.

– Темно уже, чтобы камни искать, – сказал критик. – И вообще, лучше бы пустить дыму. От дыма он кашлять начнёт, а тогда можно и камнем.

– Хорошо, иди собирай веточки, а я постерегу. Камень найдёшь – тоже носи.

– Ишь, хитрый, я буду работать, а он сидеть.

– Не сидеть, а сторожить. Вдруг он как выскочит да как врежет чем-нибудь?

– Ладно, сторожи, – тут же согласился Культя и, с опаской поглядывая на

вход в норку, крикнул: – Ты лучше вылезай и сдавайся, мы тебя всё равно выкурим.

– И мордовать начнём. Избивать до полусмерти. – Кнут схватил горсть песка и кинул в норку.

– А давай, мы его закопаем, – осенило Культю.

– Я бы хотел помордовать сначала.

– Да неужели он ждать станет, пока мы его засыплем? – зашептал критик на ухо товарищу. – Ведь выскочит.

– Верно. Хорошая идея, – громко сказал Кнут. – Эй, Сява, мы тебя сейчас закопаем!

В ответ – тишина. Товарищи начали дружно бросать песок в яму.

Попрошайка выскочил из норки, резко прыгнул в сторону, надеясь убежать, но был сбит с ног ловкой подножкой вырубалы.

– А? Что? Кто? – как бы спросонья залопотал Сява. – Что случилось? Кто это?

– Не прикидывайся, – подскочил Культя. – Где мой фантик?

Кнут замахнулся, но Сява отчаянно запричитал, стараясь придать голосу радость:

– А, это вы? Наконец-то. А я тут сижу, переживаю. Расстраиваюсь. Куда это, думаю, они запропастились? Сижу, сижу – нет никого. И Васю предупредил, что сейчас появятся очень достойные товарищи. Она тоже ждала, ждала, да и уснула. А я всё не спал, всё крепился, за щеки себя щипал, чтобы не задремать, не закемарить, в глаза камушком тыкал, а всё равно уснул. Отрубился.

Кнут всё примеривался кулаком к Сявиному глазу, но тот говорил и говорил.

– Чего ждёшь, бей, – суетился Культя.

– Пусть закончит.

– Да он никогда не закончит!

– Не может быть. Слова-то не бесконечные.

– Ну, так что, будете вы с Васенькой знакомиться? – продолжал голосить Сява, извиваясь под вырубалой, как пиявка.

– С какой ещё Васенькой?

– Как это какой? Весь день, весь вечер я им о Васе толковал, растолковывал, повествовал, значит, а они взяли и забыли. Вот те на... Вот те и, однако. Вот оно как, поди, того...

– Эх! – решился Кнут. Врезал, но мимо. Ещё раз, ещё. Кулак всё время ударял в землю. Попрошайка искусно уворачивался.

– Вася! Вася! – заверещал Сява. – Это к тебе. Вылезай скорее, выручай, а то меня убивают!

– Видели мы твоего Басю-Васю. Больше нас не проведёшь, – прыгал вокруг поверженного попрошайки Культя.

– Чего разорались тут, – раздался женский голосок. – Опять этого Сявку колотят?!

– Вот, она, вот, Васенька, – обрадовался попрошайка и радостно замахал руками.

– А, по-моему, ты нам всю дорогу про Басю заливал.

– Послышалось вам. Почудилось, показалось, померещилось. Я только про Васю и разглагольствовал. Про Васю, а не про Басю. Я говорил про Басю, а вы думали про Васю. Тьфу ты, капиталист меня задери. Я про Васю, а вы про Басю. Перепутали вы всё. Не я, а вы. Вы, а не я. Я не, а вы.. Тьфу ты, пропасть! Сами всё перемешали, перепутали, а меня бить. Вот так-так. Вот как оно бывает. Вот как оно случается. Вот как оно того поди. Надо же, как оно поди...

– Так ты ко мне их приволок? – взвизгнула женщина и вцепилась в Сявины волосы. – Да когда ж это кончится?!

– Нет, нет! Ах, да. Ай-я-яй! О-хо-хо! – попрошайка не знал, что и говорить. Вася драла его за космы, а Кнут всё нацеливался кулаком в глаз. – Вот она, моя доброта, вот она, моя забота, – снова заверещал Сява. – Вот они, мои старания! Вот как меня благодарят! За моё усердие. За моё радение. Так мне и надо. Поделом. Дураку – наука. Бейте меня, остолопа! За моё добросердие. За моё тщание. За всё бейте! Избивайте! Рвите меня на кусочки. Швыряйте в меня камнями...

– Да... – озадачено произнёс Кнут, вставая. Он осмотрел разбитый о песок кулак, плюнул вслед рванувшему во тьму попрошайке. – Да... Этого так просто не возьмёшь. У меня в голове такой треск, что я уже ничего не соображаю. Даже драться не могу.

– И у меня треск. – Культя прижал ладонь к темечку.

– А у меня от него кондрашка, – буркнула женщина. – Он нас тут всех до неё довёл. Житья от него нет. Лучше б вы его убили или с собой увели. Или ещё что-нибудь с ним сделали. Я могу и отблагодарить...

Культя раскинул мозгами. Кнут тоже задумался. Убить Сяву никакой возможности не представлялось. Во-первых, для этого его требовалось поймать, а вне норки он, со своей прытью, был недосыгаем. Во-вторых, если бы поимка каким-либо образом и осуществилась, вопли и мольбы этого человека могли привести в замешательство даже самого хладнокровного убийцу. Кнут таковым не был. Культя – тем более. В-третьих, за убийство Коммуниста можно было загрохотать в Партком. Если кто донесёт, конечно. И хотя у Сявы вряд ли имелись преданные друзья, но кто знает... Такой прохиндей вполне мог подкупить для себя какого-нибудь осведомителя.

– Вообще-то говоря, – начал критик, – я бы предпочёл поступить несколько иным способом. Чтобы всем было хорошо и никому не плохо.

Вася слушала внимательно, вытянув шею и широко распахнув глаза. Культя тарачился изо всех сил, пытаясь рассмотреть даму получше, но сгустившаяся темнота не позволяла этого сделать.

– Я бы, так сказать, лучше бы кое-кому сам бы, так сказать, заплатил бы.

– Кому?

– Тебе, разумеется.

– Но я убивать не умею. Я же девушка, все-таки.

– Да не надо никого убивать. Пусть его другие убивают. А я желал бы, вроде бы... кое-что... ну как бы... ну это самое... ну вон тое...

– Да что же?

– Ну, это самое.

– Что?

– Ну, вон тое.

– Тое?..

– Ну, кое-что. – Культя многозначительно пошевелил бровями. – Не понимаешь?

– А-а-а. Так бы сразу и сказал.

- Вот я и говорю.
- За фантик?
- А что, можно и так – бесплатно?
- Можно и так, но только завтра.
- Завтра?
- Завтра.
- За так?
- За так. Если потерпишь до завтра. А если срочно, то за фантик. У тебя есть фантик?
- А если потерплю?
- Тогда завтра.
- Ну, я потерплю.
- Ну, терпи. А я спать пошла.
- До завтра?

Вася ничего не ответила и уползла в свою норку.

- Завтра сговоримся, – сказал культия вырубале. – Заодно рассмотрим её получше. Может, у неё заячья губа или щетина. Или зубы в промежности. Говорят, такое бывает.
- Или по четыре пальца на руках, – добавил Кнут.
- Это ерунда. Вот если горб, то хуже.
- Подумаешь, горб. На коленки поставил и порядок.
- На коленках я не люблю. Они у меня слабые. Хотя... всё это ерунда, конечно, можно и с горбом, коли баба сверху, а вот с зубами в причинном месте я бы поостерёгся. Вдруг откусит? – Культия нервно поёжился.
- Во рту тоже зубы, так ведь не откусывают никому...
- Во рту зубы, чтоб жевать, а там для чего?
- М-м-м... действительно.
- Вот и я говорю.
- Да, всякое бывает, – вздохнул Кнут. – А где спать-то будем?
- Надо было Сяву спросить, а теперь ищи его свищи...
- Так мы в его норке и переночуем, – Кнут сунул голову в отверстие.
- Занято! – рявкнул кто-то из глубины.
- Кто это? – спросил Кнут осторожно.
- Это я – местный вырубала. Щелбаном с ног сбиваю. Сгинь, пока башку не открутил.
- Голос Сявин, – определил культия.
- Эй, Сява! – крикнул Кнут. – Выметайся! Мы в твоей норке спать будем.
- Как бы не так, – послышалось из темноты. – Ишь раскатили губищи. Размечтались.

- Не вылезешь, мы тебя засыпем.
- Вылезти-то я вылезу, но только вы не обрадуетесь.
- Вот как?!
- Не заснёте вы в моей норке. Даже не задремлете.
- С чего бы это?
- Да я буду так сокрушаться, так стонать, так убиваться...
- А ведь, пожалуй, – сообразил Кнут. – Ведь правда.

Культия развёл руками, вздохнул. Сява был непобедим.

- Так, где же нам заночевать? Посоветуй.

Попрошайка пробубнил, что норок свободных здесь нигде поблизости нет и быть не может. Заняты все. И новые рыть нельзя, потому что и так много нарыто.

- Ладно, в песочек зароемся, – как-нибудь перекантуемся, – решил Кнут.
- А я бы лучше в норке, – мечтательно проговорил Культия. – Всё-таки в тепле. В уюте...

Сява высунул голову наружу.

- Могу уступить свою. За фантик. Норка у меня хорошая, сухая, сенцом выслана. Такая норка, что спал бы и спал. И не просыпался бы вовсе. А какие сны в ней снятся...

Завладев фантиком и продолжая причитать по поводу уступчивости своего характера, попрошайка побрёл ночевать к своему дружку Басе. Из темноты ещё долго слышались его выкрики, постепенно становившиеся все менее и менее разборчивыми.

25

Норка и вправду оказалась шикарной, без всяческих дурных запахов и вполне просторной. Кнут вытянулся на подстилке, сладко зевнул и, разомлев, скоро очутился во власти райских сновидений. Он бормотал что-то странно ласковым голосом, хватал Культию за плечи, притягивал к себе и начинал жадно лапать. Когда его рука добиралась до яиц, он вздрагивал, пробуждался, с отвращением отталкивал критика, злобно бурча: «Оторвать бы их тебе, чтоб не путались под руками», – после чего сразу отключался и принимался утробно храпеть. Новые сны, овладевавшие вырубалой, были дурнее прежних. Кнут размахивал руками и ногами, принимал бойцовскую стойку лёжа, двигая своего приятеля кулаками то в челюсть, то в живот...

Культия проснулся рано. Он вылез на волю, уселся на песчаный бугорок и стал караулить Васю.

Рассвет ещё только-только начинал брезжить. У большинства жителей Коммуняки сны в это время были сладкими. Людям снились горы картошек и тыквочек, их пальцы теребили толстые пачки красивых фантиков, они вволю вкушали вкусное пиво, заедая его чудесными хрустящими розовыми опарышами. Они копались в россыпях мусора, без конца отыскивая в нем всевозможные полезные предметы, и ещё множество прекрасных видений расцветало, словно поллюции, в головах жителей страны победившего Коммунизма.

Культия сидел и воскрешал в памяти тех нескольких представительниц противоположного пола, которых он познал за всю свою партийную биографию, но не мог зацепиться ни за одно, хотя бы мало-мальски сладостное впечатление. То были жадные до жратвы, но совершенно равнодушные к мужикам самки, хамоватые, грязные, торопливые. Вспоминать их было неинтересно. И он научился сам выдумывать женщин, совсем других, ничуть не похожих на тех, что встречались на его жизненном пути. В такие минуты Культия не выдерживал и с упоением доверялся своим рукам, но время шло, рукоблудие приедалось, и

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
опять его всё сильнее и сильнее тянуло к этим загадочным существам.

Первый луч солнца полоснул Культю по глазам, распугав в его черепной коробке демонов неистовых эротических фантазий. Окружающее пространство заполнялось гомоном появляющихся мужиков. Они вылезали из многочисленных норок, выбредали из грибных развалин, шли издалека. Критика охватило беспокойство, потому что толпа собиралась явно вокруг него самого. Надо было срочно будить кнута и пытаться пробиваться. Однако мужики, мельком взглянув на Культю, тут же теряли к нему интерес и продолжали обсуждать свои дела.

«Что-то замышляют», – мелькнуло в голове критика. Он вскочил и стал прислушиваться.

– «Скоро проснётся». – «Как она?» – «Говорят, симпатичная». – «Капризная больно». – «Только по одному в день принимает». – «Я тут уже всё лето, почитай». – «Хочется, но бесполезно». – «А вдруг повезёт». – «Выбирать будет». – «Говорю – бесполезно». – «Ну, а мало ли?». – «Зазря времечко теряем». – «О-хо-хо!». – «Вот тебе и о-хо-хо». – «Сегодня толпа поменьше». – «Любит она поспать». – «Видел бы ты, что тут вчера творилось...».

Говорили явно не о нём, а о ней. Неужели о Васе? Разбуженный шумом, из норки выполз вырубала. Некоторое время он стоял ошеломлённый, но, приметив невдалеке вертящего головой, не менее ошарашенного Культю, успокоился и стал продираться к товарищу.

– Что тут такое? – спросил кнут. – Партвзносы хотят собирать, или кто речь толкать намеревается?

– Подозреваю кое-что другое, – процедил критик нервно.

Неожиданно народ взволновался:

– «Проснулась, проснулась». – «Где она?» – «Ух, ты!» – «А-а-а... ничего особенного». – «Не... хороша!» – «Пойдём лучше подрочим». – «Ну уж нет, вдруг меня выберет...» – Мужики расступились, образовав не очень ровный круг. Вася вылезла из норки и, не обращая ни на кого внимания, принялась отряхиваться и оглаживаться. Потом спустилась с пригорка. Толпа подобострастно отхлынула, топча друг другу ноги, неимоверно пихаясь и переругиваясь. Женщина присела, кокетливо справив малую нужду и, устроившись на крупном валуне, не спеша стала прихорашиваться. Промыла слюной глазки, уголки губ, прутиком расчесала волосы, изящными движениями мизинчика прочистила нос. И не ела козявки, как некоторые, а скатывала в шарики и отшвыривала прочь. Мужики, выпучив глаза, следили за каждым её движением.

Культя, забыв обо всём на свете, даже о том, что нужно дышать, тарачился на Васю, как загипнотизированный. Он не понимал, чем так привлекала его эта молоденькая особа, почти девочка, потому что внешне она, вроде, была такая же, как и другие: две ноги, две руки, семь дырок, а вот, поди ж ты, какая-то особенная. Глаза равнодушные, но не голодные и не злые. Губы не чёрные, а бледно-розовые, нежные и живые. И ещё Культя мельком, когда она присела, увидел её ноги, округлые, гладкие, без синяков и болячек. Вот она почесала под мышкой, и мелькнула грудка, маленькая, как неспелая тыквочка, и, наверное, такая же упругая. У Культи закружилась голова. Он совершенно не понимал, что с ним происходит, почему так приятно видеть девичье тело, почему вдруг невыносимо захотелось потрогать те округлые грудки и не просто трогать, а тискать и мять их беспрестанно.

Тем временем Вася привела себя в порядок, встала и с неудовольствием осмотрела собравшихся. Началась давка. Задние пытались пробиться поближе, передние не позволяли. Культе повезло: он стоял как раз перед женщиной и, хотя его сильно толкали в спину, места своего никому не уступал. Кнут куда-то исчез. Мужики, чтобы обратить на себя внимание Васи, изощрялись на все лады. Некоторые хвалились, другие возмущались, кричали, что уже нет сил терпеть, что надо бы организовать строгую очередь, а за все творящиеся безобразия отволочить эту наглую девицу в Партком – пусть разберутся. У каждого была своя тактика, одинаково не приносящая никому желаемого результата.

– Я одна, а вас много, – убедительно защищалась Вася. – И вообще, все претензии предъявляйте Сяве, он вас сюда заманивал, и он, а не я, чего-то

наобещал.

Один из мужиков призвал идти бить Сяву, но сам с места не сдвинулся, поэтому хитрость не возымела успеха.

Вася прошла сквозь бушующую толпу и остановилась на вершине пригорка. Её опять попытались окружить, но легким движением руки она пригвоздила страждущих к земле.

– Мне отсюда лучше видно, – сказала девица.

Задние, чтобы их заметили, начали подпрыгивать, особенно те, кто пониже ростом. Культя подпрыгивал выше всех, но Вася смотрела куда-то в сторону. Там, недалеко от Сявиной норки, стоял удивлённый Кнут, не принимавший в выборах никакого участия. Девица заулыбалась и указала пальцем на него. Собравшиеся возмущённо загудели: – «Вот так всегда. Ни очереди тебе, ни надежды». – «Опять какого-то проходимца выбрала». – «Эх-ма. Тру-ля-ля». – «Да, уж. Хотя бы письку показала». – «Ага. Спрячется сейчас со счастливым, а мы тут мучайся, насухую». – «А ты воображай, воображай». – «Да уж я-то умею воображать, но кабы показала, оно посподручней бы шло».

Культя не стал принимать участия в коллективном онанизме. Он быстро подобрался к Кнуту и заулыбался навстречу приближавшейся Васе.

– А мы вчера беседовали. – Критик придал лицу самое радушное выражение, на которое был способен. – И, кажется, кое о чём договорились.

– Надо же, – удивилась девица, – а я совсем забыла. Обижаясь, что не тебя выбрала?

– Ну, не то чтобы... но...

– Вот и хорошо. Мне, вообще-то, отказывать не положено, – в Партком потянут. Ведь других способностей у меня нет. А платить никто не хочет. Говорят, у нас законные потребности.

– Да, да, потребности, – обрадовался Культя.

– Но я все силы потеряю, если такую ораву через себя пропущу. К тому же завтра они опять захотят.

– Да-да, потребности – такое явление, которое повторяется циклично, – поддакнул Культя и сам подивился своему уму.

– Вот я и удовлетворяю... в день по одному. За так.

Критик озадаченно задрал брови к затылку. Он наконец-то понял, что никогда не преуспееет в своих стремлениях овладеть этой девицей задаром, и все его поползновения будут напрасной тратой времени и душевных сил. Смена тактики, конечно, могла бы привести к желаемому результату, но поскольку чисто теоретически все предполагаемые удовольствия можно было получить бесплатно, тратить на это дело фантики казалось немислимимым транжирством.

Чуть позже, когда вся компания заявила на рынок, Культя, воодушевлённый присутствием приятной ему особы женского пола, продемонстрировал себя настоящим виртуозом. Он так вдохновенно критиковал все товары, что распугал потребителей, и колхозники уже начали шептаться, чтобы нанять какого-нибудь амбала для взбучки этого разошедшегося критикана. К счастью, заметив опасность, а также и то, что его художества не производят на Васю должного впечатления, критик захлопнул рот и на злобные взгляды колхозников начал великодушно бурчать: «А вот ваши продукты очень даже неплохие. Поделились бы опытом с товарищами по земледелию».

Кнут обошёл рынок по периметру, потом крест-накрест, присмотрел, где чего имеется, наметил колхозника похилее и приступил к делу.

– Я имею потребность дать тебе три раза в глаз, – заявил Кнут.

– Непутные у тебя потребности, – сказал колхозник.

– Ага, непутные, – согласился вырубала. – Но как только с утра от голода в животе заурчит, такой в кулаках зуд приключается, прямо не стерпеть.

– Многие тут с подобными потребностями ходят. – Колхозник всё ещё надеялся отговориться.

– Так, может, у них способностей нет, а у меня, во!.. – Кнут обнажил торс и со страшной силой напряг мышцы. – Бью в глаз без промаха, – прибавил вырубала доверительно.

– Похоже на то, – согласился колхозник с печалью в глазах.

– Сдается мне, что и у тебя кое-какие потребности возникли? – поинтересовался Кнут.

– Да уж, конечно, – скривился труженик полей. – Мои потребности в данный момент не получать три раза в глаз, и за это я дам тебе три картошки. По штучке за раз. Договорились?

– Почти что, почти, – протянул вырубала. – Но вот затруднение. Мне надобно ещё три.

– А в Партком не хочешь? – возмутился колхозник.

– За что?

– За прихоти.

Кнут сделал вид, что задумался. Действительно, в Коммунякии любой знал: в подобной ситуации колхозник обязан выдать вырубале либо три картошки, либо тыквочку, чего по существующим нормам вполне достаточно для поддержания жизнедеятельности организма в течение суток.

– Другие три картошки мне нужны для моей Васеньки, – Кнут решил не сдаваться сразу.

– Вот пусть сама и зарабатывает.

– Она и зарабатывает. На мне.

– Слушай, давай так договоримся: за свой глаз я дам тебе три картошки, а за те картошки, которые я тебе НЕ дам, ты.. это самое.. мою дочку.

– Страшная, наверно, как смерть?

– Ну, это с какой стороны смотреть. Если со спины, так вроде и ничего.

– А спереди?

– А чего тебе спереди? Ты что её в глаз тыкать будешь, что ли?

– Не, – сказал Кнут, – я со спины не люблю, коленки натираешь. А ещё мне нравится на морду смотреть, а не на жопу.

– Жопа иногда красивее морды, – со знанием дела пробурчал колхозник. – Например, у моей бабы.

– Не повезло тебе.

Лицо колхозника озарилось интересом.

– А у твоей красивая?

– Жопы?

– Да не жопы, а морды!

– Отличная у неё морда. Я таких и не видал никогда раньше.

– Так, может, за три картошки твоя Вася мои потребности удовлетворит?..

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
Кнут слегка задумался. Подозвал девицу, объяснил ситуацию.

- За три картошки? – удивилась Вася.
- Ага! – колхозник уже выбирал из кучи те, что поплше.
- Да пусть он за три картошки сам себя удовлетворяет, – отрезала Вася.
- Вот видишь, – сказал Кнут колхознику, – не хочет она с тобой. Давай шесть картошек!
- Или три, или в Партком, – упорствовал работяга.
- А в Парткоме так сразу и порешат в твою пользу, – скривился Кнут в усмешке.
- А посмотрим, в чью, – засверкал глазками колхозник. – Я дам им картошек, вот и порешат.
- Лучше мне дай, канители меньше, – посоветовал Кнут.
- Нет, не дам.
- Вот я приду завтра сюда и даже за шесть картошек не усмирю свою потребность дать тебе три раза в глаз, – начал злиться вырубала. – А если сейчас сговоримся, я больше к тебе никогда не подойду.

Колхозник ещё поупрямился, но после того, как Кнут дал множество честных клятв Коммуниста и пятикратно осенил себя звездой, поверил, но потребовал:

- Только пусть и твоя Вася сдаёт кал тоже!
- Ну, это, конечно, – сказал Кнут. – Это, как и положено.

24

Близился полдень. Рыночные страсти затихали. Колхозники паковали выменянные на продукты питания предметы роскоши, а именно: бутылки, куски стекла, ржавую жель, железную и медную проволоку, куски арматуры. Кто-то под завистливые вздохи окружающих прилаживал к поясу колесо, а кто-то перевешивал через плечо сразу два, связанных лубяным шпагатом.

Неожиданно в поредевшей толпе Кнут увидел Сяву, который, перепархивая от одной кучки людей к другой, кого-то осторожно выискивал. По-видимому, здесь многие его знали и далеко не всех это знакомство устраивало, потому что попрошайка постоянно озирался, привставал на цыпочки, прислушивался, присматривался, в общем, бдил. Приметив Кнута и Васю, он тут же подкатил поближе, цепким взглядом прощупал их лица, угодливо заговорил:

– Вижу, вижу. Ага, ага. Вот, как я располагал, как рассчитывал, так оно всё и получилось. Так оно и сподобилось. Обещал Васю – вот она Вася. Всё тип-топ. Всё чин-чинарём. Любо-дорого смотреть, чудесно созерцать. А ты, помнится, не верил. Сомневался. Противился. Песком в меня кидался, глаз мне хотел подбить...

- Ничего с тобой не случилось, – буркнул Кнут. – Хитрый ты, Сява, больно.
- Это Сява-то хитрый! – Попрошайка подпрыгнул и мелко-мелко затряс бородавками. – А разве не Сява вчера ночью был обесчещен, обруган, проклят и даже почти что убит?
- Ну, – замялся Кнут. – Сам виноват.
- Это я-то виноват? А у кого это моя Васенька торчит из-за спины? У кого это? – Сява привстал на цыпочки и вытянул шею. – Да вот же у кого! У этого вырубалы, который меня вчера и водой заливал, и дымом курил, и мучил мукою смертной. Как же это моя Васенька к нему попала? От кого это он о ней услышал? От кого?.. – Сява приложил ладонку к уху. – Громче, громче, не слышу, – подначивал попрошайка, угрюмо молчащего Кнута.

- Дай ему в глаз, – посоветовала Вася.

– О, Великий Кузьмич! – Сява бухнулся на колени и громко стукнулся головой о землю. – Услышь молитвы бесконечно униженного раба твоего. Это я, Коммунист Сява, взываю к тебе. Вся свою энергию, ум, талант, всё свое рвение я посвятил служению Родине, Партии и народу. И вот как некоторые представители этого самого народа благодарят меня! Те самые представители, которые удовлетворяют свои ненасытные прихоти с моей красавицей Васенькой. С моей кровинушкой.

– Он что, твой отец? – спросил Кнут негромко и сочувственно.

– Вполне возможно, – проворчала Вася. – Во всяком случае, постоянно в этом клянётся и всюду за мной мотается.

Сява завывал на все лады, внимательно следя за реакцией вырубалы цепким внимательным взглядом.

– Ох, как мне тяжело, ох, как мне обидно. И не только обидно, а даже горько!..

– А вот, если эту картошку кусить позволю, будет не обидно? – спросил Кнут не без ехидства в голосе.

– Очень даже мне это будет радостно! И не за себя радостно, а за тебя, потому что только разумный человек способен на такой возвышенный поступок.

– Значит,кусишь и будешь радоваться?

– И радоваться, и веселиться, и почти что даже ликовать.

– Всего лишь почти что?

– Да я буду так ликовать, что даже тебе приятно станет. Скажешь себе, вот мол, какую хорошую малость я доброму человеку сделал, а как ему стало замечательно, как он прыгает, как скачет, будто бы целую картошку съел, будто бы ему ещё и фантик дали, будто бы пивком вволю напоили и опарышком закусить позволили...

– Так, так, – перебил Кнут попрошайку, который вполне мог дойти в своих безудержных фантазиях до целой бочки с опарышами, или даже до вороха копчёных крыс. – Ладно, позволю я тебе разочек куснуть, но с условием, что больше просить у меня ты ничего не будешь.

– Как же это так? – ужаснулся Сява. – Как же это не просить? Я же все-таки попрошайка, а не какой-то там критик.

– Ладно, хотя бы три дня. Договорились?

Сява притих, усиленно соображая.

– Иначе ничего не дам, – пригрозил Кнут. – Прямо сейчас всё съем и тогда ты хоть по камню языком молоти.

– Договорились! – поспешно согласился Сява, подскочил поближе и приготовил рот.

Кнут обхватил картошину широкой ладонью так, что наружу высовывалась лишь макушечка. Протянул Сяве.

– На,куси и возрадуйся, но если за палец цапнешь – приблю!

Попрошайка напрягся, казалось, даже зубы его выдвинулись вперёд. Выкусил он очень ловко, до самой сердцевины. Тут же отшмыгнул, ожидая последствий.

Кнут с удивлением осмотрел остатки картошины, что-то в нём взметнулось, вспыхнуло, но тут же потухло. Возможно, от восхищения, а, скорее всего, из-за присутствия Васи. Попрошайка сразу расслабился, разомлел и начал разглагольствовать о том, какой он чудесный, незаменимый, необходимый и вообще полезный во всех отношениях друг, товарищ и брат всем и каждому, и тем и другим, любому и всякому.

Пока вырубала с девицей отыскивали на рынке критика, Сява, как назойливое насекомое, порхал сзади, тряс лохмотьями, руками, бородавками и всё бубнил, бубнил и бубнил...

Культя уже закончил разборки с колхозниками по поводу вкусовых качеств местных продуктов и усердно тужился на глиняном горшке. Закончив процедуру, он с важностью встал, подтянул штаны, неспеша и с достоинством перевязался.

– Что это такое? – заныл колхозник, заглянув в посудину. – Да разве это Кал? Понос один.

– Чем богаты... – отвечивал Культя, перекатывая в руках симпатичную тыквочку.

– Чтоб тебя после смерти вороны не склевали, – выругался труженик полей и огородов. – Чтоб тебя...

Но его попреков уже никто не слышал.

На другой день Вася объявила собравшимся страдальцам, что у неё появилась потребность давать только одному товарищу коммунисту, за что тот будет её поить, кормить, защищать и, кроме всего прочего, лелеять. Мужики, изошрённо матерясь, стали расходиться.

Культя влюбленным взглядом ловил каждое движение Васи. Сява заметил это, что-то прикинул и подобрался поближе.

– Хочешь её? – спросил попрошайка напрямик.

Культя смутился, хотел было отпереться, но взял себя в руки и горестно кивнул.

– Могу дать ценный совет.

Критик напрягся в ожидании.

– Ценный совет кое-чего стоит, но я дам тебе его почти задаром.

Культя перестал вслушиваться и принялся колупать ногти.

– Почти – это не значит совсем, но дешевле, чем без малого, – тут же подкорректировал свои мысли Сява.

– Сгинь, ради Кузьмича, – попросил Культя. – А то потеряю терпение. Самообладания лишусь, понимаешь? И долбану тебя камнем или тазом вот этим к нашему обоюдному огорчению. Сечёшь?

– Секу-то я, секу, да не совсем разумею. Сначала принято вроде бы как поинтересоваться, что это такое я хотел бы заполучить в качестве компенсации, а потом уже возмущаться, ежели глуп, а ежели не совсем, то торговаться или соглашаться, потому как советы мои очень даже деловые. Полезные, значит.

– Дай мне совет, как от тебя избавиться. Вот за такой совет, я бы фантика не пожалел. Честно говорю.

Попрошайка востепенелся, возрадовался, вскинул лохмотья, но, что-то смекнув, обуял свою торопливую жадность и снова деловито уселся.

– Нет уж, лучше поторгуюсь. А поскольку ты такой на меня надутый, злой как бы, я сам буду уменьшать количество полагающегося мне вознаграждения.

– Не нужны мне твои советы. Понял? Катись отсюда. Поищи болванов там где-нибудь, в другом месте. Там, а не здесь. Здесь болваны вывелись все. Кончились. Исчерпались. Иссякли... Тьфу ты, памжа...

– Кончились, вывелись, – хмыкнул под нос Сява. – Как бы не так.

Критик вскочил, несколько раз плюнул в песок, потёр лоб ладонью и снова уселся, вздрагивая от разошедшихся нервов.

– Не переживай так, – посочувствовал Сява. – Дашь тыквочки кусить пару разочков, научу, как заиметь эту девицу.

Культя мрачно посмотрел на попрошайку. В его глазах мелькали то интерес, то сомнение.

– Неужто торговаться ещё будешь? – спросил Сява с сарказмом.

– Ладно, не буду – говори...

Сява от радости хотел запросить три разочка или даже четыре, но критик тут же пресёк его намерения:

– Сразу давай выкладывай, без базара, а начнёшь трёп разводить, то дел с тобой больше не имею. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Учти.

Попрошайка вздохнул.

– Значит так... два разочка?

Культя кивнул.

– Значит так... А может, всё-таки три?

– Пошёл на!..

– Ладно, замнём. Пригласи её в ресторан. Она баба душевная, не зануда. Когда её кто ублажит, испытывает ответное чувство благодарности. В отличие от других.

– Это всё?

– А на что ты рассчитывал? Что я скажу: свистни, топни и она сама прибежит? Я ж дело советую. А не туфту.

– Такое дело я и без подсказок мог предложить.

– Так чего ж не предлагал?

– Так ведь расходы.

– Расхо-о-оды, – передразнил Сява. – Как будто без расходов сумеешь?

– С расходами и дурак сумеет.

– Ну, всё. Ты согласился – я сказал. Дело сделано. Не нравится – сиди, лупи глаза. Или займись этим самым. – Попрошайка сделал рукой весьма красноречивое движение.

Культя заскрипел зубами.

23

После полудня, когда трудовой день у работников умственного труда Коммуняки закончился, Культя, воспользовавшись тем, что Кнут куда-то отошёл, как бы невзначай оказался рядом с Васей. Посопел, покряхтел и как бы ненароком осведомился, не соблаговолила бы девица откусать яств в каком-нибудь местном ресторане, и как бы, между прочим, заметил, что постоянное потребление тыквочек и картошек ухудшает пищеварительные процессы, в связи с чем порекомендовал кушать время от времени хотя бы немного мяса.

К удивлению критика, Вася сразу согласилась и сообщила, что знает подходящее заведение, в котором подают изумительные закуски и, что особенно примечательно, тамошние работники никогда не пристают к девицам со своими потребностями, поскольку, как ей говорили, они все до одного – пидарасы.

Сява, растопырив уши, с восторгом прислушивался к разговору. Усиленно жестикулируя и подмигивая Культе, он показывал на пальцах, сколько раз он предполагает откусить от тыквочки критика, в связи с претворением в жизнь

Заведение располагалось в старинном бомбоубежище, которое никак не могло обвалиться, потому что было отлито из прочного бетона с арматурой из железнодорожных рельсов. Это был лучший ресторан Краснославска, а, возможно, и всей Коммуныкии.

Несмотря на раннее время, помещение не пустовало. Собирались здесь в основном товарищи с выдающимися способностями, реализация которых позволяла им значительно увеличивать возможности в деле потребления.

Культия усадил Васю за свободный столик, сплетённый из ивовых прутьев. Тут же подлетел проворный официант.

- Два пива и закуску, – потребовал кавалер, балдея от собственной щедрости.
- Есть жареные клопы. Только что прибыли из Красноздравска.
- На чём пожарены?
- На собственном сале.
- Вот если бы на крысином, – скривился Культия. – А, ладно, неси.
- Имеются печёные вороны, – предложил официант.
- Одну можно.
- Копчёные крысы у нас превосходные.
- Парочку, – сказал критик важно. Тут же, что-то прикинув, поманил работника пальцем.

Официант услужливо пригнулся.

- Не очень крупных, – тихо, так, чтобы не слышала Вася, добавил ухажёр.
- Имеются солёные опарыши, тараканы, жареные гусеницы – свежайшие, – не унимался официант.

Культия нахмурил брови. В кармане у него лежало всего два фантика.

- Опарышков принесите. Говорят, они у вас неплохие.
- Отборные. Для откорма приобретаем лучшие трупы в округе.
- А худшие куда деваете? – хитро прищурился критик.
- Худшие не берём. Бракуем.
- Все так говорят. А сами, как только попадётся труп посуше, покостлявее, как только крысы им побрезгуют, так сразу опарышкам-то его и скармливают. А на сухом мясе жирного опарыша не взрастить.

– Напраслину возводишь, товарищ, – недовольно зашевелил губами официант. – У нас, знаешь ли, марка, класс! Мы не можем позволить себе фальсификацию продукта. Сомневаешься? Пройди в откормочный цех. Убедись воочию.

– И пойду, – строго ответил Культия. – Но потом. По долгу службы, так сказать. А сейчас – исполняй-ка заказ.

Официант удалился. Вскоре он принёс две кружки пива. Тут же появилась тарелочка с клопами, пузатые бело-розовые опарыши и запечёная прямо с перьями ворона.

Культия с маху отцедил половину пива, аж дух перехватило, схватил самого крупного клопа за хоботок, оторвал лапки и отправил тушку в рот. Вытер выступившие слёзы, шмыгнув носом и обеспокоенно закряхтел, поглядывая, как его подруга споро разделяется с вороной. Чтобы сильно не отставать, кавалер подцепил сразу нескольких опарышей и стал глотать их, не прожёвывая

и почти не наслаждаясь. Он слегка расстроился, определив, что полакомится вороной ему уже не придётся, хотел было выхватить кусочек, но опомнился, сообразив, что всё это обжорство затевалось исключительно, как средство соблазнения. Культя заставил себя прекратить пожирать опарышей и пододвинул блюдо девице. Та благодарно покивала, сделала затяжной присос к кружке и захрумкала солёненьким деликатесом.

– А ты – клёвый товарищ, – приободрила чуть скисшего ухажёра Вася, подтягивая поближе тарелочку с клопами.

Вообще-то Культя не считал себя обжорой. Как каждый честный коммунист, он умел довольствоваться малым, так что вполне мог обойтись и без всех этих вкусоностей. И где-нибудь в другом месте, где не витали бы столь дурманящие запахи, и где перед глазами не мелькал бы рот, блаженно пожирающий яства, можно было бы и не думать о еде, но именно сейчас не думать о ней было невозможно. Нервничал он, впрочем, не столько от жадности, сколько от страха, что расходы окажутся напрасными, что Вася начнёт отговариваться и хитрить, когда дело вплотную приблизится к потреблению её прелестей. Надо было срочно искать необходимые слова, но самые подходящие никак не выговаривались, а всевозможные заменители женщина могла истолковать превратно и потом в самый ответственный момент отпереться. Культя проклинал себя за нерешительность, но в такие моменты его всегда клинило. Критик с надеждой посмотрел на девицу. Та чуть смутилась и, потупившись, произнесла:

– Я подожду тебя снаружи, а ты пока расплатись. Только не задерживайся долго.

– Я? Дая мигом, уж я-то... – Засуетился её новый ухажер.

Вася мило улыбнулась и поспешила к выходу.

Культя быстро облизал тарелки. Официант уже стоял за его спиной.

– Изволим расплатиться?

– Вот именно. – Критик вынул из кармана два фантика, замялся на мгновение, но протянул оба. – А ещё... я бы хотел...

– Мало, – кратко пресёк официант Культины поползновения.

– Да ты что?!

– У нас всё-таки ресторан, а не пивнушка.

Тут только Культя сообразил, как сплеховал, не поторговавшись наперёд за каждое блюдо. Конечно, он мог и не платить, поскольку в коммунистическом обществе всё бесплатно, но, съев чужую еду, являющуюся личной собственностью, он обязан был предоставить её владельцу что-то взамен. Его могли заставить отработать на какой-нибудь грязной работе, могли избить ради потехи, могли...

Официант прошёлся вокруг попавшегося клиента. Из кухни поглядывали заинтересованные повара.

Культя сунул руку в карман, вынул из партбилета иконку Кузьмича, поцеловал её и протянул официанту.

– Мало, – сухо отрезал тот.

Культя побледнел, сжал челюсти. По красноречивым взглядам, нагло ощупывающим его фигурку, он уже понял, чего от него хотят хозяева заведения.

– Я думаю, спор о соизмеримой ценности моих предметов и вашей закуски мы решим на парткоме, – произнёс Культя, каменея лицом, одновременно стараясь унять судорогу в том самом месте, на которое зарились труженики общепита.

– Деньги в нашей стране не имеют стоимости, – резонно изрёк официант.

– А это? – Культя указал на иконку.

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
Официант задумался. Безусловно, ценность иконки Кузьмича при умелом расхваливании оной превознеслась бы её хозяином до небес, и Секретарь, поддавшись идеологическому экстазу, вполне мог принять не практическое, а политическое решение.

– Ладно, – сдался официант, с пренебрежением сгребая добычу в карман. – некогда мне по Парткомам шляться.

22

Культия вылетел на улицу с признаками сильнейшего негодования на лице, утешаясь лишь тем, что его ждут снаружи. Но Вася успела куда-то улизнуть. Неудачливый ухажер присел на бетонный обломок и попытался заплакать. Но слёз не было. Наверное, злость перевешивала жалость. «Где же она, где?!» – ярился Культия.

Ему уже ничего не хотелось, но практичность подсказывала, что упускать девицу после таких несоизмеримых затрат – неблагоприятно. Тем более, что в Коммунякии проживало не так уж и много полноценных особей женского пола. Умирили они раньше мужчин, потому что средство к существованию у них имелось одно – собственное тело. Дети в Коммунякии рождались редко, поскольку Партия не давала никаких рекомендаций по методам их зачатия. Наверное, в этой стране вообще не знали бы, как делаются дети, если бы не всесильные инстинкты и устные поучения доброхотов. Особенно мало рождалось девочек. Сама природа, видимо, щадит эти слабые существа и не программировала их большого количества. Но мужикам от этого было не легче. В стране, изнурённой онанизмом, лучше всех себя чувствовали приспособленцы, которые на все лады расписывали преимущества анально-орального сношения. Тем не менее, несмотря на очевидную доступность предлагаемых ими методов, в Коммунякии всё ещё оставалось немало сторонников классического совокупления, к коим и относил себя Культия.

Однако предмет его сексуального хотения куда-то запропастился. Критик скорбно вздохнул, поддёрнул штаны и побрёл прочь. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как его окликнули:

– Эй, эй, ты куда?

Это была Вася. Она схватила критика за рукав и потащила за собой, весело приговаривая:

– Цирк в городе объявился. Идём скорее. Представление вот-вот начнётся. Я цирк ещё ни разу не видела.

– Бесплатный? – поинтересовался Культия.

– Почти. Вход – всего один фантик.

Критик резко затормозил.

– Ты чего? Это же цирк!

Культия потупился. Зашмыгал носом.

– Нет у меня больше фантиков.

– Ты же похвалялся, что зажиточный, что у тебя и фантики есть, и иконка, и даже таз.

– В ресторане этом... меня... обмужлевали. А таз я Сяве на сохранение оставил.

– Эх! А я размечталась, что ты меня в цирк сводишь. Я бы отблагодарила.

– Да уж сводил бы...

Девица сунула руку под рубаху, пошарила и вытащила помятый фантик.

– М-да... – сказала она. Осмотрела невзрачную бумажку, взглянула на жалкого дружка. – Ладно. Пойдём. – Вася решительно развернулась и зашагала вглубь городских дебрей.

Стоял прекрасный осенний вечер. Редкие облака собирались пенными кучками и медленно расползались по тёмно-синему небу. Среди развалин старых грибов копошились несколько беспартийных в поисках съедобной травки. Изредка слышался радостный вскрик. Значит, кому-то удалось поймать жучка или муху, а может быть даже гусеницу.

Перед входом в цирк Вася попыталась сговориться, чтобы их с Культей пустили на представление всего за один фантик.

– Один фантик за одного! Два фантика за двух! – заорал взъерошенный деловой мужичонка, ловко запихивая протягиваемые ему фантики в штаны с туго перевязанными вокруг щиколоток портчинами.

Народ валил и валил, штаны быстро раздувались. Культя пребывал в безысходной задумчивости.

– Стой тут, – приказала ему подруга.

Через непродолжительное время она вернулась, раскрасневшаяся, запыхавшаяся и весьма довольная. Постучала Культю пальцем по лбу, чтобы очнулся и, крикнув мужичку: «Вот два фантика!» – потащила своего незадачливого ухажёра занимать места.

21

Арена представляла собой небольшую ровную площадку среди нескольких, обвалившихся полукругом, старых грибов. На этих обломках, заросших несъедобным мхом и лишайником, галдя и переругиваясь, рассаживались зрители. Бойко шёл торг за места поближе к арене. Коммунисты жаждали зрелищ.

Появился конферансье – чернявый, пружинистый, разнузданный и жутко самодовольный тип. Скаля гигантские чёрные зубы, он раскланялся с таким видом, как будто собравшиеся пришли посмотреть именно на него.

– Первым номером нашей удивительной, замечательной, восхитительной, умопомрачительной, искромётной программы выступает – Человек-Рожа! – вскричал конферансье, двигая челюстью не сверху вниз, а из стороны в сторону.

На арену вышел невзрачный, лысый, с бабьим лицом человек и стал строить гримасы. Кто-то, видать, самый смешливый, хмыкнул, остальные дружно засвистели. Человек обиженно скорчился и уполз за кулисы.

Потом свои сомнительные прелести демонстрировал человек-Урод, с двумя головами, двумя ногами и одной рукой. Его бы тоже освистали, но он покорила публику, показав ей два половых члена, один из которых, впрочем, был какой-то подозрительный.

– Покоритель хищников! – объявил конферансье.

С огромными трудностями на арену выволокли двух невиданных зверей – коз, по глупости забредших в Коммунякию из-за кордона. Дрессировщик взмахнул хлыстом, животные повернулись к зрителям задами и бурно продемонстрировали последствия расстроенного пищеварения. Публика взвыла от восторга. Сконфуженный дрессировщик крикнул: «Алле!» и поклонился. Ничего другого козы, по-видимому, и не умели, потому что, сколько укротитель ни прохаживался вокруг них, сколько ни щёлкал кнутом, всё было бесполезно. Однако когда он нечаянно зацепил кончиком плети одну из коз, та сразу напала на него, ударила рогами и не позволяла встать, катая своего хозяина по нечистотам. Поспешившего на помощь конферансье, тут же завалила вторая скотина. На арену выскочил силач, схватил хищников за хвосты, попытался утащить, но сам поскользнулся на помёте и к всеобщей радости публики был так же добротнo обработан рогами.

Далее свои уникальные способности показывал человек, читающий древние газеты. Этот тип долго разворачивал какие-то совершенно истлевшие бумажки и, набрав в лёгкие побольше воздуха, заголосил фальцетом что-то непонятное, но очень родное: «Труженики села в ознаменование девятысот девяносто девятой годовщины победы Великой Революции приняли встречные обязательства к народно-хозяйственному плану и заложили в закрома Родины первые тонны

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
своих обязательств!». – Он выкрикнул ещё несколько подобных предложений, демонстративно водя пальцем по бумаге.

Вскоре подошла очередь выступать силачу. Он вышел, сильно хромя, и весь цирк заплодировал, подивившись мужеству этого огромного мужичины, который тут же стал поднимать большие камни и крушить их друг о друга. Конферансье, яростно подмигивая зрителям, вытащил на арену огромный обломок железобетона. Силач побряхтел, примерился, рывком поднял обломок над собой и грохнул его о свой череп. На арену посыпались щебёнка и куски арматуры.

Публика зашлась от восторга, не забывая присматривать за соседями. В штат труппы входили карманники.

Затем на всеобщее обозрение вынесли несколько диковинок.

– Конь! Дикое хищное животное. Окаменевшее. Вымерло в древние века.

Все уставились на алебастровую карусельную лошадку, пытаюсь представить, как эта жуткая зверюга с огромной мордой охотилась когда-то на людей.

– Зеркало! Уникальный природный минерал. Раздваивает предметы. Обладает целебными свойствами. Смотреться в него очень полезно для здоровья.

Кое-кому из счастливиц сунули под нос обломок, дав возможность полюбоваться на собственное отражение. Многие ринулись вниз, чтобы тоже посмотреться. Возникла давка, драка. Зеркало тут же унесли.

– Желающие взглянуть в зеркало в обмен на предметы потребления могут собраться после представления! – выкрикнул владелец диковинки.

– Ружьё! Капиталистическое орудие пыток и убийства. С помощью таких штук выродки человечества – буржуи покорили рабочих и колхозников в своих странах с целью нещадной эксплуатации ради удовлетворения прихотей и самодурства.

Народ негодуя загудел. Среди знакомых заклинаний и проклятий послышались чьи-то гнусавые призывы немедленно идти в поход громить окопавшихся за Священными Рубежами капиталистов. Помянули добрым словом Великого Кузьмича, который станцевал на броневике танец «Яблочко» и воодушевил широкие массы трудящихся на безжалостное уничтожение эксплуататоров, узурпаторов и их холуёв как гнусных и проклятых гадин.

– Смерть капиталистам! – крикнул Культя.

– Смерть! Смерть! Смерть!.. – подхватили сотни глоток.

На арену строевым шагом вышел обрюзгший мужчина. Помяв живот и сильно натужившись, он пропукал гимн Коммунистической партии в двух октавах, пустив на последней ноте густой сочный бас.

Все встали. Это был гвоздь программы и последний номер. Зрители, переполненные гордостью за любимую Отчизну, стали расходиться в весьма боевом настроении. Кое-кому в азарте уже заехали в глаз. Слышались победные крики. Культя сильно толкали. Он почти сразу потерял Васю из виду, попытался прорваться вперёд, но кто-то двинул его в ответ, критик завалился на землю и никак не мог встать. К великому изумлению, почти скрасившему чувство досады, Культя заметил невдалеке от себя оброненный кем-то фантик. Повизгивая от пинков, критик пополз к заветной бумажке. Завладев сокровищем и выбравшись, в конце концов, на оростор, Культя вскарабкался на высокий обломок старого гриба и принялся озираться, высматривая потерявшуюся подружку. Но безрезультатно. Возможно, она уже подалась на заработки или вернулась к Кнуту.

Ночь спускалась бесшумно, обволакивая вкрадчивой прохладой меркнувший в свете заката город. Отчётливей стали звуки. Кто-то искал ночлег, выкрикивая в темноте количество предлагаемого за удобное ложе продукта, кто-то делился впечатлениями об удачно обстряпанной сделке, кто-то искал кого-то, чтобы использовать в своих неприхотливых потребностях, кто-то зазывал всех страждущих отведать чудодейственного пивка, чтобы и без того прекрасная жизнь показалась ещё прекрасней.

Осознав, наконец, что Васи сегодня ему не найти, Культя сполз на землю и побрёл к пивнушке, чтобы просадить доставшийся на халяву фантик. Небольшая группка товарищей уже тянулась к каморке, сколоченной из обломков, оставшихся от развитого социализма. У входа в заведение его остановила весьма не молоденькая гражданка, очень неопрятная, но, без сомнения, обладающая всеми необходимыми потребительскими свойствами. Каждому входящему в заведение мужику, бабёшка демонстрировала морщинистые тощие сиськи в надежде кого-нибудь соблазнить. Увидев Культю, женщина подмигнула и, ухватив за рукав, мило улыбнулась огромным беззубым ртом.

– Угости даму пивком, товарищ.

Сердце колыхнулось. Культя вдруг отчётливо понял, что сегодня он наконец-то получит всё то, о чём так страстно мечтал, и чем не захотела попотчевать его измученную плоть вероломная Вася.

В пивнушке смрадно воняло блевотиной. Угрюмые мужики дурно тянули патриотическую песню, на единственный уцелевший в памяти поколений мотив. Под ногами валялось несколько пьяных, уже по многу раз использованных, но всё ещё пригодных к употреблению представительниц прекрасного пола славной Коммунакии.

Культя, как следует, поторговался и получил две большие кружки замечательно пенящегося пива. Для пены в него добавляли мыло, которое хозяин заведения однажды откопал в развалинах.

Новая подружка сделала большой затяжной глоток, продолжая многозначительно подмигивать. Возможно, у неё был тик. Культя жадно отпил. Жидкость приятно обожгла нёбо, язык, чуть долбанула в нос и вдруг заклокотала, забурлила в кишках, провалилась вниз, зашипела в штанах, потом ринулась вверх к глотке, вырвавшись на волю протяжным смачным рыгом. Культя озадаченно крикнул, пощупал живот. Женщина тоже потискала свой, прислушалась к ощущениям и снова начала подмигивать, заметив, что кавалер на неё пристально смотрит.

– Ну что, пойдём что ли? – предложил он.

– Пойдём, – сразу согласилась она.

20

Стемнело. Люди в предвкушении снов разбредались по своим уютным норкам. Все, в меру своих способностей, были сыты или голодны. А кое-кто, из особо одарённых, слегка или даже, как следует, пьян.

Она сама нашла укромное местечко, лизнула дружка по губам, чтобы возбудился, и игриво отстранилась. Культя притянул её к себе и стал распутывать завязки на поясе.

– Ой, подожди, – пискнула женщина.

– Чего ещё? – насторожённо заворчал Культя, опасаясь, что его снова хотят одурачить.

– Мне надо где-нибудь присесть. У меня что-то с животом. Ох, ох...

– Не на того напала, – сказал Культя. Он рванул завязки, развернул женщину к себе задом, обнажил до колен и грубо, без ласки проник в её горячую, сочную плоть. Подружка охнула, резко согнулась, что-то жидкое брызнуло Культе в живот и потекло по ногам прямо в приспущенные штаны. Невыносимый смрад шибанул в ноздри.

– Ах, ты!.. – только и успел вскрикнуть Культя.

Девица подпрыгнула, охая, скуля и плача, поползла прочь, приговаривая: «Это всё пиво твоё, поганое, сраное...»

Культя сдёрнул штаны. Содрогаясь от вони, почистил их о землю, пучком травы обтёр ноги и живот. Воняло всё так же крепко. Надо было срочно искать воду. Он пошёл на восток, в сторону, где располагались обиталища Сявы, Васи и всех пришлых страдальцев, время от времени выкрикивая: «Где тут у вас

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
вода?!» Кто-то посылал его к чертям, кто-то к капиталистам, кто-то на север, кто-то на юг, кто-то на три буквы, а один крикнул: «Верной дорогой идёшь, товарищ!»

И, правда, скоро культя вбухался в огромную лужу. На него заквакали потревоженные лягушки.

«Странно, что они тут живут, и их ещё никто не съел», – подумал критик. Но только он успел замочить свои тряпки, как его с силой треснули по заднице палкой.

– Лягух моих воровать! Ишь, какой! Заявился, понимаешь! – заорал хозяин лужи, с удовольствием наблюдая за барахтающимся в воде человеком. – Утоплю! Замордую! Суродую!

– Да нет же, нет, – залепетал Культя, торопливо смывая дерьмо с ног. – Я только брюки хотел выстирать.

– Так я тебе и поверил. – Мужик вновь замахнулся дубиной.

– Да не вор я, не вор. Мы пиво пили там, у цирка, а от него у моей бабы живот прихватило.

– Да-а-а. Понос – штука катастрофическая. Но почему тогда ты тут полощешься, а не баба?

– Так это она меня обгадила. Я хотел потребить её, всё как положено, а она меня... вот. И в штаны попало, и вообще я весь в этом самом. В Кале недоброкачественном.

– В говне, значит?

– Ага, – радостно согласился критик.

Мужик почесал дубиной пузо.

– Ладно, бить я тебя не буду, только убирайся отсюда, и живо! а то всю мою еду потравишь.

Культя выбрался из лужи.

– А может, ты этим штанам всё-таки лягух ловил? – вновь засомневался хозяин лужи.

– На, понюхай, – с обидой в голосе сказал критик.

Мужик понюхал. Содрогнулся.

– Ну и вали тогда! – заорал он. – Говнюк вонючий!

– Где же мне всё-таки помыться? – крикнул неудачливый гуляка, спеша подальше от этого переменчивого человека.

– Там дальше канава будет, только в ней пиявки живут.

– А они ничейные? – спросил Культя, зная, какой превосходный суп получается из пиявок.

– Ничейные, – утешил его мужик. – Но кусачие страшно.

Полоскаться ночью в канаве с пиявками Культя посчитал делом опасным. Решил дожидаться рассвета. Спать в грязных штанах гордый критик опрометчиво побрезговал и ночью сильно околел. Он оборвал всю траву в округе, чтобы хоть как-то укрыться, но всё равно поддувало. Вот если бы сплести из травы циновку, стало бы теплее, но, во-первых, было темно, во-вторых, для этого требовалось много времени и, в-третьих, Культя не владел подходящими способностями. Несколько раз он вскакивал среди ночи и, дико подвывая, носился взад-вперёд, стараясь согреться.

Начинало светать. Первые лучи далёкого солнца пробились сквозь зыбкий

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
горизонт. Серый туман слоился в низинах. Невнятно пискнул какой-то ещё
уцелевший зверёк.

Осторожно прополоскав штаны в канаве, Культя осмотрел их внимательно. Вдруг какая-нибудь мелкая тварь спряталась в складках с целью поживиться его телом. Потом он подобрал прутик, решив наловить пиявок. Жирные эластичные черви соскальзывали и плюхались назад в воду. Пришлось ловить их на палец, обмотанный тряпочкой, хотя этот способ считался рискованным. Стоило пиявке чуть-чуть прокусить кожу, и началось бы медленное умирание от судорог мышц и одеревенения суставов. Культя набросал с десятков пиявок на берег и только тогда сообразил, что нести их всё равно не в чем. Ждать, пока они сдохнут – измучаешься, к тому же жизнестойкие твари то и дело вбуравливались в землю, питаясь удрать, и надо было выдёргивать их беспреостанно, чтобы не скрылись. Критик побегал вокруг канавы и нашел небольшой плоский камень. Он сложил на него добычу, но не смог пронести даже несколько шагов – черви расползались. Культя стал давить их камешком – пиявки корчились, сжимались, вытягивались и совершенно не собирались подышать.

– Хочешь, я тебе за них фантик дам? – раздался неожиданный голос. Грязный, неопределённого возраста человек наблюдал за потугами Культы умертвить добычу.

– Хочу, – сказал Культя.

Гость расплатился, достал из-под лохмотьев жестяную коробочку, аккуратно сложил в неё пиявок и, кивнув в сторону канавы, сказал:

– У меня ещё один фантик имеется.

– Сам-то чего не ловишь?

– Остерегаюсь. А вот ты, как вижу, храбрый человек, настоящий мужчина, Коммунист с большой буквы.

Культя зарделся от похвалы, но на лесть не клюнул.

– Я наловлю, а ты выпросишь. Ты ведь попрошайка?

– Не выпрошу. Не бойся. Я же вижу – ты ещё сам не ел. Нельзя так выпрашивать. Вот если бы ты их поел, да ещё наловил, тогда бы я выпросил, а так нельзя. Уж лучше фантик заплачу...

Культя задумался. Поглядел на свой не укушенный палец, на канаву, на поджидающего незнакомца, вспомнил о своём нереализованном тазе, об ускользнувших прелестях Васи и словно очнулся. Как это он, человек с незаурядными способностями, рискуя жизнью, отчаялся на промысел, о котором не помышляет даже замызганный попрошайка.

– Нет уж, – буркнул критик, – я тут просто тренировался. На скорость, так сказать, на реакцию. Пошёл я. Пока.

– А-а-а... – огорчённо протянул незнакомец. – Ну, тогда прощевай, значит. До свиданьяца.

Сява сидел на песчаном бугорке и сосредоточенно чесал голову, выковыривая из-под ногтей всё, что туда наскребалось. Пристально и с некоторым удивлением он рассматривал находки, тут же разочаровывался и отбрасывал прочь. Он вовремя заметил приближающегося критика, поправил таз, пыхнул глазами.

Культя брёл медленно. Он был понур, измучен приключениями и хотел спать.

19

Утро, раннее и свежее, расползлось по окрестностям. Местные жители ещё досматривали сны в тёплых норках, только Сява упрямо бодрствовал и демонстративно сторожил таз. Время от времени он бдительно приподнимался, посылая испепеляющие взгляды в сторону якобы затаившихся там и сям посягателей.

– Ага! – обрадовался попрошайка, как бы невзначай увидев критика. – Наконец-то!

Закатив глаза и заламывая руки, Сява поведал Культе о том, каким ужасным и изошрённым проискам он подвергался, со стороны огромного количества желающих умыкнуть сей замечательный таз. Добавил, что в связи с этими непредвиденными обстоятельствами вчерашние договорённости отменяются, требуется произвести их существенную переоценку в виде значительного увеличения причитающегося ему, Сяве, вознаграждения.

Культя, хмуро глянув на возбуждённого попрошайку, ничего не сказал, даже не возмутился. Он грубо вырвал свой таз из Сявиных лапок, отошёл в сторонку и погрузился в какие-то сугубо личные и, похоже, мрачные размышления.

– Кнут здесь? – спросил критик после того, как перевертел в голове множество громоздящихся там несуразностей. Похоже, он и не слышал того, что верный хранитель таза ему так красноречиво плёл всё это время.

– Они ещё спят, – ответил попрошайка.

– Спит? – переспросил Культя.

– Не спит, а спят, – поправил его Сява.

– Ну да, конечно. Так-так. Спят ещё. Ага. Ну, разумеется... А я вот фантик заработал.

– С невероятным трудом, наверное? – съехидничал попрошайка.

Культя смолчал, поджал губы. Его глаза опять стали непроницаемыми.

– Зря-зря, напрасно, – вкрадчиво заговорил Сява. – Напрасно ты так вызывающе недружелюбен. Можно сказать, враждебен. Чревато это, понимаешь ли, некоторыми, так сказать, или даже, пожалуй, весьма порядочными, как бы это выразиться, последствиями. Причём очень даже отрицательного характера. Или свойства?

Критик мельком глянул на попрошайку, хмыкнул умудрённым смешком и отвернулся.

– Напрасно ты меня игнорируешь. Напрасно и, главное, не ко времени. Ты даже не знаешь, даже не догадываешься, какая удивительная идея посетила мой мозг, пока я сторожил тут твой таз. Надежно сторожил. Самоотверженно.

– И знать не желаю, – отрезал критик. – Я всё-таки ещё в своем уме.

– Ну и ладно, – вздохнул Сява. – Вот только, когда они проснутся, и мы пойдём в путь, ты за нами не топай, не увязывайся. Потому что нам такие, больно умные, не нужны, нам от таких умников одни неприятности, только тягости, невзгоды да сплошные лишения. Ты тут оставайся. Сядь вот на этот бугорок и думай. Ломай голову, пока чего-нибудь не придумает. Хотя другие, не такие вот умные и гордые, уже всё за всех придумали и сообразили. А ты, хоть даже треснешь от размышлений, хоть даже лопнешь от натуги, а вот такое, как я, всё равно не придумает, потому что у тебя одни бабы на уме.

Культя очнулся от своих дум, его лицо приняло осмысленное выражение, а глаза всё ещё с недоверием, но уже с некоторым интересом посмотрели на попрошайку. Тот сразу оживился, быстро подскочил к критику и горячо зашептал:

– Мне сегодня в ночь обалденная идея на ум явилась. Очень толковая, прямо замечательная, можно сказать, восхитительная. Такая восхитительная, что я даже сомневаюсь, стоит ли тебя в неё посвящать. Разумно ли такую чудесную идею кому попало запросто так выкладывать. А? Как ты думаешь?

– Я думаю точно так же. Держи её при себе и не выкладывай ни за какие фантики.

– М-да... Такая идея, конечно, немалых фантиков стоит, но за некоторое их количество я всё-таки её выложил бы.

- Ни в коем случае! Не надумайся! Прогадаешь наверняка.
- А, пожалуй, действительно. Совершенно верно. Такого человека, как ты, в мой грандиозный план, лучше не посвящать. Толку от тебя никакого. Мускулы у тебя жидкие, фантазией не блещешь. А уж до чего жаден.. Я тут живота своего не щадил, берёг его таз, а он?.. Не стану я такого человека в мой план посвящать. Нет-нет, не стану.
- Ну, так отвали и примолкни, – огрызнулся Культя. – Не я навязываюсь...
- Вот-вот. Вот именно. Вот так-то оно и так. Вот так-то оно, поди, и есть. Кнут, например, рот разинул, когда я ему рассказывал, а ты фыркаешь тут, точно капиталист толстопузый, которому опарышей худосочных поднесли. Не свойский ты парень, не компанейский. Зря Кнут тебя с собой таскает. Гнать таких надо на все четыре стороны. Вот проснётся Кнут, так ему и скажу: «Гони ты этого Культяпку на все четыре стороны. Не нужны такие Культяпки в нашей компании».
- А я ему скажу: «Гони-ка ты, Кнут, этого попрошайку с его идеями»... Как ты думаешь, кого Кнут послушает?
- Кого?
- Меня, конечно, – ухмыльнулся Культя. – Чтобы Кнут, да стал слушать какого-то попрошайку. Ни в жизнь.
- А давай поспорим! – загорячился Сява.
- Давай!
- На сто фантиков!
- А сколько это – сто?
- А вот такая куча, – показал руками Сява.
- Ну, давай! – не струсил Культя.
- Давай! – подпрыгнул попрошайка.
- А у тебя столько нет.
- И у тебя столько нет.
- Зато у меня один есть! – Критик выхватил из кармана фантик и треснул им об землю.
- Ну, ну, спокойнее, – осадил Сява. – Раз нету сто, то нечего и спорить.
- Так давай на один!
- На один как-то неинтересно, – завил Сява, у которого не имелось и одного.
- Да ты, наверное, боишься? – заподозрил Культя.
- Ещё чего! – продолжал хорохориться Сява. – Просто, чтобы мой план претворить в жизнь, нужна компания. Кнут, кстати, очень подходит, и он готов делать сказку былью хоть сейчас.
- А я не подхожу? – Культя уловил некоторую перемену в настроении попрошайки.
- Ну, не то, чтобы совсем, а вот как-то не очень. Хотя, если взглянуть с другой стороны, то, не исключено, что в некоторой степени, как бы даже, вполне вероятно, что и не вовсе. То есть, вот если ты, возможно, как-то изменишься в лучшую сторону, тщательно поработаешь над собой, сделаешь некоторые оргвыводы, то...
- Больно надо, – никак не клевал на Сявины уловки Культя. – Это тебе удалось мозги Кнуту запудрить, но я-то их быстро очищу, пусть только

проснётся.

– Ах, вот человек, какой вреднющий, – застонал Сява. – До чего упрямый, до чего твердолобый. Прямо, как истукан, как монумент, как монолит, как памятник почти. Вообще-то, такие люди в великом почине всегда нужны, очень вероятно, что даже и сподобны... Как же я об этом не подумал? Великие свершения всегда требовали наличия вот таких людей, я хочу сказать: товарищей, – продолжал размышлять вслух Сява, – которые на первый взгляд, вроде бы, как и не того, а приглядишься повнимательнее, попристальнее, так весьма, как бы, и подходящи. Нам вдвоём с Кнутом да со слабой женщиной, наверное, будет трудно...

– Значит, ещё компаньоны нужны?

– Точно.

– Ну, за пару фантиков я бы согласился.

– Вот как. За пару?

– Ага.

– А за один?

– Ну... и за один, пожалуй. – Не стал ломаться Культя.

– Итак, слушай деловое предложение: я за два раскрываю тебе суть плана, а ты за один принимаешь участие в его воплощении. По рукам?

Из норки высунул голову Кнут.

– Что за базар? – любезно осведомился он.

– Да вот, производим долгосрочное взаимовыгодное товарищеское соглашение, – изрёк Сява торжественно.

Культя важно кивнул.

– Ты же вчера на юг собирался. Все уши нам с Васей прожужжал своей великой идеей. Или уже передумал? – удивился вырубала.

Попрошайка вскочил, заломил руки, взвыл и принялся рвать жидкие волосёнки.

– Ты мне расстроил наиважнейшую сделку! – вскричал Сява в отчаянии. – Разрушил плоды титанического умственного труда, разбил надежды, помыслы, чаяния!..

– Да я же только...

– Ты же, ты же, – передразнил попрошайка. – Я тебя штрафую. Ты мне должен два фантика.

– Вот ещё! – Кнут вылез из норки и стал разминаться.

– Ну, один.

Вырубала показал увесистую фигу.

– Тогда я пойду на юг один, без вас, – пригрозил Сява.

– Иди, иди. А мы пойдём без тебя. Точно? – Кнут подмигнул Культе.

Попрошайка опять принялся драть волосы, вопя о том, как его бессовестно облапошили и обобрали.

– На юг? – переспросил критик. – Вы решили идти на юг?

– Это он сообразил вообще-то, – сказал Кнут, одобрительно кивнув в сторону Сявы. – Но мне его идея нравится. На юге сейчас тепло, там тыквочки сладкие растут, там есть такая еда – орехи.

– Я ел орехи, – сообщил Сява, ощупывая проплешины. – Волшебная вещь! Вкус – О-о-о!.. Запах – О-о-о!.. Но вы недостойны орехов.

– Да вы что! – вытаращил глаза Культя. – Вы что, не слышали, какие истории рассказывают о тех краях? Юг! Он же граничит с границей. Юг! Вы что забыли, кто там живёт? Южане! Они же хитрые и жадные.

– Не жаднее некоторых здешних, – позволил себе замечание попрошайка.

– Юг! – Культя содрогнулся в отвращении. – Разве не оттуда ползут подлые слухи, что у капиталистов целые горы картошек и тыквочек, и что фантики там валяются на помойках? Разве не забредавшие в наши края эти южные типчики, к счастью, давно уже беспартийные, болтали несусветные бредни, что, якобы, сами побывали за рубежом и что у них там не так уж и противно. А? Каково! – Критик ещё долго чехвостили капиталистический зарубеж и в хвост, и в макушку, стращал ужасами рабства, тиранией, цепями и подземными казематами с летучими мышами и ядовитыми гадами. Он так разошелся, что даже взопрел.

Кнут слушал его, криво усмехаясь.

– А что это ты всё про закордон? – спросил он, когда критик примолк. – Мы туда идти, вроде бы, и не собираемся, а ты всё про закордон.

– Мы на юг собираемся, – подпел Сява, – а не к капиталистам, Кузмич их задери.

Культя прищурился.

– Я знаю одно. Там где юг, там поблизости и граница, и кто идёт на юг приближается к границе. Чуете, чем пахнет?

– Чем? – никак не мог догадаться Сява.

– Изменой!

– Мы собираемся идти на юг, чтобы покушать орехов, – заметил Кнут, – а про границу мы и не думали, это ты про неё тут распинаешься... Нам на эту границу начхать, мы в её сторону только плевать будем...

– Ага! – поддакнул попрошайка. – Плевать и сморкаться. Я лично капиталистов ужас как ненавижу. Всеми фибрами души. Они, понимаешь ли, ходят в таких железных шапках с рогами и в зубах у них толстые палки, которые горят и воняют. Сигары называются. Буржуй этой палкой, как чего ему не понравится, так в глаз работяге и тычет. И выжигает, гад, выжигает. А в глупости эти, что у них там фантики валяются и еды навалом, не верю. Это всё, чтобы дурачков к себе заманивать и в казематы бросать. С размаху. Так что мы на такие штучки не клюнем. Нам в их казематах неохота томиться.

– И всё-таки мне не нравится, что юг с границей граничит, – продолжал гнуть свою линию Культя. – Давно бы пора с этим делом покончить. И уж я-то знаю, как дурят коварные буржуи наших простофиль своими соблазнами и всяческими тлетворными миазмами, – критик встряхнул головой. – Я-то понимаю, что слухи, ползущие оттуда, рассчитаны на глупцов, но распространяют-то их не кто-нибудь, а южане. И не исключено, что кто-то верит.

– На юге нашей Великой Коммуныкии живут и здравствуют такие же честные и преданные делу Кузьмича товарищи Коммунисты, как и мы с вами, – произнес Сява голосом полным глубокой партийной мудрости. – И никому не позволено из-за каких бы то ни было гадких сплетен сомневаться в людях, согревающих на своём теле Партбилет, где бы они ни жили, хоть и на юге. Такие пораженческие настроения играют на руку подлым буржуям, льют воду на их прогнившую мельницу, и надо бы ещё разобраться, почему нам приходится выслушивать подобные речи!

Критик потупился.

– Мы хотим идти на юг, как подчеркнул наш товарищ Кнут, вовсе не для того, чтобы слушать байки о границах из поганых ртов всяких отщепенцев, которых Секретари Парткомов заслуженно и вовремя лишают Партбилетов, – продолжал повышать голос Сява, – а для того, чтобы осмотреть тамошные

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
достопримечательности. Познакомиться с новыми товарищами, возложить взносы к их памятникам Великому Кузьмичу, покушать даров щедрого юга... – Из норок высунулись несколько любопытствующих голов. – Чтобы рассказать тамошним людям о наших краях. Поделиться опытом. – Сява резко понизил тон и почти зашептал: – Ишь вылупились, увяжутся, поди, не отгонишь.

– А ты не ори, как на Партсобрании, – одёрнул разошедшегося попрошайку Кнут. – Вот как на рынке отоваримся, так сразу и выходим.

– Совершенно точно, – поддакнул Сява. – Без промедления. Без всяких там отсрочек и проволочек.

– А ты с нами? – спросил Кнут критика.

Тот сверкнул глазками на Васю, посопел, чуть-чуть посоображал и согласно кивнул бровями.

Вася заулыбалась, Культя облегчённо вздохнул. Неуверенность и страх улетучились, он суетливо ощупал карман с Партбилетом, погладил свой таз и торопливо сказал:

– Иду, иду, вы же там без меня вляпаетесь в какую-нибудь историю.

Часть 2. Капиталисты

18

Непогода застала путников в самое неподходящее время, когда до очередного населённого пункта было ещё далеко. Сначала задул злой, напористый, явно засланный капиталистами ветер, который налетал сверху, снизу, с боков, забирался под одежду, деревенил мышцы и суставы. Небо задёрнулось тучами, мелкими острыми колючками заморосил дождь.

Критик Культя прикрывал голову тазом, который ему однажды посчастливилось выкопать из земли и который никак не удавалось выменять на что-то более ценное. И хотя дырявое дно таза совсем не спасало от дождя, он был доволен этой новой возможностью по использованию задержавшейся в его скромном хозяйстве вещицы. Тем более что товарищи откровенно ему завидовали. Критик упорно отвергал посягательства по обмену таза на продукты, фантики и даже на единственное достояние, коим владела девушка Вася. По поводу последнего Культя поколебался, но предложение выглядело слишком несвоевременным. Заниматься этим делом под дождём не хотелось, а откладывать удовольствие до более благоприятной обстановки, казалось рискованным. Вася могла просто вернуть таз и за полученные ею удобства никак не отблагодарить, сославшись на нестерпимые брызги в лицо сквозь дырки в днище.

Дождь всё усиливался. Идти стало труднее. Ноги разъезжались на развоженной глине, а голые поля, с пожелтевшей травой, продолжали тянуться в зыбкую бесконечность.

Вырубала Кнут шёл впереди, рассекая ненастье мощной грудью. За ним, вцепившись в его мокрую рубаху, волочилась Вася. Попрошайка Сява пританцовывал то с одной стороны, то с другой, норовя хоть как-то спастись от ветра. Культя скулил где-то сзади. У него устали руки, и он уже не мог держать таз над головой. Критик взывал к Великому Кузьмичу, к Партии, падал, вставал, осенял себя звездой и громко, на всю округу, честил то проклятых буржуев, то Сяву самыми мерзкими словами.

– Наверное, мы идём туда, не знаю куда! – кричал Культя. – Связался я с вами на свою голову.

Много дней назад попрошайка Сява убедил всю их компанию отправиться в поход на юг, уверяя, что там тепло, много продуктов, есть такая еда – орехи и что тамошние тыквочки, в отличие от нашеньских – сладкие.

Товарищи не реагировали на вопли критика, продолжая целеустремлённое продвижение вперёд. Все знали, что Члены Политбюро уже наверняка приняли неотложные меры, чтобы прогнать непогоду с бескрайних просторов Коммуныкии.

К вечеру измотанные ненастьем бродяги почувствовали близость населённого пункта. Проступили тропы. Сбегаясь и ширясь, они превратились в дорогу,

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
идти по которой было не легче, чем по полям. Дождь почти иссяк. Лопнули грязные тучи, небо заискрилось голубыми прожилками. Занемогший ветер притих.

Город, в который забрели путники, оказался самым настоящим городом, сплошь состоящим из древних грибов, рухнувших от старости много веков назад. Большие кучи бетонных обломков были когда-то девятиэтажками, кучи поменьше – пяти. Невдалеке, без крыш, стекол и дверей расположились несколько кирпичных строений, в которых тоже никто не жил. Ветер продувал там всё насквозь, да кое-какие обломки с грохотом падали вниз по причине земного тяготения. Когда-то в этих окаменевших грибах можно было жить, но они неумолимо приходили в негодность от климатических невзгод, упрямо насылаемых проклятыми капиталистами. Поэтому люди селились в норках, обитали в щелях железобетонных груд, а наиболее трудолюбивые сооружали землянки.

И над каждым городом и селом, а иногда в степях и пустынях могуче возвышались памятники Великому Кузьмичу. Вождь стоял незыблемо, уверенно рассекая грудью тлетворные веяния веков, указывая каменным перстом единственно правильный путь всем тем, кто уверовал в него больше, чем в Бога.

Город Краснобратск отходил ко сну. Измученным путешественникам предстояло найти убежище на ночь – спать, зарывшись в мокрый мусор, никому не хотелось.

Сява заголосил фальцетом, испрашивая тёплую удобную норку, предлагая взамен честь, славу и процветание в загробном мире. Охотников меняться не находилось.

– Надо им Васю предложить, – догадался попрошайка. – На подобный товар спрос найдётся.

– Давай лучше тебя предложим, – возразила девица. – Такая круглая задница многих заинтересует.

– У Культи задница круглее, – заметил Сява.

– Но-но, – возмутился критик, – я себе норку за фантик выменяю, а вы хоть за задницы, хоть за пи... в общем – за что хотите... – Культя осёкся, робко глянул на Васю и смущённо замолчал.

Девица фыркнула, недобро осмотрела мужчин и, изогнув бровь дугой, спросила:

– Если мне самой за себя придётся рассчитывать, так зачем тогда я с вами пошла?

Культя встrepенулся. Пытаясь исправить свою оплошность, хрюкнул что-то невпопад и взмолил Великого Кузьмича ниспослать ему подходящие слова для исправления щекотливого положения. Кузьмич упрямо молчал.

Кнут притянул Васю к себе, что-то шепнул ей, засмеялся, и они удалились. Вскоре послышались ругань, шлепки и чей-то быстрый бег – это вырубала дубасил, позарившегося на Васины прелести, недотёпу.

Критик с попрошайкой сняли норку на двоих, вымотав друг друга до изнеможения бесконечным торгом. В конце концов, уладив счёты материальные, Сява начал выражать претензии плотские:

– Ты смотри ночью меня не лапай, а то знаю я вас страдальцев: приснится такому баба, так он готов камень продырявить, а я всё-таки не баба, я – импотент. Так что, хочешь, буравь стенку, хочешь, свой таз, а задницу мою не трогай. Усёк? Скумекал?

Культя мрачно соглашался. Он хотел спать, невероятно устал от бродяжничества, от бесконечных словесных пут, которыми Сява обволакивал подвернувшуюся ему жертву, выторговывая себе уступки, поблажки, льготы и режимы наибольшего благоприятствования. Стоило хоть чуточку расслабиться, и этот хитрец так ловко обыгрывал сделку, что можно было не только за свой

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
фантик впустить его в норку, но и оказаться должником на всю оставшуюся жизнь. Сегодня Культя не прогадал. Сява обещал представлять его колхозникам как уникального специалиста, обладающего необыкновенными способностями, применение которых ведёт к тому, что все раскритикованные продукты не только перестают приобретаться товарищами коммунистами, но также начинают быстро плесневеть, гнить и тухнуть. Такое сотрудничество могло оказаться весьма плодотворным и внушало радужные надежды.

17

Сява проснулся раньше всех. Он прошёлся туда-сюда, понюхал воздух, ковырнул землю, измерил растопыренными пальцами горизонт и небо.

– Кажется, мне сей славный городок хорошо знаком, – пропел попрошайка. – Бывал я тут в свои молодые годы. Один раз бывал. Но зато как бывал! С очень большим удовольствием бывал!

Из норки высунулся Культя, хмуро оглядел невзрачные развалины.

– Что же тут такого примечательного? – спросил критик.

– Баб здесь много водится, ох как много. Так много, что и не сосчитать. Считаешь, бывало, считаешь и всё одно – сбиваешься. Пальцев не хватало, чтобы сосчитать.

Культя выскочил из норки, вытянул шею, привстал на цыпочки.

– Как это, как это? – переспросил он. – Не сосчитать?..

– А вот как. Место тут такое. Специальное. Секретари Парткомов жёнок себе выбирают. Тут несколько городов рядом располагаются. Краснозвездск, Краснотрудск, Красноградск и в самом центре – Краснобратск, в котором мы в данный момент имеем удовольствие находиться. Именно здесь Секретари собираются на симпозиумы. А бабы.. тут как тут. Себя демонстрируют, в жёны предлагают.

– Ух ты! Вот это да..

– Здесь, недалеко, вон там, кажется, точно – там, площадь из асфальта с памятником Великому Кузьмичу. Туда-то они и стекаются.

– И много их, говоришь, в этом месте бывает?

– Достаточное количество. Даже более чем достаточное. Просто невообразимое. Каждая мечтает стать женой Секретаря Парткома, понятное дело. Только Секретарей-то на всех не хватает. Вот бабы эти и болтаются тут без дела...

У Культи захватило дух.

– Пойдём туда, – взмолился критик.

– Куда это – туда?

– Ну, туда, где симпозиум.

– Что мне-то там делать. Раздражаться, что ли? Нет уж. Хотя?..

Сговорившись с большим перевесом в пользу попрошайки, друзья двинулись в дорогу. Сява продолжал заливать в своём обычном стиле:

– Вот придём сейчас и увидишь, воочию убедишься, какие там девки. Не девки, а фантики.

– И краше Васи есть?

– И краше есть и толще. Всякие есть.

– Я толстых не люблю, – сказал Культя.

– Да любых там навалом. И тонких, и толстых. И длинных, и коротышек. Хочешь с кривыми ногами, хочешь с прямыми. Хочешь с животом, хочешь с горбом. На

все вкусы.

– Зачем мне с горбом? Мне бы такую, как Вася.

– Будут и такие, как Вася, – уверенно пообещал Сява.

Культя вертелся вокруг попрошайки, выпрашивая различные подробности.

– Не путайся, – ворчал Сява, сбиваясь с шага.

Критик однако так разволновался, что уже ничего не соображал. Он спотыкался, падал, хватался за Сявины лохмотья. Его мужское оружие уже торчало вперед, вздыбливая штаны на добрых полметра. Культя пытался унять своего богатыря руками, заламывая его вбок, чтобы не мешал, не задирали порчины и не оголял лодыжки, но это было нелегко да и больно. Немало пропетляв по развалинам, товарищи вышли на большую площадь с кое-где сохранившимся асфальтом. Памятник Кузьмичу с протянутой к народу рукой стоял на обычном месте – в центре.

Сява суетливо перезвездился, потом поднёс руку к глазам и стал осматривать окрестности.

– Где же бабы? – стонал Культя. – Где они? Их что – нету? Нету?

– Кажется, нету, – произнёс попрошайка трагическим голосом. – Я, во всяком случае, их не вижу. А ты?

Культя аж подпрыгнул от бешенства и так дернул себя за член, что чуть не взвыл от боли.

– Тихо, тихо, – Сява уже приглядывал пути к бегству, – были они тут раньше. Присутствовали. Кузьмич – свидетель, не вру я, не обманываю. Да вот же, вон одна. Видишь?

Действительно, из-за кучи мусора вылезало что-то женоподобное, но явно не похожее на объект вожделения. От неожиданности Культя замер.

– Эй, парниша, я разрешу все твои проблемы, – проскрипело существо, не сводя восторженных глаз от оттопыренных штанов критика.

– Ты кто? – осторожно спросил Культя.

– Я? Я – девица. Девушка твоей мечты по имени Проня. А тебя как зовут, красавчик?

– Культя, критик предметов общественного потребления.

– Ах! – воскликнула женщина, прыгнула вперед и вцепилась в Культины штаны.

– Ай-я-яй! – завопил критик, рванулся изо всех сил, скатился боком, отбежал на четвереньках, вскочил и стал тщательно маскировать свое ниспадающее достоинство в складках одежды.

– Эй, эй, что такое? – возмутилась девица, разочарованная результатами набега.

– Разве можно так грубо, – заступился за товарища Сява. – Надо было ласково, с нежностью, а ты налетела, напугала...

Проня погрозила Культе кулаком и уставилась на попрошайку.

– Тогда ты! – грозно потребовала она. – Разве не видишь – я вожделею.

– я? я?.. Как это я?.. Я не могу этого – того.. У меня, так сказать, устойчивое нестояние стояния.

– А ну, покажи!..

Попрошайка брезгливо выковырнул из ширинки что-то похожее на червяка и покачал им из стороны в сторону.

– М-да... Ну ладно, – огорчилась Проня.

Сява подмигнул товарищу и мотнул головой: пора, мол, сматываться.

– А ты, голубчик, значит, хитришь? – Проня опять начала пододвигаться к оторопевшему Культе. – Лукавишь, значит?

Критик развёл руками.

– Я бы рад... да вот, всегда так.

– Ну-ну, – произнесла девица. – Ладно-ладно, расслабься, слабачок. Я сама сделаю всё как надо. Иди-ка сюда!

Критик, как загипнотизированный, стал приближаться. Его дрожащие ножки то и дело подкашивались. Сява уселся поудобнее. Расслабился. Зрелище обещало быть интересным.

– Сейчас я тебя возбуждать буду, – пригрозила критику Проня, вытаскивая из-под одежд две огромных белых сиськи. Несколько раз любовно подбросила их в воздух, резво прыгнула и жадно вцепилась в штаны трясущегося от отвращения кавалера.

– Нет уж, – запищал Культя, двумя руками прикрывая вход в закрома.

Проня была сильной женщиной, но и она не смогла оторвать эти руки.

– Ах, так! Не хочешь удовлетворить насущные потребности молодой возбуждённой женщины?! – вскричала девица.

– Не хочу, – честно признался Культя. – Хоть убей.

Проня с досадой запахла одежду.

– Тогда, откупайся.

– Ещё чего! – посмел возмутиться критик.

Девица схватила его за загривок, прыгнула к земле.

– Вот, фантик имеется, – заверещал Культя. – Фантик! В единственном экземпляре.

Женщина схватила фантик, присела на кочку, пошарила где-то за спиной, вынула тряпичную сумочку. Ласково разгладив бумажку, она присовокупила её к толстенной пачке.

– В Партком бы тебя за такие дела, – дрожащим от негодования голосом проговорил Культя.

– За какие такие? – не поняла Проня.

– А вот за такие. За действия, позорящие высокое звание Коммуниста.

– Что-что?! – удивилась девица. – Мои действия продиктованы потребностями. Сечёшь фишку?

– Ага, – поддакнул Сява. – От каждого по способностям, каждому по потребностям. Святая истина.

– Вот-вот, – удовлетворенно кивнула Проня.

– А вот и проверим в Парткоме не являются ли твои потребности прихотями, – не сдавался критик. – Вот и проверим!

Проня вынула Партбилет, помахала им в воздухе.

– Нету тут больше Парткома, – сказала она.

– Куда же он подевался?

– А вот туда – не знаю куда... Как только заявила я в эти края, надеясь какому-нибудь Секретарю в жены себя предложить, так все и разбежались. Сначала Секретари, потом девицы. А вот мужички иногда забредают. Как-то находят меня, значит.

– По запаху, видимо, – сказал Сява.

Критик понюхал воздух, озадаченно почесал нос и стал приглядываться к рассеившейся бабе.

Девица представляла из себя женщину с чрезвычайно низкими потребительскими свойствами. Такое чучело ему ещё никогда не встречалось и даже не снилось в самом кошмарном сне. Огромный нос свисал так низко, что, изловчившись, Проня могла бы его укусить. Глаза, полуприкрытые мохнатыми растрёпанными бровями, сильно косили, причём, то сбегались, то разбегались в зависимости от расстояния до предмета, на котором Проня фокусировала взгляд. Волосы, очень густые от природы, давно сбились в плотный войлок, под которым мучились от перенаселения несметные полчища вшей, клопов, блох и тараканов. Девица иногда просовывала туда палец и с громким щелчком давила зазевавшегося кровососа.

– Ну, мы пойдём, хорошо? – подал голос Культя.

Проня приподняла голову, собрала глаза в кучу и уставилась на критика.

– Идите, голубчики, идите.

Культя сделал несколько неуверенных шажков, оглянулся и рванул с места. За ним взметнулся Сява. Сзади послышался гулкий топот.

– А ты куда? – спросил попрошайка, чуть притормаживая. – Куда это ты?

– С вами, родимые. Что мне тут делать?

– Ждать, – не сбавляя скорости, посоветовал Культя.

– Да я ждала, ждала, а заявлялись одни импотенты. Я тут протухла, поди, поджидая кавалера. И дождалась. – Проня игриво подмигнула Культе. – Штуковинка у тебя добротная, сама видела. Пугливая, но рабочая. Да, ничего, я подсоблю – он и воспрянет. Встанет, как миленький.

– Не встанет, – уверил Культя, прибавляя скорости.

– Не перечь даме! – твякнула Проня. – Всё равно я тебя вылюблю. Ты у меня только зазевайся.

Неутомимый Сява бежал впереди. Он часто оглядывался и время от времени подбадривал товарища:

– Петляй, петляй! Изматывай её.

Но никакие манёвры и ложные броски не смогли сбить Проню с верного следа.

16

Из города вышли уже впятером. Проня плелась сзади, пыхтела, охала, но не отставала. Она тащила две огромные тыквы, которые обменяла на фантики при посещении колхозного рынка. На первом же привале Проня предприняла новое нашествие на Культино достояние.

– Да чего ты дрожишь, дурашка? – ласково проскрипела девица, придвигаясь ближе. – От возбуждения?

– Не-е-е, – проблеял Культя.

– Так отчего же?

– От стра-а-ха.

Проня слегка огорчилась, но отступать не собиралась. Она завалила критика на землю, придавила задом и запустила руки в его штаны.

– Ой! Ай! Больно! – заверещал Культя.

– Какой ты, однако, нежный, – посетовала женщина, увеличивая скорость манипуляций.

Культя дико заорал, задержался, потом так резко выгнулся, что Проня слетела с него, больно ударившись головой о камень.

– Недотрога, импотент несчастный, – прорычала девица ощупывая вздувшуюся шишку.

Культя отскочил в сторону, расставил ноги, с ужасом рассматривая ссадины и мозоли.

– До крови стерла, зараза, – охал он.

– Оторвать тебе его надо, чтоб не искушал, – сказала Проня. Она бросила презрительный взгляд на Васю, усмехнулась и стала подбираться к Кнуту.

– У меня есть такая штучка, которая ввергнет тебя в пучину сладостного экстаза, – ворковала девица, задирая свои многочисленные тряпки и подсовывая для обзора то одну, то другую часть рыхлого тела.

Кнут отодвинулся.

– Васю предпочитаешь? Напрасно, напрасно, батенька. Ты не кривись, оцени цепким взором настоящую плоть. А? Каково?! А Вася? Разве это женщина? Худая, как труп, костлявая. На ней только синяки набивать. Ты сравни, сравни... Потискай, ощути живое тело. Взгляни, какие у меня сиси. Я тебя ими обниму.

– Твой парень – вот. – Кнут ткнул пальцем в сторону Культи. – Понятно? И отвали. А то, как дам в глаз! А потом в ухо.

Проня отползла в сторонку, улеглась на спину и стала проклинать мужиков за чёрствость, скудость воображения и за вечную неготовность к потреблению подлинных женских прелестей.

Все следующие дни Культя пребывал в совершенной апатии.

– Не хочешь меня любить, изволь платить, – заявляла женщина, собирая дань с критика.

И все добытые в поте лица фантики шли на откуп.

После очередного посещения колхозного рынка девица оставила Культю без обеда. Угрожая Парткомом, она потребовала немедленно её удовлетворить или накормить, сказав, что только поглощение пищи облегчает зуд в причинных органах.

Голодный Культя устроился в сторонке, злобно сверкая глазками. Проня не суетилась. Она уселась плотно, широко, на всю свою необъятную задницу. Ела нехотя, капризничала. Поругивала Культины тыквочки. За малый размер, за незрелость.

– Хреновый ты критик, коль на рынках таким бараклом с тобой рассчитываются. Работать над собой надо. Повышать квалификацию. Как говорил Великий Кузьмич: учиться, учиться и еще раз учиться...

Культя сжимал в руках свой таз и только поскрипывал зубами.

– У тебя теперь два пути, – посочувствовал критику Сява. – Первый: платить ей всю жизнь, второй: спастись бегством.

– Нет, у тебя есть третий путь, – подсказала Вася. – Лиши её каким-нибудь образом Партбилета, и тогда у неё не будет ни малейшего права даже упоминать о своих потребностях.

– Не переживай, – бодрил Культю Кнут. – Я посоветую четвёртый путь. Смирись

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
и отдайся ей. А еще лучше – залюби до смерти. И вообще, присмотришься к ней внимательней. Ну неужели тебе её не хочется?

Культя тихо свирепел, передёргивался и неистово сопел.

Проня слушала эти разговоры спокойно, не перебивая. Иногда она посылала воздушный поцелуй критику и снова начинала жевать. Вечером кандидат в любовники начал щипать подвявшую травку. Порой ему приходила в голову мысль: а не смириться ли и вправду с судьбой, однако он всерьёз опасался, что вовсе не он, а эта нимфоманка залюбит его до смерти.

С утра у критика прихватило живот. Он обделался прямо на рынке, не успев донести добро до горшка. Колхознику пришлось всё-таки поделиться продуктами, приняв к сведению нелицеприятную оценку качества своих тыквочек, а также убедительное наличие Кала в штанах, которое добросовестный критик тут же выскоблил в подставленный горшок. Воспользовавшись отсутствием замешкавшейся где-то Прони, Культя сразу на месте всё и пожрал, так что грозной девице, несмотря на её наскоки, не досталось в этот день ничего. Потом критик ещё долго ходил по рынку. Принюхивался, приглядывался. Попробовал выпрашивать – не получилось. Прикинул – не попытаться ли чего-нибудь спереть, но в памяти всплыл тот давний и жуткий случай, когда разъяренный колхозник саданул его по рукам острой железкой, отрубив два пальца. С тех пор Культя и получил свою кличку, а, кроме того, переквалифицировался в критика. Эта специальность требовала острого ума, пытливого глаза (за принижение достоинств добротных продуктов можно было оказаться в Парткоме), но считалась более безопасной, хотя и имела существенный недостаток – рассчитывались колхозники теми же недоброкачественными продуктами, которые обнаруживали критики. Однако, со временем, отточив мастерство до совершенства, некоторые из специалистов умудрялись раскритиковывать в пух и прах вполне приличные продукты, сумев отыскать в них малозаметные, но недопустимые потребительские дефекты. А именно: слабую звонкость при простукивании тыквочки, свидетельствующую о недостаточной зрелости; оттенки синеватости на её румяных боках, доказывающие гниlostную предрасположенность; плохо увядший хвостик, говоривший о поспешности в сборе урожая. Кроме того, всегда можно было придаться к размерам тыквочки, что уличало труженика полей в недобросовестном внесении собранного им Кала в почву. Обнаружить изъяны в картошках считалось делом хлопотным и трудоёмким, потому что их размер, форма и цвет никак не отражались на вкусовых достоинствах. Вот почему критики и пристрастились к тыквочкам, благословляя в молитвах Кузьмичу, сей прихотливый в культивировании сельскохозяйственный продукт.

Ни разу Культя не пожалел об обнаруженных им в себе критических способностях, реализовывая которые, он не только обеспечивал свои пищевые потребности, но также полагал, что вносит значительный вклад в процветание горячо любимой Родины.

Бывали дни, когда ему удавалось поесть аж два раза. Только богоподобные Секретари могли позволить себе такое излишество. Случалось попить и пивка, что удавалось далеко не каждому коммунисту, по крайней мере с той высокой периодичностью, какая выпадала на долю везучему критику.

Так бы и жилось Культе припеваючи, если бы не влезла в его жизнь эта подлая тварь – Проня. Конечно, можно было попробовать уладить дело в Парткоме, но критик опасался, что Проня, соблазнив немалым количеством фантиков всегда готового к подкупу Сяву, сумеет с его помощью убедить Секретаря в жизненной важности своих бабских потребностей, и тот навсегда привяжет Культю к этой кошмарной женщине. Сегодня, когда Культя взбунтовался и сам съел заработанные продукты, возникла опасность, что в Партком рано или поздно обратится Проня. Но та предпочитала другие методы.

И в тот же вечер, откушав перекупленных у кого-то тыквочек, девица грузно поднялась и, бурча под нос ласковые угрозы, начала сужать круги вокруг отдыхающего от тяжких забот критика.

– Буду отбиваться тазом! – выкрикнул Культя решительно.

Проня затопталась на месте.

Критик с невероятной для него силой рассёк воздух своим оружием крест

накрест.

– Убьёт! – предположил Сява уважительно.

Проня прекратила натиск на Культю и пошла на попрошайку.

– Ты уверял – всё получится! – грозно проговорила она.

Сява вскочил. Держа почтительную дистанцию, он принялся торопливо оправдываться:

– Мы же забыли про таз. Ты забыла и я забыл. Это же непредвиденные обстоятельства...

– Изловлю – раскурочу, – пригрозила Проня.

Она ещё немного потопталась, побушевала, потом начала успокаиваться и вскоре совсем затихла.

Все расслабились. Сява принялся сооружать пышный матрац, благо сухой травы вокруг было навалом. Культя не выпускал из рук свой ненаглядный таз, вертел его, окидывая взглядом и восхищённо цокал языком.

15

Ночь подкралась ненавязчиво и бесшумно. Тускло залоснилась потёртым боком Луна, небо обсыпалось звёздами, воздух затих.

Сява спал сладко и, как всегда, чутко. Потревоженный сном, он часто вскакивал, куда-то уносился, но тут же, слегка сконфуженный, возвращался. В сторонке, негромко шурша, возились Кнут с Васей. Проня, объевшаяся тыквочками, раскатисто храпела. Культя побросал в неё мелкими камешками, убедился, что не притворяется, прополоскал в луже свои штаны и повесил на куст сушиться. Затем разыскал увесистый камень, подложил под голову и, зарывшись в сено, мирно задремал.

Утром критику приснился сон, в котором юная обнажённая Вася кидалась в него тяжёлыми спелыми тыквочками.

Кнут ещё раз пнул Культю ногой.

– Вставай, засоня! Проня твои портки спёрла.

Культя замычал, громко всхрапнул и резко подпрыгнул, одновременно замахнувшись и камнем, и тазом.

– А-а-а, это ты, – сказал критик миролюбиво. Шагнул к кусту и замер...

Проня, не замечая никого вокруг, мыча и закатывая глаза, сладострастно внюхивалась в его штаны. Из её горла раздавался стон, тело дёргалось.

Сява подобрался поближе. Морщинки на его лице собрались в комок, в голове завоились мыслишки.

– Что это с ней? – спросил он. – Никак, помирает?

Девушка грохнулась на спину. Окрестности огласились утробным нечеловеческим воем. Пот брызнул из чёрных от грязи пор, тело содрогнулось и обмякло.

– Отошла, – радостно выдохнул Сява. – Слава Кузьмичу!

Культя выдернул из неподвижной руки свои штаны.

– Сколько опарышей на такой туше можно вывести! – Попрошайка прыгал вокруг и, сияя лицом, потыкивал Проню пальцем. – А можно выкормить крыс...

– Кайф... – Проня распахнула глаза и распустила губы в мерзкой слюнявой улыбке.

С каждым днём становилось теплее. Оставались позади города, посёлки,

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
деревни. Перед путниками раскинулась бескрайняя пустынная степь. Юг
находился где-то там, за горизонтом, всего в нескольких днях ходьбы.

– Вперёд, товарищи! – победоносно кричал Сява. – Последний бросок – и мы у цели!

Прошло еще несколько дней, а степь не кончалась. Более того, впереди пролегала совершенно голая бесплодная равнина, доведенная до полного истощения в годы развитого социализма, благодаря применению методов интенсивного земледелия с научным подходом. Ни травинки, ни кустика, кругом одни трещины в пересохшей и выветрившейся земле.

– Надо возвращаться, – уговаривал друзей Культя.

– Я хочу есть, – стонала Вася. – И ещё хочу пить.

– Здесь даже Кал сдать некому, – негодовала Проня.

– Нам бы твои проблемы, – ворчал Кнут. – А вообще-то, давайте советоваться.

– Открываем партсобрание! – тут же объявил Сява. – На повестке дня один вопрос с двумя подпунктами. Куда нам двигаться дальше: а – вперёд, или б – назад? Начинаем прения. Кто хочет выступить?.. Слово просит Коммунист Культя...

– Ещё два дня без пищи, и мы не сможем двигаться ни вперёд, ни назад, – сказал Культя.

– Конкретней, товарищ, – строго попросил Сява. – Почему два дня, а не три или даже четыре? Почему без пищи? Возможно, что впереди скоро опять пойдут травы... Конкретней попрошу.

Кнут молчал. Он не привык сдаваться ни при каких трудностях, хотя в словах критика имелся смысл. Вася разделяла мнение своего дружка и тоже помалкивала. Проня хотела что-то сказать, но пока она соображала и двигала глазами, наводя резкость на председательствующего, слово сам себе предоставил Сява.

– Товарищи! – попрошайка завопил на такой высокой ноте, что пустил петуха. – Товарищи! Высокое звание коммуниста не даёт нам права при первых же неудачах отступать, капитулировать, сдаваться, идти на попятную!..

Далее Сява прокричал большое количество всевозможных партийных заклинаний, воздал хвалу Великому Кузьмичу и проклял капиталистов. Что-либо возражать на такие речи никто не осмелился, это считалось в высшей степени непатриотичным. Культя сидел пристыженный, но не покаявшийся.

– Переходим к голосованию! Кто за то, чтобы продолжить поступательное и целенаправленное продвижение вперед?

Кнут, Вася и Сява подняли руки. Проня задвигалась, открыла рот...

– Кто против? – Сява не стал ждать, пока Проня определится.

Культя нехотя, скорее из принципа, вскинул ладонь и тут же опустил.

– Кто воздержался?.. Итак, объявляю результаты голосования: трое – за, один – против, при одном воздержавшемся.

– Я не воздерживалась, – наконец-то вымолвила Проня. – Я...

– За?..

– Э...

– Против?

– Я тоже есть хочу.

– Вот и отлично. Значит, четверо – за, один – против, воздержавшиеся отсутствуют.

- Да-а-а. Вот в таких краях я никогда не бывал! – ликовал Сява, забравшись на кручу. – Хотя слыхивал, слыхивал. И не только слыхивал, а знал, то есть был уверен. Перед нами юг, товарищи! Самый настоящий юг! Глядите, какая растительность. Ой, зараза! – Попрошайка отдернул руку, уколовшись.
- Похоже, тут даже нет съедобной травки, – пробурчал Культя.
- Нет? Как же. Это же юг! Тут всего навалом. Тыквочки вот такие! И сладкие.
- Как это – сладкие? – не поняла Проня.
- Ну, вкуснее наших. Значит сладкие. Ешь и хочется.
- А мне и наших всегда хочется, – сказал Культя.
- Наши маленькие, – не сдавался Сява. – Два раза куснул и нету, а южную – ешь, ешь, уже не лезет, а она все не кончается.
- Говоришь, как будто сам ел.
- Хоть и не ел, а знаю, важные люди рассказывали, – Сява перепрыгивал от одного куста к другому, пробуя растительность на зуб. – Горькая, – констатировал он. – Солёная. Ой, я-я! Жжётся!
- Брось ты её жевать, – сказал Кнут. – Отравишься. Пойдём лучше город искать.
- Да, да. Надо город искать, – поддакнул Культя. – Мы сюда не траву есть пришли, а тыквочки и орехи.
- Вот вроде бы ничего. – Попрошайка замолотил челюстями. – Нет. Эту я уже пробовал. Солёная. К пиву бы пошла. А так – тьфу.
- Ладно, ты тут хавай траву, а мы пойдём искать город, – сказал Кнут. – Вперёд!
- Вперёд, товарищи, вперёд! – заторопился Сява, между словами оттирая язык рукавом. – Только вперёд!
- С каждым шагом становилось всё жарче. Сказывалась усталость, да и солнце прочно зависло в зените. Редкие бабочки, всполошено трепыхая крыльями, носились от цветка к цветку. Сява поймал одну, попробовал на зуб, но только перемазался белой пылью.
- Нет в ней мяса, – сделал заключение попрошайка.
- Припёрлись на юг, вот и обжираемся, – язвил Культя.
- Ничего, найдём город, а там-то уж отъедемся, – бодро тараторил Сява. – Так поедим, что и думать о еде забудем. Я столько съем, столько! И ещё раз столько.
- Смотри не обделайся.
- А вот и хотя бы.. Главное, успеть сдать кал куда следует, то есть в горшок, а не сбросить в штаны, как некоторые.
- Культя оскорбился и замолчал.
- Хоть бы встретился кто. Может, мы не туда идём, – жалобно проговорила Вася.
- Тропинок не видно, – вздохнул Кнут.
- Высохла земля, вот все и шляются как попало, – сказал Сява. – Не по стежкам-дорожкам, а как кому в голову взбредёт.
- Юг, – хмыкнул Культя. – Вот у нас по любой тропинке или в город придёшь, или на свалку, или в деревню.

– Ладно, переночуем, а завтра город найдём, – уверил всех попрошайка. – Точно найдём. На юге много городов. Больше, чем у нас. И как только мы город найдём, как объединимся вволю тыквочками, так вы сразу и заговорите, вот, мол, какие мы молодцы, что заявились сюда. А это я вас агитировал, я вас привёл. Мне каждый из вас в знак благодарности по тыквочке должен будет преподнести. В знак уважения. То есть, симпатии. Иначе говоря – расположения. Или почитания. А, может быть, даже благоговения. Выбирайте сами...

– Земля-то здесь какая горячая, – заметил Сява, укладываясь спать. – Вот вам и юг. Не надо норки искать или в мусор зарываться. Лёг на землю и спи. А хочешь, чтоб помягче было, можно её подрыхлить. Хорошо!

Никто не поддакивал, и попрошайка притих. Ночь наступила рано. Запахи чудных, но несъедобных трав щекотали ноздри. Назойливо стрекотала ещё никем не съеденная козявка. Или она была слишком ловкой, или ядовитой.

Культя лежал на спине и смотрел в небо. Проня вроде бы потеряла к нему жгучий интерес, а, может быть, как и все, думала о еде.

– Ты в меня не кончай, – слышался шёпот Васи.

– Так куда ж, в траву, что ли?

– Вот, дурень. Да в рот мне. Зачем добру пропадать?

«Умная», – с завистью подумал Культя.

Проня неожиданно закашлялась, брызнула слюной.

– Будем её южанам предлагать, – зашептал предприимчивый Сява. – В обмен на тыквочки.

– Найдёшь дураков, – скривился Культя.

– Зачем дураков. Мы ею будем угрожать. Давай, мол, тыквочки, а то познакомим. Здорово? А? Не глупо?

Критик не отвечал. Ему хотелось есть и ещё чего-то непонятного, но хорошего. Может быть, счастья?

14

Под утро сон голодных путников прервал чей-то крик. Первым вскочил осторожный Сява. Он ошарашено повертел головой, но никого не увидел. Кнут тоже приподнял голову и вопросительно глянул на попрошайку. Тот пожал плечами, ещё раз осмотрелся, потом опустил на колени и стал жевать траву.

– Э-э-а-а-а! – протяжный вопль разбудил всех остальных.

В сторонке, недалеко от их лагеря, умирал человек. Он уже не мог разговаривать, только пучил глаза, весь трясся и временами сильно кричал. По-видимому, он приполз сюда ночью – след от сломанных растений тянулся к северу.

Партбилета при нём не оказалось, все пугливо отпрянули и назидательно посмотрели друг на друга. Теперь предстояло дождаться конца и попробовать реализовать труп с максимальной для себя выгодой. Можно было, конечно, ускорить процесс умирания – придушить бедолагу или стукнуть камешком, но на такое мудрое деяние никто не решился.

– Вот вам и юг, – заливался Сява, уплетая вторую полосатую тыквочку.

– Вкус у неё какой-то странный, – осторожно произнёс Культя.

– Это потому, что она сладкая, – ликовал попрошайка. – Скажите, где ещё нам за покойничка отвалили бы столько? Юг – это всё-таки юг!

– Но торговаться они умеют, – засмеялся Культя.

– Да уж, умеют, – согласился Сява. – Это точно. Только и мы молодцы. Ну, несколько не продешевили. Я, признаться, и за меньшее количество штук согласен был уступить, но ты так ловко раскритиковал их тыквочки...

– А ты здорово расхваливал нашего мертвяка. Мол, и крупный он, и тяжёлый, и такой аппетитный. У меня с голодухи аж слюнки потекли. Я чуть было не куснул, так ты его красиво расписывал.

– Ха-ха.

– А тебя мы кормим за то, чтобы ты от нас отвязалась, – крикнул разошедшийся Культя Проне.

Девушка хрюкнула, поперхнулась, семечки брызнули у неё через нос.

– Да пофли фы фсе ф фопу, – прошамкала Проня, вгрызаясь в корку. – Фы только дфочить мастефа.

– А может быть, прямо сейчас пойдём на рынок? Сдадим Кал, отоваримся. – Культя мечтательно закатил глаза. – Дорогу в город нам указали...

– Какой такой сейчас Кал? – возразил Сява. – Откуда? Столько дней не ели. На рынок завтра пойдём. Кал как раз и созреет. Что нам на рынке без Кала делать? Кому мы там без нашего говна нужны? В нас если что и есть ценного, так это наши фекалии, говоря научно.

– А способности? – не согласился Культя.

– Способности наши нужны только лично нам, а не им. Не колхозникам, во всяком случае. У колхозников от наших способностей башка каждый день трещит.

Проня дожевала последнюю корку, собрала семечки в тряпицу, рыгнула, пошмыгала носом.

– Фто-то ноф не фунфыклирует, – пожаловалась она самой себе.

– Ну что, в путь? – сказал Сява. – Подойдем поближе к городу, переночуем, а утром – на рынок.

Все встали. Проня, проходя мимо Культи, зажала пальцем одну ноздрю, вдохнула поглубже, натужилась... Фонтан соплей, мякоти и семечек окатил критика с головы до ног.

– Совсем сладкий стал, – удовлетворенно хмыкнула девушка и, гордо заколыхав задницей, зашагала впереди всех.

– Хочешь, я тебя оближу? – предложил Сява.

Под вечер появились первые признаки обитания человека. Останки ржавых механизмов торчали из земли. Кучи бетона с истлевающими металлоконструкциями возвышались на месте былых построек. Кирпич, произведённый по встречным планам и повышенным обязательствам, к тому же с досрочным их выполнением к какой-нибудь очередной Красной дате, уже почти разложился, и в местах его применения бугрились рыжевато-красные россыпи. Природа поглощала остатки развитого социализма, превращая в тлен его недоброкачественные продукты. Недееспособная система пожрала саму себя, рухнув под натиском производимого брака, разрушение которого приняло в определенный момент характер цепной реакции.

– Идите все сюда, – позвала Вася. – Здесь такая ямка уютная. И земля мягкая. Самое место для ночлега.

– Не буду я в одной ямке с Проней спать, – заявил Культя. Он побегал вокруг и нашёл лаз в развалинах старого дома.

– Иди ко мне, – позвал он попрошайку.

– Боюсь я в грибах спать, – откликнулся Сява. – Что-нибудь оторвётся да и задавит.

– Так тут всё, что могло, уже отвалилось.

– Жёстко там.

– А мы травки подстелем.

– Нет уж, давай вот здесь. – Попрошайка потопал ногами возле заросшей сорняками железной громадины.

– Ну, давай.

– Глядите, что это? – Вася указала на небо.

– Вороны! – удивлённо выговорил Кнут.

– Какие такие вороны? – не поверил Сява. – Они же летать не умеют.

– А похожи, – заметил Культя, – только маленькие чего-то.

Птицы покружились ещё немного, и вся стая улетела в сторону юга.

– Наверное, это капиталистические вороны, – предположил Сява. – Голодные они поди, вот и летают ещё.

– Да, – поддержал попрошайку Культя. – Наши жирные, откормленные, им не то что летать, ходить лень...

Культя вскочил среди ночи.

– Ой, не могу, – стонал он.

– Что с тобой? – встревожился Сява.

– Ой, беда. Терпеть не могу. Сейчас кал сброшу.

– Вот незадача, – посочувствовал попрошайка с тихим злорадством в голосе.

Культя отбежал в сторонку, спустил штаны и, заскулив от горя и облегчения, опустошил кишечник на большой плоский камень. Потом долго смотрел на кучу, сокрушённо качая головой.

– Ай-я-яй! Как же это я так? Что же я завтра на рынке делать буду?

– Да, влип ты, товарищ, – сказал Сява. – Потщишь теперь в руках свое богатство.

Критик повздыхал, потом улёгся. Но заснуть боялся.

– Ну что ты всё крутишься? – не выдержал Сява через некоторое время.

– Волнуюсь я. Не спёр бы кто.

– Ну, сядь тогда и сторожи.

– Спать хочется.

– Тогда спи. Нет тут никого, кроме нас.

Задремали.

– Что это? – забеспокоился Культя.

– Что ещё?..

– Да гудит что-то, – критик приподнялся. Вскочил, замахал руками. – Мухи чёртовы. Сожрут ведь всё.

Некоторое время Культя сидел перед своей кучей, отгоняя голодных насекомых. Потом вспомнил про таз. Нашупал его в темноте, аккуратно накрыл кучку, застелив дырявое дно рубахой.

– Вот вам и таз, – сказал сам себе Культя.

Утром вокруг не выспавшегося от бдения и забот по охране своих сокровищ Культи собрались все товарищи коммунисты. Стали давать дельные советы:

– В руках пусть несёт, – сказал Сява. – Не такой уж этот Кал и противный.

– Раструсится много, – не одобрил совет Кнут.

– Можно было бы в тазу донести, – догадалась Вася.

– Таз-то дырявый.

– Так на ободке.

– Можно было бы, да раструсится.

– Да уж. Это от тыквочек такой жидковатый бывает. От мясной пищи, Кал добротный, густой, толстый, – высказался Сява с уверенностью знатока.

– Высушить его надо, – посоветовал вырубала. – Сухое легко донести. Хоть в руке, хоть в кармане.

– Ждать долго. По-о-ка он высохнет, – капризничал Культя. – Да и убудет много. Докажи им потом, что это полная порция.

– Ну и сиди тут со своим говном, – сказал Кнут. – Соображай.

– Кумекай, – поддакнул Сява. – Додумывайся. А мы пойдём..

Культя растерянно смотрел вслед уходящим товарищам. Потом быстро стянул рубаху, перекидал всё в неё, свернул узелком.

– Давно бы так, – порадовался Сява.

– Башковитый, – похвалил критика вырубала.

– Хочешь я понесу? – услужливо предложила Проня.

– Ишь чего захотела! – вознегодовал Культя. – Тебе доверься, потом всю жизнь жалеть будешь.

На городском рынке, вопреки ожиданиям, с продуктами оказалось, мягко говоря, не густо. Несколько типов, в огромных брезентовых кепках, торговали камешками и колючей травой. У остальных на прилавках лежала ореховая скорлупа.

– И это можно есть? – удивился критик.

– Зачем есть, дарагой. Ты лучше панюхай, как пахнет!

– Не понимаю. Где тыквочки, где картошки? Я должен покритиковать ваши продукты, чтобы вы боролись за повышение их питательных и вкусовых свойств, а у вас, нате – одна скорлупа.

– Да ты её критикуй, критикуй, дарагой, но только она всё равно хорошо пахнет.

– Да зачем мне ваша скорлупа? Я что зря свой Кал сюда тащил, зря рубаху мазал?

– Зачем кричишь, дарагой? Зачем привередничаешь? Зачем нам твой Кал? У нас своего девать некуда. У меня три бабы в норке живут. Две блондинки и один – брюнетка. Жрут за семерых. Кала от них столько, что уже весь колхоз завалили. У нас на этом Кале опарыши с палец толщиной вырастают. А вот

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
скорлупу девать некуда. Ты её покритикуй, а я с тобой расплачусь. Будешь нюхать, меня вспоминать, родню мою вспоминать, город наш вспоминать... Красносоп-сон-сор-цлвск. Вот, падла, никак не выговорить!

– Что ты мне зубы заговариваешь?! – взвился Культя. – Нет тыквочек, нет картошек – опарышей давай, раз они у вас жирные. Надо, кстати, на них ещё взглянуть, какие они жирные. Оценить, таковы ли они на самом деле.

– Опарышей мы на Партвзносы сдаём. Их в Хремль отвозят, а вот скорлупу...

– Звезды на вас нет! – вскричал Культя. – Где ваш Секретарь Парткома?

Кнут уже закатывал рукав. Сява стоял ошеломлённый и не соображал, что делать. Выпрашивать тут было нечего. Проня охотно демонстрировала сиськи чернявому с огромными ушами колхознику. Тот сиськи потрогал, но в расчет предложил всё ту же скорлупу, только покрупнее. Проня подавила кулаком скорлупки и стала расшатывать прилавок.

– Безобразие! – возмутился ушастый. – Труженики полей и огородов не могут спокойно работать! Заявляются тут бродяги всякие...

Кулак Кнута пришёлся чернявому прямо в глаз.

– Раз, – сосчитал Кнут. Плюнул и опять замахнулся.

На рынке гортанно загалдели. Из-за прилавков высыпали юркие сытые колхозники и быстро окружили пятерых путников.

– В Партком их! – раздавалось со всех сторон. – В Партком!

– В Партком! – закричали Кнут, Культя, Сява, Вася и Проня.

13

Очень толстый Секретарь, питающийся явно одними опарышами, вальяжно развалился в плетёном кресле, внимательно выслушал обе стороны.

– Так-так, – сказал он и стал думать.

Колхозники усмехались.

– Значит, ты, как критик, недоволен положением дел на рынке нашего славного Красно-сол-н-ц-в-с-ка? – спросил Секретарь у Культи.

– Ещё бы, конечно недоволен.

– А чем конкретно?

– Отсутствием наличия продуктов, пригодных для удовлетворения насущных потребностей.

– Для удовлетворения чьих потребностей? – спросил Секретарь вёдливо.

– Как это чьих? Моих и вот – ихних.

– А почему колхозники должны удовлетворять ваши потребности, коль им от вас ничего не надо?

– Да каждый Коммунист в нашей родной Коммуниции имеет право всё получать по потребностям! Или у вас здесь не коммунизм? – Культя грозно взглянул на Секретаря.

– Коммунизм. И каждому коммунисту воздаётся по потребностям.

– Так в чём дело?

– А ты коммунист разве?

– Я?! Да я... – Культя вырвал из кармана Партбилет, потряс им в воздухе.

– А-а-а! – радостно закричал Секретарь. – Этот проходимец раздобыл где-то

Партбилет и смеет называть себя Коммунистом. А сам даже не знает, что живём мы не в Коммуниции, а в Коммунизии. Он критикует наших славных тружеников, а сам скрывается от Партвзносов!

- Я никогда не скрывался! – возмутился Культя.
- Молчать! Где ты в последний раз отдавал Партвзносы?
- В Красноздравске.
- А мы все вчера сдавали. В честь досрочного переименования Родины.
- Мы бы тоже сдали, – растерялся Культя. – Но мы были в пустыне..
- Понятно. Скрывались от Партвзносов, – Секретарь брезгливо брызнул слюной.
- Лишить его Партбилета! – заорали местные.
- Именем Великого Кузьмича, именем родной Коммунизии, именем Святой Веры в Мировую Революцию я лишаю тебя Партбилета и звания Коммуниста.
- Заговор, – ошарашено лепетал Культя. – Вы здесь все сговорились.
- Немедленно сдай Партбилет!
- Уж лучше я умру, – прошептал критик.
- Этих тоже давай лишай! – орали колхозники. – Они все заодно!
- Шайка, – шипел Сява. – Банда. Мафия.
- Надо бежать, – Кнут придвинулся к критику. – Чуешь, чем пахнет?
- Чем? – не понял Культя и стал принимать.
- Сейчас нас всех здесь разжалуют в беспартийные, дурень, – зашипел Кнут.
- Нет, – охнул Культя. – Только не это.

Дрожащими руками он развязал узел на рубахе, выпрямился, шагнул к Секретарю и вlepил свой, никому здесь не нужный Кал, прямо в его бесстыжие глаза. Секретарь Парткома охнул, хотел вскочить, но пошатнулся и завалился на спину.

Кнут врезал кому-то в глаз, громко крикнув: «Раз!», Сява финтил, прыгал, юлил, вертелся, нырял и, в конце концов, вырвался на свободу, держа в руках чью-то вполне приличную рубаху и две огромные брезентовые кепки.

– Три! Четыре! Пять! – кричал вырубала, обрушивая кулаки направо и налево. За его спиной к выходу пробиралась Вася.

Проня била колхозников руками, локтями, головой, коленями, глушила их сиськами. Но самым сокрушительным оружием в её боевом арсенале оказался зад, двигая которым, она заваливала до десяти человек сразу.

Культя так хищно озирался, так яростно сверкал глазами, так злобно замахивался тазом, что к нему просто боялись приближаться.

Впереди всех нёсся Сява. За ним, чуть приотстав, мчался Культя. Кнут дышал ровно, но он тянул за руку Васю, которая совсем задышалась.

– Быстрее! – вскрикивал попрошайка. – Скорей! Если нас изловят, нам хана. Конец нам. Копец! А может, даже и писдец!

– Ой, не могу больше, – стонала Проня, сильно отставая.

Сзади всё ещё слышался топот колхозников, крики, клубилась пыль.

Друзья даже не подозревали, что бегут к границе, где вечно сонные добровольцы охраняли Священные Рубежи, а, вернее, огромную дыру в

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
проржавевшем Железном Занавесе.

Топот беглецов разбудил одного стража. Он приоткрыл глаз и тут же захлопнул: гоняться за кем-то в такую жару было лениво.

– Где это мы? – спросил запыхавшийся Культя.

– Куда это мы прибежали? – переводя дух, удивлялся попрошайка.

Кнут озадаченно озирался.

– Да мы... – бледнея и выкатывая от ужаса глаза, выговорил Культя, – кажется, у капиталистов!

Сява вздрогнул, Вася бессильно упала на землю, Кнут сжал кулаки.

– Пропали, – прошептал критик.

– Погибли, – выдохнул Сява. – Может, назад побежим?

– Точно. Бежим, – рванулся Культя, но тут же спохватился. – Нет-нет. Там нас сразу схватят. Не знаю, что лучше, быть беспартийным в Коммуна...

– ?!!!

– ... низии, или Коммунистом в логове врага.

– Цепи наденут, – в непритворном ужасе закатил глаза Сява. – Закут в кандалы. Замордуют.

– Давайте зароем Партбилеты, – предложил Культя. – Чтобы они не достались врагу. А то ведь отберут – глумиться будут. Над нашей святыней!

– Нет, – сказал Сява. – Ты зарывай, а я со своим не расстанусь. Хоть в огонь с ним отправлюсь, хоть в воду, хоть на эшафот взойду. – Попрошайка потуже затянул проволоку на животе, которой его партбилет крепился к телу.

– Выждать надо, осмотреться, и всё тщательно обдумать, – Культя перестал паниковать, собрав свои волю и ум в кулак.

– Правильно, – сразу согласился Сява. – Совершенно действительно. В такой ситуации никак нельзя принимать скоропалительных решений. Если вернёмся и попадём в лапы к этому продажному Секретарю, то нам, как честным Коммунистам, преданным Партии, Членам Политбюро и лично Великому Кузьмичу, просто стыдно будет носить это высокое звание. Стыдно и позорно! Не достойны мы будем этого звания. Тем более, что нас там быстренько его и лишат.

– Лучше буржуйские кандалы, чем позорная участь беспартийного, – заиграв желваками, процедил Кнут.

– А Проня-то где? – спохватилась Вася.

– Проня? – все переглянулись.

– Схватили нашу Проню, – погоревал Культя, с откровенной фальшью в голосе.

– Конец Проне.

– Эх, бедолага.

– Сильно много ела, тяжеловата была она для скоростного передвижения.

– А может, отговорится, отвертится, – с надеждой в голосе проговорил Сява.

– Может отборонится?

– Вряд ли.

– Да кто знает...

- Всякое бывает. Она баба боевая.
- Очень крутая баба.
- Да уж, – согласился Культя.
- Ладно, – остановил всех Сява. – Своё соболезнование мы ей выразили. А теперь почтим её память минутой молчания. На всякий случай.

Все застыли в скорбном безмолвии..

- А ведь мы можем вернуться, – вдруг сказал Культя.
- Как?
- Как это вот так?
- Как же?
- Пойдём вдоль границы. Сколько сможем и как можно дальше. Найдём в другом районе ещё одну дыру и рванём в Коммунизю.
- Там, где другой Секретарь, – догадался и обрадовался Сява.
- И на север, в свои края, – просиял Кнут.
- Молодец, – похвалила Вася.
- Умница, – одобрил Сява.
- Главное – бдительность, – предупредил Культя.
- Точно. Верно. Совершенно правильно, – согласился попрошайка. – С бдительностью мы нигде не пропадем. Бдительность – наше оружие. Мы с нашей бдительностью всем носы утрём. И буржуйам – кровопийцам, и Секретарям – жуликам.

12

Утром Сява осторожно, памятуя о бдительности, высунул голову из ямы, в которой беглецы заночевали.

- Обалдеть! – выдохнул попрошайка.
- Что там?
- Трава. Высоченная. Выше меня, выше тебя, выше неба!
- Да ну. Свистишь.
- Чтоб меня после смерти вороны не склевали.

Культя высунул лицо из ямы.

- Правда, – удивлённо протянул он. – Вот это да!..
- Быть такого не может!

Друзья выползли из ямы и стали с удивлением рассматривать дерево.

- Это не трава. Это, скорее, куст, – пригляделся Кнут. – Только почему он так вырос?
- И крепкий!
- И толстый!
- А это что?

На дереве висели крупные оранжевые плоды.

– Не трогай! – одёрнул попрошайку Культя. – Может это какие-нибудь капиталистические штучки. Съешь и заснёшь, например, а тебя тут же и сцапают.

– Мы спали, и никто нас не сцапал.

– Ну, попробуй. Испытай, если не боишься.

Попрошайка сорвал один апельсин. Все отошли. Приготовились бежать на всякий случай.

– Вроде как тыквочка. Но кожура не плотная – рыхлая, – комментировал свои наблюдения Сява, – а пахнет странно...

– Противно?

– Да нет. Резко, почти как бздюшки, но... приятно. – Сява осторожно кусил. Сок из кожуры брызнул ему в глаза. – Ай! – вскрикнул попрошайка, отбрасывая плод. – Ай-я-яй! Глаза выжгло. Ой-ё-ё!

– Я же предупреждал, – занервничал Культя. – Бежать надо!

Сява потёр веки, поморгал. Друзья застыли в тревожном ожидании.

– Не, не выжгло, целы мои глазоньки. Видят ещё малость, – Сява сквозь слёзы похлопал ресницами.

– А вкусный хоть? – спросил Кнут.

– Да горький, как полынь, – сплюнул попрошайка. – Но пахнет!..

– Скорлупа тоже хорошо пахнет, а есть нельзя. Не трогай эту гадость больше. Уходим скорее.

– Сматываемся. Рвём когти, – затараторил Сява, резко набирая скорость. – Драпаем.

Но далеко драпать не пришлось. Путь перегораживала высокая насыпь. Друзья попрыгали в подвернувшуюся на пути канаву. Культя нечаянно стукнул Сяву по спине тазом.

– А-а-а! Чтоб тебя вместе с твоим тазом грибом завалило! – зашипел попрошайка.

– Так ведь ценная ж вещь, – сказал Культя. – Разве бросишь?

– Примолкните, – оборвал товарищей Кнут. – А ещё лучше – заткнитесь.

Критик и попрошайка захлопнули рты, залегли и стали наблюдать. Тишина... Ни погони, никаких других происков.

– По-моему, там дорога из железа, – высказал предположение Культя.

– Похоже, – поддакнул Сява.

– Тогда бояться нечего, – сказал Кнут. – По железным дорогам никто не ходит. Неудобно. И откуда они только взялись, непонятно?..

Но тут послышался отдалённый шум. Он быстро нарастал, превращаясь в странный неслыханный грохот. Из-за ближайшего холма, со стороны капиталистов, выскочило неведомое существо на круглых ногах и прямо-таки невероятных размеров. Чудовище заскрежетало и остановилось. Что-то лязгнуло, существо порвалось пополам, после чего одна из половин помчалась туда, откуда и появилась. Послышался далёкий свист. Всё стихло.

Долго путники не могли решиться выбраться из укрытия. И только когда начало смеркаться, Кнут с Культей взобрались на насыпь и стали рассматривать вагон.

– Железо, – сказал Кнут с некоторым облегчением. Не ржавое.

– Написано что-то. Видишь буквы? – Культя провёл ладонью по надписи «Гуманитарная помощь». – А это, кажется, дверь. Как у ресторанов. Откроем?

– Ладно, ты отойди, а я отворю.

Дверь мягко отошла. Вырубала протянул руку и пошарил внутри.

– Что, что там?

– Не понимаю. Много их тут... – Кнут что-то схватил, протянул и вытащил из вагона большой мешок. Потом другой – поменьше.

Добычу отволокли в кусты. Вскрыли первый мешок. Он оказался наполненным... новенькими Партбилетами. Все дружно ахнули, а Вася даже вскрикнула. Билетов было много, очень много. Неимоверное количество, как тут же заметил Сява.

Кое-как справившись с шоком, друзья принялись их разглядывать, щупать и покусывать.

– Настоящие! – и верил, и не верил Культя.

– Наши, родные, – шептал Сява, в упоении капая слезами. – Краснокожие, драгоценные...

– Откуда они тут взялись? – недоумевал Кнут.

– Странно, очень странно, – мучительно соображал Культя. – Чудовище приползло от капиталистов. Значит, именно капиталисты привезли к границе Партбилеты. Так получается, что ли?

– Буржуйская провокация, – постановил Сява.

Все согласились.

– А откуда вообще берутся Партбилеты? – спросила Вася. – Их где-нибудь выращивают?

– Если бы они росли, то не были бы святыней, – одёрнул девицу Сява. – Их бы тогда на рынке предлагали. Как скорлупу.

– Секретари выдают Партбилеты, – сказал Культя.

– А они где берут? – не унималась Вася.

– Они их получают в Хремле у Членов Политбюро.

– А Члены Политбюро?

– Членам Политбюро их привозят Секретари.

– А они откуда берут?

– Вот глупая, – не выдержал Сява. – Да когда помрёт кто, или кого в безпартийные разжалуют, кому достаются все Партбилеты?

– А-а-а, понятно, – протянула Вася.

Вскрыли второй мешок. В нём лежали яркие и очень красивые коробки с... фантиками. В них было завернуто что-то белое, розовое, а иногда полосатое и даже разноцветное.

– Пахнет хорошо, как те тыквочки, которые чуть мне глаза не выжгли, – Сява отшвырнул незнакомые штучки подальше.

– Думаешь, опять происки? – Культя осторожно внюхивался в маленький брикетик.

– Очевидно.

– Отлично пахнет...

– В этом-то и заключена подлость. Пахнет вкусно, а съешь – и кранты.

– Не понимаю, зачем их было заворачивать в самые настоящие фантики, да ещё в такие красивые?

– Вот-вот, – Сява прищурил глаз. – Вот так-то и попадают простачки на их хитрости. На их гнусные приманки.

Кончиком языка Культя попробовал одну жвачку.

– Те тыквочки, говоришь, были горькие? – спросил он Сяву.

– Как полынь.

– А эти штуки – сладкие.

– Ври больше.

Культя полизал ещё.

– Очень сладкие. Слаще тыквочек.

– Тогда пробуй, раз уж рискнул, – подбодрил Культю Сява. – Если не погрёшь, и мы поедим.

Культя куснул краешек.

– Ну, как?

– Вкусно.

– Так ешь быстрее!

– Не торопи. Вкусно-то вкусно, но всё ж боязно.

– Да уж теперь без разницы. Если яд, всё одно – сдохнешь.

– Ты ж не сдох. – Культя засунул жвачку в рот.

Заметив, что ничего с критиком не приключается, Сява схватил несколько коробок и попытался спрятать.

– Вот, гад. Другие рисковали, а он все себе, – возмутился Культя.

– Делим – поровну! – рявкнул на попрошайку Кнут и вырвал коробки.

Последнюю жвачку раскусили на четверых.

– А Культе на одну больше досталось! – вдруг сообразил попрошайка.

– Ну и что, – рассердился Кнут. – Он жизнью рисковал!..

– Я тоже рисковал, и мне ничего за это не обломилось.

– Вот жадюга! – возмутилась Вася. – Тебе и этого не съесть будет. Да ещё столько фантиков хапнул!

– Это я-то хапнул?! – подскочил Сява. – Да кто вас сюда привёл?

– К капиталистам? За кордон? – вкрадчиво спросил Культя и подмигнул Кнуту.

– А, действительно, кто? – вскинул голову вырубала.

Сява перестал трепыхаться и быстренько набил жвачками рот.

– Вот это еда! – восхитился он.

Через некоторое время на лицо Сявы напоззло озадаченное выражение.

– Странная еда. Жуешь её, жуешь, а она не кончается.

– Пожалуй, – согласился Кнут. Он вытащил ком из-за щеки, осмотрел его внимательно, снова запихал в рот и принялся разжёвывать.

– И тянется, – заметил Культя. – Ух, ты!..

– Какая-то эта еда ненастоящая, – определил Сява. – Хотя и вкусная.

– Уже невкусная, – подала голос Вася.

– И, правда! – удивился Культя. – Сначала была вкусная, а теперь невкусная. Как это так?

– Видимо, это еда для ихних рабочих, – смекнул Сява. – Сперва вроде бы вкусная, и очень даже её хочется кушать, а начнёшь есть – не кончается. Они её жуют, жуют и никак съесть не могут. Не еда, в общем, а видимость. Иллюзия. Подлый обман зрения и чувств.

– Ох уж эти капиталюги, – покачал головой Кнут. – Вот бестии, кулак им в глаз.

– Ну, ничего, – сказал Сява. – Не на тех напали. Мы всё-таки не дураки, не остолопы. Не съедается она – чёрт с ней. Мы её возьмем и проглотим.

Все остальные глотать еду побоялись. Выплюнули и подсели к мешку с Партбилетами.

– Что делать-то с ними будем? – спрашивал всех Сява, ужасно волнуясь.

Друзья озадаченно переглядывались. Все понимали, что подобным богатством можно распорядиться очень толково. Любой в Коммунизии выложил бы за второй Партбилет всё, что у него имеется, чтобы подстраховаться на чёрный день. Случались периоды, когда Секретари жутко лютовали и лишали товарищей Коммунистов их высокого звания ни за что, ни про что. Но хотя и самих беглецов ещё совсем недавно чуть было не свергли в пучину беспартийности, никто не осмелился предложить присвоить эту кучу Партбилетов. Посягнуть на права вождей, ведающих судьбами граждан Коммунизии, любой рядовой Коммунист считал nepoзвoлитeльным.

Заметив, с каким вожделием его товарищи смотрят на всю эту грудку, как мучается от противоречий Сява, Культя собрался с духом и, начав несколько издали, произнес следующее:

– А ведь мы можем хоть сейчас вернуться на Родину.

Товарищи уставились на критика.

– Как это, как это? – оживился попрошайка.

– Каждый из нас возьмёт себе по одному Партбилету...

– Да можно ли такое? – усомнился Сява фальшиво.

– Второй Партбилет потребуется на тот случай, если мы опять попадёмся тому продажному Секретарю. Разжалует он нас – отдадим ему эти буржуйские подделки, а свои Партбилеты сохраним.

– А точно, – восхитился Сява. – Сохраним. Для ратных дел. Во имя торжества Коммунизма!

– Правильное решение, – согласился Кнут.

– Берём только по одному, – строго предупредил Сява, запуская руку в мешок. Его пальцы нащупали почему-то парочку, стиснули посильнее и никак не могли разомкнуться. Быстрым движением попрошайка сунул Партбилеты за рубаху и стал заправлять их за проволоку.

Культя тут же усёк неладное и строго потребовал:

– А ну, покажи, сколько ты взял!

Отпираться было бесполезно, к тому же и Кнут напрягся, сморщив лоб в

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
вопросительно-бдительной гримасе.

– Второй Проне отдам, если у неё отобрали, – зашипел Сява. – Вы что, про Проню забыли? Проне тоже Партбилет нужен.

– Нет уж, нет, – запротестовал Культя. – Пусть походит без Партбилета. Пусть подавится своими потребностями. Пусть травки поест, а не моих тыквочек.

– Так мы с неё клятву возьмём, чтоб от тебя отстала. Слово Партийное.

– Какое слово, если она будет без корочек?

– Да, проблема, – произнёс Сява. – Тут надо долго думать...

– О Проне потом подумаем, – перебил попрошайку Кнут. – Сейчас надо о себе позаботиться. – Вырубала протянул один билет Васе, второй Культе, третий сунул в карман, схватил мешок и потащил к вагону.

11

Про утаённый попрошайкой документ все забыли, и, чтобы отвлечь друзей ещё больше, Сява принялся пересчитывать доставшиеся ему фантики. Считал он и так, и этак, но у него ничего не получалось, потому что не хватало конечностей на теле, чтобы соизмерить их заведомо известное количество со свалившимся, как снег на голову, богатством. Попрошайка задействовал для счёта и пятки, и коленки, и плечи с локтями, всё равно фантиков получалось больше. Тогда он прибегнул к хитрости – разложил фантики в кучки по десять штук.

– Четыре раза по десять и ещё три штуки, – с гордостью сообщил Сява своим товарищам.

Все уважительно покачали головами, но, сколько это, представить всё равно не могли. Мозг отказывался воспринимать такое огромное количество чего-то полезного.

Теперь предстояло обсудить вопрос: когда и каким путём целесообразнее возвращаться в свою драгоценную Коммунизму?

Культя предлагал идти немедленно. Сява призывал к тщательным раздумьям и осторожности в решении столь ответственного вопроса. Кнут тоже не торопился, надеясь ещё чего-нибудь оттяпать у капиталистов и, главное, набить хотя бы одну буржуйскую морду, чтобы неповадно было той сомневаться впредь в великом преимуществе коммунизма перед эксплуататорской системой. Вася тихо попискивала, поддакивая то одному, то другому оратору.

– Тихо! – оборвал всех Сява. Насторожился, вытянул шею. Со стороны коммунизии кто-то приближался.

– Да это же Секретарь тот самый, шкура продажная, – обалдело выговорил Культя.

Толстяк топал по шпалам. За ним – здоровенный мужик с дубиной у пояса, по виду явный пограничник, толкал перед собой по ржавым рельсам огромную четырёхколёсную тележку. Они подошли к вагону, распахнули дверь, и мужчина перебрал мешки в свой транспорт. Потом Секретарь самолично влез в вагон, долго там шарил, ругался, но вылез довольный, держа в руках толстую фигурную бутылку. Он торопливо отвинтил колпачок, глотнул несколько раз.

– Хороша, зараза, – выдохнул восхищённо.

Пограничник зачарованно наблюдал за убывающей жидкостью и даже весь выгнулся от желания попробовать.

– Это они для меня оставляют, – поважничал Секретарь. – Не знаю уж, как и догадались. На, глотни пару раз во славу Партии.

– Ах, забирает! – передёрнулся мужик. – Лучше пива.

– Это виски, – пояснил толстяк. Он допил жидкость и бросил бутылку в вагон.

- Нельзя её с собой брать. Члены не одобряют контактов с заграницей.
 - А Партбилеты?
 - Так это же гу-му-ню-тар-ка. Её буржуи обязаны нам регулярно присылать.
 - Зачем им это?
 - Партбилеты, как бы мы их не оберегали, изнашиваются. Требуют, так сказать, замены. Вот поганые буржуи и откупаются. Из страха перед Красной Кнопкой. Крепко они её боятся. А ещё наших великих идей боятся.
 - Да-а-а...
 - Шибко боятся. А ну, как и у них, народ сбросит ярмо и тоже начнёт строить Коммунизм!
 - Да-а-а...
 - Вот тебе и да-а-а. Послезавтра повезу в Хремль Партвзносы, а то протухнут скоро, да мешки эти с Партбилетами, – хочешь, тебя с собой возьму?
 - Да-а-а...
- Тележка стала удаляться. Секретарь сильно качался. Грохнулся, встал и запел: «Широка страна»...
- «Моя родная», – подхватил пограничник.
 - «Много в ней лесов, полей и рек»...
 - Что такое лесов? – спросила Вася.
 - Пней, значит. Раньше их почему-то леса называли.
-
- Ну и ну. Вот так-так. Вот тебе и на-а-а, – талдычил Сява, потрясённый явлением Секретаря. Он повторял бесчисленное количество разных междометий, которые никак не складывались в какую-нибудь вразумительную мысль.
 - Значит, Партбилеты нам буржуи присылают? – озадачился Культя. – А я-то всё думал, что это за предмет такой удивительный – Партбилет. А вот оно, значит, как...
 - Вот как оно того, поди, – подтвердил Сява. – Поди оно того и так... Вот.
 - Того не того, – вклинился в разговор Кнут. – Нам всё это без разницы. Нам надо бы о возвращении договориться. О точном времени.
 - Вот-вот, совегшенно пгавильно, – Сява очнулся от наваждения и заговорил каким-то не своим голосом. – Пгавильно и своевгеменно заостгяете вопгос, товагищ. Это для нас сейчас наиговнейшая задача. Насущная и можно даже подчегкнуть, безотлагательная. У кого веские сообгажения по затгонутому вопгосу?
 - Назад лучше всего идти послезавтра, – сказал Культя. – Послезавтра Секретарь этот покатит телегу в Хремль, а потому возвращаться будет не так опасно. Хоть и есть у нас по запасному Партбилету, но лучше обойтись без эксцессов.
 - Что же, – заговорил Сява уже нормальным голосом. – Соображения резонные. Но что будем делать завтра? Так и просидим весь день без еды? Учтите, в Красносолс... сорс... сонс... в общем, там нас вряд ли покормят.
 - У нас ещё эти штуки остались, – напомнила Вася.
 - От этих штук одни слюни, – фыркнул Сява. – Вот я хоть и проглотил их, а как хотел есть, так и не перестал. Никакой сытости.
 - И в животе урчание, – добавил Культя.

– Это у тебя вечные с животом проблемы, – посмеялся попрошайка. – Тебе и пукнуть боязно, как бы не обмишуриться. – Сява горделиво натужился и дал звук. В его штанах странно загудело и как будто что-то лопнуло. – Ой! – перепугался попрошайка. – Что это? Что это такое? – Он ощупал себя и прямо весь скорчился от страха. – Штаны к жопе прилипли, – прошептал испуганно.

– Снимай! – сказал Кнут.

Попрошайка быстро развязал тесемки и выставил зад на экспертизу.

– Что? что там? Не томите!

– Непонятное что-то, – озадаченно произнес Культя. – Не мог бы ты еще раз...

Попрошайка натужился... Большой розовый шар надулся меж Сявиных ягодичек и с резким хлопком взорвался.

– Кишка лопнула, – ужаснулся Культя.

– Нет, не кишка это, – присмотрелся Кнут. – Это, кажется, то, что мы ели.

– Да? – обрадовался Сява. – Он оторвал кусочек и стал рассматривать. – Точно. Та самая буржуйская еда. Только пахнет уже не так. Со-о-всем не так...

– А на вкус? – спросил Культя.

Утром четверо путешественников опять заговорили о возвращении. Сява предлагал немедленно бежать в Коммунизму, а там уж, как Кузмич на душу положит. Главное – подальше от вражьих происков.

Культя согласно кивал.

Кнут настаивал на внезапном внедрении в логово капиталистов, экспроприации некоторого количества продовольствия и быстрого отступления в родные пенаты.

– Да, едой, конечно, неплохо бы запастись, – не очень решительно согласился Культя. – До наших краёв идти далеко... А ведь это ты нас на юг заманил, – критик зло толкнул попрошайку в бок. – Сидим тут теперь у капиталистов, трясемься, того и гляди схватят...

– Я не трясусь, – заговорил Сява. – Я, если надо, как дам стрекача – ни один буржуй не догонит. Они – буржуи-то все толстые, сидят, небось, целыми днями на своих мешках с фантиками и крыс жирных трескают, чтоб им лопнуть всем от обжорства.

– Они-то сидят, и будут сидеть. За тобой прислужники их погонят. Эти, за пару фантиков, кого хочешь догонят.

– Не догонят, – расхвастался Сява. – Меня ещё никто не догонял.

– Вот тогда иди и добывай еду, раз ты такой приткий. А мы тут подождём.

– И пойду. Наемся и как дам стрекача. До самого Хремля добегу. И не остановлюсь ни разу. И оглядываться не буду. А вы сидите тут и ждите, пока вас в цепи закуют и начнут измываться.

– Надо всем вместе идти, – решил Кнут. – Украдём что-нибудь и бегом.

– Да, вместе легче воровать, – поддакнул Сява. – Одни едят, другие на стреме.

– Значит, углубляемся в логово? – спросил Культя, всё ещё робея, но уже и с некоторой долей решимости.

– Значит, да, – кивнул Кнут. – Местность тут безлюдная, холмистая...

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
Крадучись, ползком, мелкими перебежками друзья приблизились к большой зелёной плантации.

– Что это за дрянь? – спросил попрошайка, пережёвывая какие-то семена.

– Может, надо корни есть?

Культия стал копать.

– Нет, их и не разжевать даже.

– Может листья?

– Фу!..

– Эй, – крикнул кто-то.

Сява замер с листом во рту. Над ним стоял человек. В коротких штанах и цветастой футболке. Мужчина. Светловолосый. Молодой.

– Как дела? – спросил он.

– Так себе, – ответил Сява.

– Голодный?

– Ага, – не растерялся попрошайка.

– Оттуда? – человек кивнул в сторону Коммунизии.

– Оттуда, братец.

Человек усмехнулся, кинул Сяве два апельсина и пошёл вдоль поля.

– Ишь, щедрый какой, – буркнул попрошайка. – Сам бы эту дрянь хавал.

– Да он, дело ясное, из бедных, – заступился за прохожего Культия. – Видишь, как одет? Босой. Штаны короткие. Рубаха без рукавов.

– Да, трудна тут жизнь у простого народа, если они такие горькие тыквочки едят, – вздохнул Сява.

– Это не тыквочки.

– Тем хуже...

– Да...

– А этот тип нас не выдаст? Кинул нам эти штуки, бдительность усыпить, а сам бегом к капиталистам, чтобы выслужиться.

– Кто его знает... Холуи буржуйские здесь, надо полагать, на каждом шагу околачиваются.

– Тогда уходим.

На другом поле, засеянном кормовой свеклой, ботва оказалась почти съедобной.

– У нас такое не выращивают. Наше вкуснее, – прошамкал Сява.

– Будут капиталисты свой народ тыквочками кормить. Сами, небось, жрут, каналы. А народу вот те жёлтые, да эти зелёные.

– Как бы там ни было, а надо настоящие продукты искать, – сказал Сява. – Листья с собой бесполезно брать. Скукожатся. Засохнут.

– Эх, крыс бы копчёных...

– Или ворон жареных...

– Опарышей бы...

– Ага, размечтались, – зlobненько сощурился попрошайка. – Раскатали губищи. Действовать надо, а не разглагольствовать. Есть же тут где-нибудь поле с картошками или тыквочками. Надо его найти. Загрузиться и драпать изо всех сил что есть мочи.

Культю знобило, и он готов был драпать хоть сейчас.

– действуем! – скомандовал Сява.

Проползли немного, потом ещё.

– Глядите, дорога. А вон гриб. Новый. Не развалившийся.

– А почему у нас грибы новые не растут?

– А кому они нужны? Чем новее гриб, тем опаснее. Всё в них обваливается, рушится. Старые грибы лучше, безопаснее.

– да, в новый гриб я бы и шагу не ступил. Треснет камнем по башке – и капут.

– А гляди-ка, вон там, кажется, город.

– Плохо видно, далековато, но точно, город.

– В город нельзя идти, – предостерег Культя. – Там-то нас уж точно сцапают.

– Сами знаем, не маленькие, – отрезал Сява таким тоном, как будто он руководитель операции. – А вот для ориентировки следовало бы как-то этот город назвать. Например...

– Можно назвать его Красноплюйск, – предложил Кнут.

– Ты что! Нельзя использовать наше гордое название «Красно» для помечивания вражеской территории, – замахал руками Культя.

– Конечно, никак нельзя, – поддакнул Сява. – Пусть будет Белоплюйск или Черно...

– Еще лучше Грязноплюйск, – предложил Культя.

– Или Тухлоплюйск. А можно – Рвотноблюйск, – затрещал Сява. – А еще...

– Ну, понесло... – оборвал попрошайку Кнут.

– Да ладно, как хотите, но только не «Красно...». Я, как член Партии, категорически возражаю.

– Значит, будет Грязноплюйск, – сказал Кнут.

– А чем Тухлоплюйск хуже? – опять заартачился Сява.

– Хорошо, назовем его Тухлоплюйск, – согласился Кнут и посмотрел на Культя.
– Ты не возражаешь?

– Да, ладно, пускай, иначе ведь не отвяжется...

Сява приложил ладонь к бровям.

– Эй, смотрите – чудовище!

По неширокой просёлочной дороге в сторону города двигался автомобиль.

– Железный таракан!

– У нас такие тоже есть. Я видел.

– Есть, но наши все дохлые.

- А тут живой.
 - С ума сойти можно. Как тут только люди живут? Ужас!
- Беглецы дружно начали звездиться.
- Слава Кузьмичу за нашу жизнь.
 - Счастливую.
 - Безбедную.
 - Безопасную.
 - Слава Политбюро!
 - Слава Партии!
 - Слава Коммунизму!
 - Гляди, из гриба люди выходят.
 - Одеты бедно.
 - Как это они в такой одежде ухитряются спать? Зароешься в мусор, поколешься весь, исцарапаешься...
 - И холодно. Ноги и руки-то – голые.
 - Да-а-а. Жуткая страна.
 - Надо бы к этому грибу подобраться поближе, – предложил Сява. – Может, там есть чего украсть? Только двигаться будем парами. Если одних схватят, другие сразу на помощь.
- Кнут согласно кивнул.
- Культия с Сявой, пригибаясь к земле, перебежками бросились вперёд. От куста к кусту. От кочки к кочке.
- Замри! – зашипел Сява.
- На небольшой круглой поляне отдыхали мужчина, женщина и двое детей.
- Что они едят? – недоумевал Культия. – Они что, с ума все походили?
 - Да просто продукты у них ненастоящие. Какие-то суррогаты.
- Один из малышей с яркой жестяной баночкой в руках подбежал к кусту, за которым прятались коммунисты. Поставил баночку на землю, посадил на неё резиновую крысу. Что-то залопотал и побежал назад к родителям. Взял мячик. Вернулся... Баночка с крысой исчезли.
- Культия и Сява неслись во весь опор. Залегли. Попрошайка с остервенением вонзил зубы в игрушку.
- Мне оставь, – затрясся Культия.
- С огромным трудом Сява оторвал от крысы кусочек.
- Не жуётся что-то, – прошамкал он.
 - Дай, дай! – критик вырвал игрушку из рук товарища. – Помаленьку надо, помаленьку. А ты отхватил кусище, вот и не жуётся.
 - Вяленая какая-то, – посетовал попрошайка. – И совсем не вкусная. Пресная, сухая.
 - Ясное дело – сухая. Сочных капиталисты сами жрут.
 - Чем это вы тут лакомитесь? – Кнут и Вася поспешили на чавкающие звуки. Но

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
от крысы остался один лишь хвост. С сожалением Сява уступил угощение опоздавшей к пиршеству парочке.

– А это у вас что? – Кнут уставился на баночку.

– Вода, кажется. Слышишь, плещется?

– Как же они её туда налили? – Культя повертел баночку в руках.

Сява с видом знатока отобрал жестянку, прищурив глаз, осмотрел её, заметил колечко, потянул...

– Ух, ты! – воскликнули все. По очереди понюхали.

– Чудно пахнет...

– Здесь все чудно пахнет...

Попрошайка глотнул. Газ шибанул ему в нос. Из глаз брызнули слёзы. Сява выронил банку и начал бешено сплёвывать.

Культя поднял жестянку, кончиком языка попробовал жидкость.

– Жётся, – отдёргнулся он. Помочил палец, осмотрел его внимательно и сделал компетентное заключение. – Тухлая вода, ржавая. От такой заболеть можно.

– Надо же, чем капиталисты свой народ поят, – покачал головой Сява. – И ведь пьют, привыкли. Приспособились. Притерпелись.

– Нет, нам к такому никогда не привыкнуть, – сказал Культя. – В нашей родной Коммунизии никто такого не ест и не пьёт.

– Точно.

– Ага.

– Факт.

Друзья с патриотическим восторгом посмотрели друг на друга. Гордость за свою страну переполнила их сердца.

– Может, споем? – предложил сентиментальный Культя.

– Споем, друг, но позже, – сказал Сява. – А сейчас обсудим со всей серьёзностью сложившуюся ситуацию. Продуктов, пригодных к употреблению, мы пока не обнаружили. Ввиду этих чрезвычайных обстоятельств нам следовало бы посоветоваться...

– Открываем Партсобрание, – сухим голосом произнёс Культя. – Слово для доклада предоставляется Коммунисту попрошайке Сяве.

– Товарищи! Мы попали в тяжёлое положение. С партийной прямоотой скажу вам – в хреновое. В дерьмовое. В паску...

– Короче!

– Буду краток. Здесь все живут по волчьим законам. Капиталисты кушают тыквочки, картошки, опарышей и, надо полагать, крыс, а простой народ питается чёрт знает каким дерьмом. Барахлом. Гадостью. Дрянью...

– Короче!

– Короче не могу. Меня душит ненависть к угнетателям. Простите меня, товарищи. – Сява проглотил комок, подступивший к горлу.

– Всё равно не трепись, – буркнул Кнут. – Времени у нас на трёп нет.

Попрошайка гневно сверкнул глазами.

– И в этот ответственный момент мы все, как один, должны сплотиться вокруг любимой Партии, гордо держать Знамя Кузьмича и доказать проклятым

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
буржуинам, что горячее сердце Коммуниста... – Сява закатил глаза. – Стучит, как пламенный мотор!

– Что такое Знамя? – спросила Вася.

– Не знаю! Но так говорят все Секретари. Это хорошее слово.

– А что такое мотор?

Кнут досадливо отмахнулся.

– А наш взор, – Сява стёр пот со лба, – устремлён в будущее, в светлое, лучезарное будущее! Долой угнетателей! Да здравствует Коммунизм!

В едином порыве друзья пятикратно перезвездилась и... не выдержали – запели. Сначала громко, но, уловив испуганные взгляды друг друга, всё тише и тише: «Вставай, проклятьем заклеймённый, весь мир голодных и рабов...»

9

А в это время беззаботные «капиталисты» спокойно отдыхали. Пили соки, ели апельсины, смеялись, играли с детьми. Никто не замечал, что совсем рядом, на заросшей акациями поляне скверика, четверо коммунистов готовы хоть сейчас совершить ещё одну революцию.

– Переходим к прениям. Кто хочет выступить?

Кнут поднял руку.

– Слово предоставляется Коммунисту Кнуту.

– Я не умею говорить красиво, поэтому скажу прямо: давайте поймаем какого-нибудь буржуя и бах! бах! ему по морде...

– А если перепутаем? – засомневался Культя. – Если честного труженика отдубасим?

– Не спутаем, – уверил Кнут. – Как увидим кого в хорошей одежде, значит – капиталист.

– Рискованное мероприятие, – не согласился критик.

– К тому же у нас маловато сил, – вставила своё мнение Вася. – Единственное оружие – Культин таз.

– И Слово Правды, – добавил Сява. – Нашего Слова Правды капиталисты больше всего бояться.

– Кто ещё хочет выступить? – спросил критик и сам поднял руку.

– Слово предоставляется Коммунисту Культе, – сказал Культя, набирая в лёгкие побольше воздуха и выстраивая на лице заклётое выражение. Поиграв желваками и выдержав соответствующую историческому моменту паузу, критик произнёс следующую речь:

– Больно и горько смотреть ни беспросветно убогую жизнь местного народонаселения, корчащегося в адских муках под тяжёлой пятой эксплуататоров. Мы родились в свободной стране и, если тутошний народ по рабски смирился со столь вопиющими условиями жизни, – Культя скрипнул зубами, – то каково же нам, жителям процветающей Коммунизии, созерцать и вкушать всё это? Тяжкое бремя легло на наши плечи. Видеть все эти безобразия и не помочь простому народу, что может быть горше?.. Судьба забросила нас в буржуйскую цитадель, и мы просто обязаны раскрыть глаза здешнему населению на их жалкую долю угнетённых и униженных, рассказать им о славной Коммунизии, где все равны, где все люди живут по принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Наши предки, первые Коммунисты-Большевики, много веков назад совершили Великую Революцию, уничтожили класс эксплуататоров, и мы тоже, как истинные патриоты Отчизны, должны воспользоваться представившейся возможностью...

Кнут захлопал в ладоши. Сява впился в товарища преданными, полными

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
восхищения глазами.

Культия с ужасом приметил, что в своей речи его занесло не в то русло, но с ещё большим ужасом осознал, что ничего не может с собой поделаться, и продолжал так же громогласно:

– Мы можем погибнуть в застенках! – пафос Культи перешёл в завывания. – Но лучезарная искра свободы, зажжённая нами в сердцах простых тружеников, не погаснет. Я верю в это. Вперёд, товарищи!

Четверо оборванцев выскочили из кустов и понеслись к зданию, которое они приняли за гриб.

Сява забрался на скамейку и заголосил:

– Товарищи! Капиталисты строят своё благополучие на крови, костях и поту рабочего класса. У нас в Коммунизии любой человек, даже с совсем пустяковыми способностями – вот вроде его, – Сява ткнул пальцем в сторону Кнута, – ежедневно питается тыквочками и картошками, а если постарается, то и крысами, и опарышами. А в вашем Тухлоплойске крыс и опарышей жрут только капиталисты. Народ же приучен есть эти мерзкие жёлтые плоды, да еду, которая не съедается... Мы сочувствуем вашей горькой участи, товарищи. Наши сердца разрываются от сострадания, и мы призываем вас: встаньте с колен, распрямите гордо плечи и раздавите эксплуататоров, как проклятых гадин. Смерть буржуям! Свободу трудовому народу! Вставай, страна огромная!.. – Попрошайка с отчаяньем вспомнил, что дальше слов не знает, однако вспыхнула надежда, что вот сейчас все собравшиеся у гриба подхватят песню и понесутся отбирать у буржуев их мешки с фантиками и копчёных крыс.

Собравшиеся почему-то начали смеяться. Одни не спеша подходили, другие уходили, некоторые посматривали на коммунистов с усмешкой, кое-кто строил гримасы похожие то ли на жалость, то ли на презрение.

Кнут не выдержал.

– Буржуйские прихвостни! – заорал вырубала, обводя налитыми кровью глазами толпу. – Мы освободим труженников от кровавых цепей капитализма! Он схватил одного, одетого, с его точки зрения, наиболее добротнo – в рабочий комбинезон, притянул к себе и грозно прошипел:

– Что, страшно, буржуйская морда?

Человек смотрел на Кнута, как на ненормального и ничего не понимал.

– Сколько людей ты, тварь, уморил голодом? Сколько сгубил в каменных застенках? – грозно вопрошал Кнут. – Признавайся сейчас же, капиталистическая сволочь! Буржуй проклятый.

– Кто такой буржуй?

– Не придуривайся. У тебя есть частная собственность?

– Есть.

– Ага! – вскрикнул Кнут. Он плюнул на кулак и врезал эксплуататору прямо в глаз.

Толпа возмущенно загудела.

– Раз, – сосчитал вырубала, замахнулся снова, чтобы дать и в ухо, но тут же оказался на земле. Над ним стоял здоровенный парень в голубой рубашке с раскрашенной железкой на груди.

Двое товарищей с воем прыгнули на врага, опрокинувшего их боевого соратника. Что-то долбануло Сяву по спине, он охнул; Культия просвистел ногами по воздуху и шлёпнулся на попрошайку. Щёлкнул металл, критик дёрнулся и вдруг увидел на своих запястьях наручники.

– Заковали, – горестно всхлипнул Культия.

Толпа стала расходиться. Никому и в голову не пришло, что молодой

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
полицейский только что предотвратил ещё одну Великую Революцию.

Коммунистов погрузили в огромный железный ящик и доставили в город, который сплошь состоял из новеньких разноцветных грибов. Четверых беглецов, несмотря на их отчаянное сопротивление, втащили в один из таких грибов и отвели в камеру.

– Ну, всё, – захохот Сява. – Так я и знал. В гриб замуровали. Чтобы нас тут задавило.

– Да вроде бы, этот прочный, – присмотрелся к потолку Культя.

– А это? – Сява ткнул пальцем в сторону лампочки. – Видишь, на какой тонкой проволоке висит?

– Да такая штука, если и отвалится, не задавит.

– Не скажи, – не согласился Сява. – У этих буржуйских выродков всё возможно. Я здесь ничему не верю.

Друзья притихли и стали прислушиваться к чуждым, непривычным для слуха звукам. Кнут подошёл к решётчатой двери, потряс её.

– Крепкая, – сказал вырубала. – Такую не высадишь. Присмотрелся к толстым прутьям и вздохнул. – Это сколько крючков можно было бы сделать, чтобы в мусоре копаться, а они из такой ценности застенки сотворили...

Вскоре явился ещё один капиталистический прислужник. В белой рубашке без рукавов и в таких же никудышных коротких штанах. Он хотел что-то сказать, но увидел Культин таз, который тот не выпустил из рук даже во время драки, и стал поглядывать на сей предмет с удивлением и опаской. Культя тут же спрятал таз за спину, человек словно очнулся и с плохо скрываемой ухмылкой проговорил:

– Идёмте! Начальство желает на вас посмотреть.

Друзей привели в большую комнату с несколькими столами. За одним из них сидел мужчина и пил чёрную воду из белой кружки.

– Присаживайтесь, – вежливо предложил хозяин комнаты.

Беглецы осторожно расселись на полу. Каждый старался выбрать место, чтобы над его головой ничего не висело.

– Бить будете? – спросил Сява.

– Обещайте больше не драться, и мы даже снимем с вас наручники.

– Кандалы? – не поверил Сява. – Оковы?

– Обещаете?

Друзья переглянулись. Судя по каменному лицу вырубалы, он явно не обещал.

– Надо соглашаться, – очень тихо прошептал ему попрошайка. – Легче будет удрать.

– Обещаем, – кивнул Кнут.

Все дали честное партийное слово.

– Хорошо, я вам верю, – сказал человек, щёлкнул пальцами и прислужник, тот, который привёл их сюда, снял наручники с запястий беглецов.

– Вы жить у нас собираетесь или назад в Коммунякию? – спросил начальник безмятежно.

Коммунисты побагровели. Кнут скрипнул мускулами, Культя привстал. Прислужник за их спинами шумно зашевелился, громыхнул своими железьяками, чтобы вовремя обуздать вырубалу и критика, который благодаря тазу, чувствовал себя здесь весьма уверенно.

– Оскорбляете? – с презрением спросил Сява. Драться он больше не собирался, но лицом очень негодовал.

– А что, уже переименовали? – иронично удивился начальник. – Тогда извините, ради Кузьмича.

– Не оскверняй имя Кузьмича своим поганым ртом, – прошипел Культя и замахнулся тазом.

– Отберите у него эту железяку! – приказал хозяин прислужников.

– Попробуйте только! – Критик встал в боевую позу. – Это вы в своем Тухлоплюйске можете беззастенчиво грабить трудовой народ. С Коммунистами у вас такое не выйдет!

– Что-что?.. – Начальник хрюкнул, подавился своей чёрной водой и открыл рот от изумления. – Как ты ска...

– А никак! – Культя ещё повысил голос. – Я сказал – не выйдет! Вам никогда не сломить истинного Коммуниста. Никакие застенки не порушат нашей святой веры в победу! Да здравствует Мировая Революция! Да здравствует Великий Кузьмич!

– Ладно, мир, мир. Не трогайте его. Но будешь драться – отберём.

Культя вновь уселся, но в полной боевой готовности, так, чтобы видеть всех своих врагов.

– Вот нажмут наши Члены на Красную Кнопку, – подал голос Кнут. – Будете тут все летать кверху тормашками. Только трудовой народ жалко. Поэтому мы и терпим ваши бесчинства.

– Кнопку? – как-то радостно, но нервно хмыкнул главный. – Так она у вас давно заржавела.

– Не бойся, не заржавела, – подал голос Сява. – Такое только у вас может приключиться. В вашем гниющем обществе. Это у вас она заржавела, а мы свою регулярно крысиным салом смазываем.

Начальник перестал улыбаться, устало поправил волосы, отхлебнул из кружки и сказал сухим спокойным голосом:

– К границе отвезём вас в фургоне. Обеспечим продуктами на несколько дней. Если хотите погостить – обязаны пройти дезинфекцию. Всё. Уберите этих говнюков отсюда! И отправьте с ними того придурка, который в хрустальные вазы гадил.

Прислужник с готовностью вскочил. Начальник поднял со стола какую-то штуку, приложил к уху и спросил что-то непонятное.

– Попридержи их пока здесь, – крикнул он своему подчинённому. – Сейчас нет ни одного свободного автомобиля.

– На выход! – скомандовал прихвостень и открыл одну из дверей.

Решив, что их опять засунут в каземат, беглецы дружно запротестовали.

– Да не камера это, а комната для гостей, – пояснил начальник.

8

В новом помещении Сяву сразу напугала огромная люстра, угрожающе свисавшая с потолка.

– Вот эта уж точно задавит, – боязливо косясь, попрошайка обошёл опасный участок вдоль стенки.

В комнате стоял стол и несколько мягких кресел, застеленных белой тканью. Окно было заделано крепкой стальной решёткой.

– Вот на что у них идёт народное достояние, – Кнут пальцем указал на решётку.

Не успели друзья привыкнуть к новой обстановке, как в комнату втолкнули взлохмаченного мужика, по своему виду и повадкам явного их земляка – гражданина славной Коммунизии товарища Бяку. Мужичок цепко оглядел беглецов, разинул рот в глупой улыбке и бросился всех обнимать, трясясь от возбуждения и неся полную окоlescицу. Говорил он быстро, обильно, но так путано, картаво и бессвязно, что ничего было не разобрать. Однако постепенно, немного успокоившись и перестав дрожать, он изложил беглецам не просто безрадостную, а скорее даже жутковатую картину:

– кошмар! Прр, брр, хрр. Насилие! Издевательство! Дрр, фрр...

– Тебя били? – спросила сердобольная Вася.

– И били, и кололи! Хрр. Иголками. Брр. Под кожу и вот, фрр, сюда. – Бяка ткнул пальцем в задницу.

– Бежать надо, – затрясся от страха Культя.

– Догонят! Хрр, прр. Вырубят! Парлизуют.

– Как это?

Бяка растянулся на полу, задёргался, высунул язык.

– Тебя пр-пар-лизовали?!

– Фрр. Два раза.

– Ужас, до чего довели человека, – схватилась за голову Вася.

– Надо бежать, – прошептал Культя.

– Главное – улучшить момент, – добавил Сява.

– Давно ты тут? – спросил Бяку Кнут, изо всех сил стараясь сохранить хладнокровие.

– Не знаю, дрр. Не помню.

– Оголодал? – посочувствовала Вася.

И Бяка опять принялся рассказывать, кривляясь всеми частями тела в нервном возбуждении.

Оказалось: пока Бяку не засекали капиталистические прихвостни, жить тут, с грехом пополам, было ещё терпимо, хотя если по-честному, то почти что и невмоготу, потому что буржуйское коварство поистине не знает границ. Бяку всё время норовили помыть, чтобы, улучив момент, подменить его одежду на совершенно никудышную, – такую тонкую и короткую, что прямо брр.

Кал сдавать разрешали только в специальном каменном грибе с дыркой, в которую того и гляди провалишься, и надо было, о, ужас! терпеть изо всех сил, пока найдёшь этот гриб. И случалось, что с непривычки Бяка несколько раз гадил прямо в штаны. А однажды выпустил он из живота лишний газ на улице, так эти буржуины носы позажимали да как завозмущались, а один кликнул мордovorота с дубинкой и этот мордovorот давай на него орать. А когда Бяка призвал Кузьмича в свидетели, что он всего лишь пукнул и в своё оправдание показал, как он это сделал, так этот мордovorот так пукнул ему в ответ из какой-то жестянки, да таким едким пердюхом, что у несчастного от слёз повылазили глаза и, что самое паскудное, приключился самопроизвольный сброс Кала, после чего его тут же схватили, отвели в белый гриб и, несмотря на мольбы и яростное возмущение, привязали к койке и принялись лечить!

– Как это? Что это? – трясущимися от страха губами спросил Культя.

– Берут такую тонкую длинную бутылочку с ядом внутри и с иголкой, и под кожу тебе, и под кожу. – Мужичок зажмурился от пережитого ужаса.

– А с едой тут как. С едой?

– Еды тут, вообще-то говоря, навалом, но, если зайдёшь куда и начнёшь свои способности демонстрировать, то смотрят, как на идиота, и несут еду совершенно никудышную, паршивую, да ещё завёрнутую в прозрачную тряпочку, чтобы все видели, какие они тут щедрые. А начнёшь эту ихнюю еду кушать, она и в горло не лезет, и к зубам прилипает, – гадость настоящая, ни тебе копчёных крыс, ни розовощёких опарышей – всё какое-то пресное, неаппетитное, размазнястое, такое, что сразу вспоминается поговорка: «Кал Коммуниста вкусней еды капиталиста»...

– Да-да, – приободрили товарища беглецы.

– И другое тут подозрительно. По улицам гуляют одни буржуи, хотя и замаскированные под бедняков своей дурацкой одеждой, а вот где рабочие – непонятно. Наверное, цепями прикованы к трудовым местам – надо же как-то кормить такую ораву бездельников...

– Факт!

– И ещё один жуткий ужас – эти огромные железные чудовища, в которых всякие тутошние дармоеды катаются. Как таких страшилищ выращивают непонятно, только бегают они с огромной скоростью, прямо, как наши тараканы, а уж рывкают так, что сердце обмирает, и, каждому понятно, что в таком случае может случиться, спаси и сохрани, Кузьмич, от такого позора. В общем, не жизнь здесь, а сплошные испытания. Хотя еды и много, этого не отнимешь, но такая дрянь, такая противная, что они её и сами есть не могут – постоянно выбрасывают. Любой бак на улице открой – там еда, но ни картошек вам, ни тыквочек. Несъедобная она совершенно, а если даже и начнёшь её есть, уж так смотрят, как будто не верят, что ты им Кал сдашь...

– Да хоть бы какой поесть, лишь бы не заболеть, – вздохнул Культа.

Бяка сочувственно покивал и стал продолжать рассказ:

– Я, обычно, если возле какого гриба поем этой дряни из бака, так чтобы всё чин-чинарём было, тут же сдаю кал в горшок. Стоят они там такие – прозрачные, рядом с каждой дверью. Специальные. Очень удобные. Сразу видно, что ты не просто сидишь, дурака валяешь, а делом занят. В горшки эти вода налита и трава всякая засунута. И обычная, на нашу похожая и с разноцветными мягкими пампушками. Водичкой можно помыться, пампушками – подтереться. Правильно всё в этом отношении устроено, почти как у нас. Я траву эту, понятное дело – вынимаю, морду водичкой споласкиваю и сажусь на него, как положено. Всё по-человечески всегда делал, а они как-то раз увидели, да как разорались, и про какое-то свинство, и про какие-то хрустальные вазы, и про какие-то цветы. Я убежать пытался. Но куда там... Поймали, да как чем-то прожгли. В общем, парализовали. Вот, какова тут жизнь у простого товарища человека...

Сява потрогал макушку с привставшими волосами и тупо, но назидательно, оглядел товарищей. Все пребывали в шоке. Бяка, несколько разомлевший от пристального внимания к своему повествованию, почти перестал кырхать и дёргаться.

– Пиво, правда, здесь ничевское. Но пить его простым смертным почти что запрещено – наказывают. Я как-то выпросил, выпил, иду как человек по улице, песни пою хорошие, бабам подмигиваю. Предложил одной полюбоваться во славу Кузьмича, даже пару фантиков посулил, так она как взвилась!.. Врезала мне сумкой по роже, я, естественно, ей в ответ, и опять меня вырубил, парализовали и в застенок. Очнулся – чуть опять не помер, кругом всё белое, а в руку игла всажена, прямо под кожу, и какой-то яд туда капает. Вырвал я иголку и побежал. Уж так бежал, так бежал, всё на пути сметал, но... не убежал. Изловили, скрутили, иголку в жопу, трр, прр. Пришёл в себя – фантиков нет, грр, трр. Отобрали... А потом собралась целая куча людей: и белых, и голубых, и чёрных. Окружили меня, и давай уговаривать да советовать в Коммунию вернуться. И вот – к вам привели.

Скрипнула дверь. В комнату вошёл человек, весь такой нарочито приветливый, разодетый в чёрную гладкую одежду и с петлёй на шее.

- Идите за мной, – сказал человек. – Доставлю вас к самой границе.
- Ишь, ты! – поразился и обрадовался Сява. – Испугались нашего Слова Правды.

На улице перед дверью стояло железное чудовище.

- Залезайте! – скомандовал чёрный.

Беглецы испуганно попятились.

- В таракане не поеду, – запаниковал Культя.
- А если он нас сожрёт? Схавает? – завякал Сява. – Или вам так и надобно? Мы в него залезем и... кранты? Нет уж. Помилуйте.
- Если пойдёте пешком, требуется пройти дезинфекцию.
- Что такое?

Человек задумался.

- Водичкой вас обрызгают. Как дождиком.
- Зачем?
- Вши у вас, блохи. На собак наших перекинутся – проблемы будут.
- Ладно. Вшей уничтожить – это даже неплохо. Давай свою дезинспекцию!
- Эгей, – заговорил Сява после душа. – Разве так вшей уничтожают? Смешно. Даже потешно. Уж я-то знаю, как вшей надо убивать. Знаю настоящие способы, испытанные... Можно, например, намазать голову глиной, подождать, пока засохнет, а потом отбить эту глину палкой. Вместе с волосами, конечно, но и со вшами. Больно, зато надёжно... Можно развести на моче крысиные какашки и вмазать в череп. Тоже хороший способ... Можно сбрить волосы осколочком стекла и перебить вшей на черепе камушком... Можно... Много чего ещё можно, много есть верных способов, но дехсинспекция – не способ. Эта водичка, видимо, на ихних насекомых рассчитана, на вечно голодных. Полудохлых. В этом обществе чистогана, надо понимать, и вше не разгуляться. Не то, что у нас. Верно?

Все важно покивали в знак согласия.

- Вам туда, – человек в черном указал рукой на север.
- Сами знаем.
- А это вам в дорогу. Питание. Тут всего понемногу, но на первое время хватит. – Человек передал Кнуту большой полиэтиленовый мешок.
- Что там? – спросил оживившийся Сява. – Картошки?... Тыквочки?..
- Картофель, кажется, есть. Хрустящий.
- А крысы? Опарыши?..

У человека задёргался глаз. Он приложил руку ко рту и поспешил удалиться.

- Ясное дело – хорошей пищи пожадничали. Скупердяи. – Попрошайка состроил недовольную гримасу. – А вообще-то пора бы и поесть...
- Еду надо экономить, – сказал Кнут.
- Сейчас главное – силы подкрепить. А то совсем ослабеем. А может, и зачихнем. Ты как считаешь? – Попрошайка сунулся к Культе.
- Да, пожалуй, поесть было бы неплохо.

– Вот именно, неплохо. Даже необходимо. Сейчас не поедим, потом сильнее захотим, да уже поздно будет. От этого общества любых неприятностей можно

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
ожидать. Любых гнусностей. И подлого коварства.

– Что ж, – согласился Кнут. – Будь по-вашему. Только от посторонних глаз надо бы укрыться.

7

Беглецы спрятались в первых же попавшихся на пути кустах и расселись в кружок. Кнут вывалил содержимое пакета на траву. Разочарование путников превзошло их самые худшие опасения.

– Вода ржавая, – скривился Сява, откидывая соки и лимонад. – А это что такое? – Он схватил жестянку с консервами. – Нарисована рыба. Но в железе.
– Поднёс к глазам, потряс. – Булькает. А как открыть?

– Насмежаются, – скорчился Культя.

Попрошайка разорвал пластиковый пакет с картошкой. Попробовал.

– Вроде, съедобно.

Все дружно захрустели.

– Плохая еда, – огорчился Сява. – Баловство. Зачем было засушивать картошки?

– Это чтоб все слышали, что ты ешь, – догадался Культя. – Уже не спрячешься. Тотальный контроль над населением!

Попрошайка воровато огляделся.

– Трр, – сказал Бяка.

– Глядите, фантики! – взвизгнула Вася.

В одном из бумажных пакетиков лежало несколько десятков конфет.

– Кажется, это та самая дрянь, которая не съедается. – Сява развернул одну, пощупал. – Нет, вообще-то. Эта больше на засохшую какашку похожа. – Понюхал. – А запах другой. Незнакомый.

– Брр, – сказал Бяка.

– Лучше не пробуй, – бдительно посоветовал Культя. – Ещё сдохнешь чего доброго. Волоки потом твой труп в Коммунизю. Ты же не захочешь, чтобы откормленными на тебе крысами капиталисты наслаждались?..

Попрошайка всё-таки лизнул. Сморщился. Конфеты выкинули. Фантики припрятали.

– Ай, капиталисты! – воскликнул критик, вытаскивая колбасу. – Ну, мерзавцы. Они, что, совсем нас за людей не считают? Чтобы мы стали есть такое?!

– Что я говорил, брр, – сказал Бяка.

Вася покраснела. Культя размахнулся и забросил колбасу подальше. Хлеб вообще никто есть не смог. Всех пугала его ноздреватость.

– Гриб какой-то, – предположил Сява. – И, наверняка, ядовитый.

– Да, большие грибы не бывают съедобными, – согласился Культя. – К тому же они имеют свойство каменеть.

– Возьмут и окаменеют в брюхе, – поддакнул Сява.

– А, может, эти твари, – Кнут мотнул головой в сторону, – того и желают? Чтобы мы тут все сдохли.

– А мы картошки слопали, – схватился за живот Культя.

– Точно, слопали, – передёрнулся Сява и выпучил глаза. – Ой, сейчас сдохну.

Все уставились на него с недоверием, но и с некоторым страхом.

– Нет, похоже, не сдохну, – через минутку усомнился Сява. – Не сдохну, даже если постараюсь.

– Перестань всех пугать, – рыкнул на него Кнут.

– Послушайте, – вклинилась в разговор Вася, – если бы они хотели нас отравить, то не стали бы насмехаться. Положили бы хорошие продукты, а не всякую гадость...

– Действительно, – порадовался Кнут, – и как это мы не догадались?

Быстро пересмотрели остальное.

– Ух, ты!..

– Да-а...

– Во, дают!

– Мрр...

– Ну, капиталисты!

– Жуть...

– Ну, мерзавцы!

– Хрр...

В кусты полетели баночки с кофе, йогурты, пакетики с мармеладом, плитки шоколада.

– Опять гриб какой-то. Культя понюхал сыр. – Пахнет плесенью.

– Плесень есть нельзя, – предупредил Сява.

Покончив с провиантом, товарищи посмотрели друг на друга.

– В связи со свалившимися на нас происками, открываем Партсобрание, – не разжимая челюстей, процедил Культя. – Слово предоставляется Коммунисту Сяве.

Попрошайка вскочил, принял большевистскую позу и заскрипел зубами. Кусты зашевелились. Бормоча что-то нечленораздельное, на поляну вышел человек. Отхлебнул из бутылки, скользнул пьяным взглядом по беглецам. Покачался, сосредоточился, присмотрелся – увидел колбасу, схватил её и ломанулся прочь.

Коммунисты дружно ахнули.

– Брр, – содрогнулся Бяка.

Находчивый Культя тут же предложил:

– Требуется срочно отловить этого пролетария и выпытать у него...

– Военную тайну?

– Вряд ли он её знает. Но кое-какие сведения и секреты – возможно.

– Бить будем? – спросил наивный Кнут.

– Ты что! Это же наш классовый товарищ!

Пьяница расположился неподалеку. Откусывая большие куски, он запивал их малюсенькими, но частыми глотками. Заметив приближающихся людей, спрятал

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
колбасу и бутылку за спину.

– Я её не украл, я её нашёл, – забормотал пролетарий. – Не верите?

– Верим, верим, – заулыбался Культя.

Пьяница пригляделся к подошедшим, успокоился.

– На,куси, – предложил он Сяве.

– Как ты можешь это есть? – ужаснулся попрошайка. – Я не брезглив, но существуют же и какие-то пределы нравственного падения личности...

– Несчастный человек, – пожалела пьяницу Вася.

– А чего? – удивился человек. – Вкусная. Нам в приюте копченой не дают.

– Чем же вас там кормят? – елеиным голоском спросил Сява.

– А-а-а, – сморщился пьяница. – Дрянь всякую дают. Кашу дают. Суп диетический. Пюре да сосиски.

– Сиськи?! – ахнула Вася и потемнела лицом.

– Их заставляют поедать трупы, – судорожно прошептал критик.

Попрошайка одной рукой схватился за вставшие от ужаса волосы, а другой придержал отвалившуюся челюсть.

– Меня сейчас стошнит, – Кнут покашлял, покряхтел, с трудом успокаивая бунтующий организм.

– Держитесь, товарищи. Не все трудности ещё пройдены. – Культя потряс поднятым вверх кулаком. – Нам нельзя сейчас поддаваться эмоциям. Нельзя расслабляться. Мы должны с честью выдержать все испытания. Правда горька, она страшнее наших предположений, но надо зажать волю в кулак, стиснуть зубы и идти вперед. Иначе пропадём.

– Пойдём с нами? – предложил Сява пьянице.

– Куда это?

– В коммунизю. Там тебе не придётся питаться этой мерзостью, никто не заставит тебя там поедать сиськи.

– Я, конечно, псих, – заговорил их новый знакомый, – но не до такой же степени. У вас там, говорят, ворон хавают?

– Что ворон. Знал бы ты, какие у нас вкусные крысы...

– А опарыши...

– А тараканы...

– Ах, хрр, ах! – пустил слюни Бяка.

Пьяница вдруг согнулся и его вырвало.

– Вот, говорили тебе – не ешь его, – посочувствовал Культя.

Пролетарий вздохнул, утёрся, помотал головой.

– Не, я не могу далеко идти. У меня ноги больные...

– Тогда скажи нам вот что, где ваши капиталисты свои запасы прячут, – спросил Кнут.

– Фу-у-у, – сказал пьяница.

– Не бойся. Мы тебя не выдадим. Даже под пытками. Мы ребята ловкие – наворуем и ходу.

– В магазинах красть опасно, – забормотал человек. – Поймают, на целую неделю арестуют. А уж как стыдят...

– Сколько это – на неделю? – спросил Кнут.

– Долго, ох, долго. Да зачем вам воровать? Идите в приют, там вас бесплатно покормят.

– Чем?

– Пюре, сосисками.

– Замолчи лучше, – взмолился Кнут. – Ты скажи, где нам крыс раздобыть, или лягух хотя бы?

– Крыс?.. Крыс?.. – почесал голову пролетарий. – Ах, да, вы же эти... комму...

– ...нисты, – подсказал Культя.

– Крыс, значит?.. Топайте вон туда. Увидите ограду. За ней завод по переработке отходов. Говорят, там крысы водятся.

Лица друзей просветлели.

– Спасибо, товарищ.

– Только дождитесь вечера, а то днём там люди.

– Понятно. Ещё раз Партийное тебе спасибо.

– Коммунистическое, – добавил Сява.

– Ага. Ну, пойду я тогда. – Бочком, кося глазами, пьяница стал выбираться из дружеского окружения.

– А, может, с нами? – крикнул Культя.

– В другой раз как-нибудь, когда подлечусь малость.

– Боится, – сказал Кнут.

– Опасается, – кивнул Сява. – Робеет. Я бы даже сказал – трусит.

6

Вечером товарищи проникли на территорию свалки.

– Не охраняется, – удивился Сява.

– Запуган тут народ до смерти, – констатировал сей факт критик. – Вот и не охраняется.

Увидев первую крысу, беглецы возликовали.

– Вот он, их питомник, – обрадовался Культя.

Кнут уже мастерил из проволоки силки.

– Не люблю их сырыми, – поморщился Сява. – Прокоптить бы...

– Точно, хрр, – согласился Бяка.

– Ничего, по одной съедим, а остальных завтра, как солнышко встанет, поджарим, – облизнулся Культя.

Закусив, друзья разбрелись по территории.

– Вот они, закрома капиталистов! – воскликнул критик, разглядывая горы мусора.

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
Сява уже вовсю таскал из кучи бутылки.

- Вот они, их богатства!
- О-хо-хо!
- Э-хе-хе!
- Ну и ну!
- Ух, ты-ы!
- Ах-фрр-р!

Сява зарылся в кучу, как крот, выкидывая наружу куски проволоки, обрывки веревок, пустые мешки, бутылки, коробки, рваные комбинезоны и что-то ещё непонятное, но любопытное.

Глаза Культи блестели, как у сумасшедшего. Он хватал одно, замечал что-то другое, ронял, терял, забывал, кидался от одной кучи к другой, рассыпая находки, стеная и воя от счастья и бессилия.

- Сыпьте в мешки, – посоветовал Кнут.

Скоро в проходах между кучами мусора выросли горы пластиковых пакетов, набитых всяческим хламом.

Сява, вскидывая руки, подпрыгивая и тряся головой, метался по территории. Врывшись в одну из куч, он наткнулся на залежи фантиков.

– А-а-а! – завыл попрошайка, перестав соображать, где находится. Его разум помутился. Он видел только ворох разноцветных бумажек, зарывался в них лицом, гладил, набивал за пазуху, разбрасывал, катался по ним, всхлипывал, причитал и возносил молитвы.

– Пора уходить, – опомнился Кнут. Схватил тащившего очередной мешок Культю, встряхнул. – Пора уходить!

– А? – обалдело спросил критик. – Чего ты?

– Уходить пора, идиоты. – Вырубала отшвырнул друга, быстро связал два мешка, потом ещё два, перевесил через одно плечо, через другое, ещё два подхватил в руки и потопал к выходу. Вася поспешила за ним, унося огромный мешок на спине.

На полусогнутых ногах, с огромной охапкой фантиков, дико стеная, ничего не видя и не слыша, мимо Культи проплёлся Сява.

– Куча, – ошалело бормотал попрошайка. – Огромное количество. Несметное множество. Обилие...

Критик опомнился. По дорожке из оброненных Сявой фантиков он добрался до их залежей и, встряхнув самый огромный мешок, стал набивать его бумажками.

– Прорва... Море... Масса... – заморожено повторял Сява.

Бяка на четвереньках полз за ним, подбирая фантики и довольно урчал: «Мрр-р, прр-р...». К его спине верёвками крест накрест была привязана солидная поклажа.

– Груда, – сказал Сява, взмахнув руками.

Мимо них, пошатываясь, протопал Культя, унося со свалки целый мешок фантиков и свой закадычный, так до сих пор никем не востребованный таз.

На ночлег путники устроились в высоченной траве. Сява всё выкрикивал:

– Бездна!.. Пропась!.. Тьма!..

Бяка попытался вырвать из его рук последнюю бумажку, чтобы присовокупить к

остальным.

- Не жадничай, – осадил его Кнут. – Не видишь что ли, – человек потрясён?
- Похоже, фрр-р, – сказал Бяка презрительно.

На следующее утро Культя проснулся первым. Разбудил Кнута.

- У меня проблема, – пожаловался критик.
- Что такое?
- Приспичило шибко. Кал напирает...
- Ну и что? Тут рынков нет. Сядь и откинь.
- Что ж я у капиталистов свой кал брошу? – возмутился Культя. – Нет уж.

Срочно объявили Партсобрание. Постановили: коммунистический Кал буржуям не оставлять ни под каким предлогом!

Вася приготовила пустой пакет из-под выброшенных продуктов. Культя с достоинством облегчился. Ну, а вскоре эту важную церемонию свершили Кнут и Вася. Бяка тоже вдруг захотел...

Пятеро коммунистов спешили к границе. Настроение было приподнятым. Экспроприированные у буржуев богатства вселяли радужные надежды на ещё более светлое будущее. Мешок с говном тащили по очереди.

Сява крикнул: «Груда!..» – и обгадился прямо на ходу, за что тут же получил Партийное взыскание.

- Ворох!.. – глядя товарищам в глаза, честно заявил попрошайка.

5

Священные Рубежи пересекли ночью, разыскав небольшую дыру недалеко от той, которая охранялась молодчиками из погранзаставы. Родина молча встречала своих сыновей. Страна безмятежно спала.

- Вот мы и дома, – облегчённо вздохнула Вася.
- Отлично, прр, – высказался Бяка.

Культя выхватил Партбилет и стал неистово целовать его. На глазах Сявы появились слёзы.

- Тьма тьмуцая, – сказал он.
- Да... здорово мы капиталистов пощипали, – рассмеялся Кнут, сгружая с натруженных плеч тяжёлую ношу.
- А ты не боишься, что они войну объявят? – тревожно спросил Культя. – Видел сколько у них детей? Значит, и солдат много...

– Не волнуйся, не объявят. Слышал про Красную кнопку? Я раньше, правду сказать, не очень в неё верил, думал – легенда, считал, что буржуи только нашего Слова Правды боятся, но ведь и Сява про неё вякал, и Секретарь что-то бормотал.

- Сява – трепло, что его слушать, а Секретарь – шкура продажная.
- Ну и что? Капиталистов он тоже ненавидит, а Коммунизму любит.

Культя кивнул.

- Ох, и бояться нас буржуйские морды, – самодовольно потряс кулаками Кнут.
- Знают, что Коммунизм непобедим.

Измученные переживаниями и усталостью, путники быстро уснули. Окрестности

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
огласил дружный товарищеский храп. Мощно перекатывала валуны носоглотка
вырубалы. Нежными переливами выводила хрупкие трели женственная Вася.
Умиротворённо похрапывал критик Культия. Перебирая все существующие и
несуществующие согласные, храпел коммунист Бяка:
«Дрр-ч-п-р-ф-ф-ч-м-н-н-р-р-р...»

Не храпел только Сява. Он что-то украдкой жевал. Иногда прерывался,
прошёптывал: «Сонм... Туча...», – и опять принимался чавкать.

Первой проснулась Вася. Быстро растерев помятые щёки и стряхнув муравьев с
рубахи, она принялась сооружать костёр. Собрала сухую траву, обломала
кусты, притащила несколько небольших камней.

Рассвет ещё только-только готовился забрезжить. Редкие тучи, разнеженные
ночной прохладой, недовольно уплывали на запад.

Вася присела к своему мешку, развязала его и стала перебирать содержимое.
Затаив дыхание, она рассматривала диковинные флаконы, пузырьки, какие-то
незнакомые, но очень красивые безделушки, долго рассматривала своё
отражение в треснутом овальном зеркальце, обрамлённом завитушками костяной
оправы. Сломанной расчёской провела по волосам, удивилась незнакомым
ощущениям и неожиданно для себя принялась сооружать на голове первую в
жизни причёску. Воткнула в волосы пластмассовый цветок, повязала ленту.
Вытащила из мешка что-то кружевное, слегка заляпанное краской, развернула,
повертела и ахнула от промелькнувшей догадки. Скинув с себя штаны и рубаху,
надела платье, расправила его, разгладила ладошками и закружилась в тихом
восторге. От непривычных движений ноги её заплелись, и Вася завалилась на
кнута, который тут же вскочил, крикнул: «Раз!», – взмахнул кулаком и...
проснулся.

– А? Чего? – ошалело выкрикнул вырубала. – Что случилось?

Вася встала, прошлась легкой походкой, кокетливо выгнулась, оттопырила
попку и повела бровью.

– Как?

– А? – пришёл в себя кнут. – Ты что это? – Он подскочил к девице, сорвал
платье, выдернул цветок из волос, растрепал причёску. – Сейчас же надень
нормальную одежду!

Разбуженный шумом Культия одобрительно кивнул:

– Тлетворные буржуйские штучки... Миазмы капитализма.

Всхлипывая, Вася натянула свои старые бесформенные дерюги.

– Вот так-то. Теперь хоть на человека похожа. – Кнут шагнул к мешку
подружки и стал выбрасывать всё подряд.

Рыдающая Вася подхватила зеркальце, расчёску, ещё что-то и сунула под
рубаху.

Покончив с капиталистической заразой, кнут заметил сложенный костёр.

– Ладно, не дуйся, – пожалел он девицу. – Сейчас крыс подкоптим...

Культия подобрал пару хворостинок, насучил волосков из засохших травин и
быстро разжёг огонь. Мурлыча под нос, он потянулся к пакету с припасами,
боковым зрением ведя наблюдение за девицей. Её розовая кожа, мелькнувшая во
время переодевания, вновь пробудила в нём мужские потоки, совсем было
угасшие во время суровых скитаний по буржуйскому логову. Он опять ловил и
лелеял каждое её движение, сладостно обмирал от случайного взгляда и всё
время надеялся, что когда-нибудь она оценит его, как достойного товарища и
коммуниста.

– Пу-у-сто-о! – прохрипел критик, когда его шарящая рука наткнулась вместо
крыс на мешок с Калом.

– Кто сожрал наши припасы?! – зловеще спросил кнут, вглядываясь в лица.

- Только не я, фрр, – пожал плечами Бяка.
- Гора, – сказал Сява, вжимая голову в плечи.
- Это он, – уверенно указал пальцем Кнут.

Однако все попытки вырвать признание у попрошайки разбились о его несокрушимое непонимание существа вопроса.

- Великое множество, – упорно твердил Сява. – Кипа...

В конце концов, решили поискать чего-нибудь съедобного в округе, хотя бы питательной травки или, если повезёт, прикупить подходящих продуктов у первого встречного.

Разбрелись, но недалеко, так, чтобы с ближайших холмов можно было и окрестности осмотреть, и не выпускать из поля зрения мешки с добром.

Первым несчастье заметил Бяка. Он обгрызал кору с небольшого кустика, поглядывал по сторонам, опасаясь претендентов, и неожиданно увидел столб дыма. Ещё ни о чём не догадываясь, вновь наклонился к стеблю, но вдруг насторожился, приподнял голову и, увидев прыгающего вокруг костра Сяву, замер с открытым ртом.

Бешеное пламя взметнулось к небу. Попрошайка бросил последний мешок в огонь и заскакал в диком танце, радостно выкрикивая одни и те же слова: «Гора! Уйма! Масса! Прорва! Груда!..»

Кулак подбежавшего кнута оборвал его на слове «куча!» и сбил с ног. Сява охнул, вскочил и принялся растирать ягодицы ладонями, с недоуменным вниманием выслушивая поток проклятий. Постепенно смысл оскорблений начал доходить до него, попрошайка стрельнул острыми глазками в костёр и стал пятиться. Лица товарищей горели пламенем коммунистической ненависти к врагу и классовой солидарностью друг к другу.

- Лишить его Партбилета! – крикнул Культя.

Зрачки Сявы расширились, губы обиженно отвисли, руки затряслись.

- Я... как член Партии... торжественно клянусь... то есть приношу свои искренние...

Кнут грозно надвигался – попрошайка мелко отступал. Дёрнул взглядом вправо, влево, потом резко развернулся и рванул прочь с такой скоростью, что вырубала едва успел моргнуть. Растаяло облачко пыли, и Сявы не стало.

4

Огонь погубил всё. Фантики сгорели, пластиковые бутылки обуглились, даже мотки проволоки расплавились и превратились в бесформенные металлические горошины. Сгорел даже мешок с коммунистическим Калом, что выглядело самым настоящим вредительством. Уцелели только Культин таз да ненужная железяка, неизвестно как попавшая в чей-то мешок.

Кнут кинулся железякой в сторону убежавшего Сявы, сел на землю и угрюмо замолчал. Культя тайком ощупал внутренний карман, в который он заложил фантики от жвачек, конфет да ещё успел-таки сунуть несколько штук на свалке.

- Надо идти, – робко позвала Вася.
- Да, да, – спохватился Культя. – Надо уходить. На север. Домой.
- Ух, ты-ы! Ох-хрр-крр-р, – вдруг сказал Бяка.

На холме, освещенная полуденным солнцем, стояла Проня. В руках она чудом удерживала, по крайней мере, с десяток тыквочек. Радостно вскрикивая, девица ринулась вниз.

- А я всё ждала, ждала. Надеюсь. Верила... Сомлела уже, и тыквочки тухнуть начали. Жара такая, а вас всё нет и нет...

– Вот мы, – сказал Культя, не зная, радоваться ему или плакать.

Бяка ловко поймал разогнавшуюся Проню, подхватил падающие тыквочки, сложил их к ногам девицы.

– Извольте, ахрр-р. Это ваше.

– Благодарю. Любезный мужчина – такая редкость...

– Ах-фрр. Очень рад стараться.

– Угощайся.

– Ах-мрр. Какая добротная женщина! Вумен! Вери супер гууд баб! Я только что из-за кордона – там таких нет.

– О-о-о! – совсем растаяла девица. – Кушай, вот эту – она, кажется, получше. Нет, гнилая. Тогда вот эту...

Бяка, давясь и брызгая коричневой мякотью, заработал челюстями.

– Ах, нет! И эта гнилая, – расстроилась Проня. – Протухли все. Солнце. Жара...

– Ничего, мрр. Я так соскучился по настоящей пище, – Бяка подобрал вторую тыквочку. – Там у капиталистов хорошая еда – дефицит, люди жрут что попало, даже трупы. фрр.

– Ах! Какой ужас! Тогда ещё вот эту попробуй.

Бяка скинул рубаху и принялся за третью. Культя, тихонечко поёрзывая, придвинулся к одной из откатившихся тыквочек. Но, только он успел колупнуть её пальцем, Проня фыркнула, подскочила, пихнула критика бедром и, подхватив плод, любовно положила его перед Бякой.

– Ничего никому не дам, – объявила девица. – Вы меня всё равно любить не хотите. Я теперь всё ему отдам. Всё, всё! Даже свою невинность.

Культя быстренько стал подбирать разлетевшиеся семечки. Проня топнула ногой.

– Ты, морда бесстыжая, семечки мои сожрать хочешь? Без разрешения? Да за такое дело Партбилета лишают!

– А ты сама-то сейчас Партийная? – спросил Культя вкрадчиво.

Бяка подавился куском, замер...

– Я?! – Проня выхватила красную книжечку. – Да я за свой Партбилет им тут всем кое-что поотрывала. Они мне ещё один предлагали, лишь бы я утихомирилась.

– Ах-р-р, какой баб! – радостно воскликнул Бяка. – Вумэн!

Проня распушила губы в довольной улыбке.

– кажется, объелся, – торжественно объявил Бяка и раскатисто рыгнул. – Уф-р-р, больше не могу...

Девица сложила оставшиеся тыквочки в кучу, села рядом.

– А вы чего тут торчите? – с ехидцей спросила она Культю и Кнута. – Идите своей дорогой. Я вас больше и знать не хочу. У меня теперь новый товарищ ухажёр.

Бяка хозяйской рукой похлопал тыквочки и с самодовольным видом приобнял кормилицу. Проня игриво захихикала, выпустила язык и широко лизнула Бяку от пупка до макушки.

– Ах-мрр, – замурлыкал обжора и полез к девице под тряпки. Вытянув оттуда огромные кольшущиеся груди, он стал подкидывать их, перекачивать, щекотать,

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
охая и ахая от охватившего его восхищения. Проня заскулила в блаженстве, потянула Бяку за портки, горячо зашептала:

– Скорей, скорей, где он тут у тебя завалился?

Бяка с достоинством засунул в ширинку руку по самый локоть и вывалил своё великолепие.

– Вот, фрр, мрр.

Проня встрепенулась. Она плотно прильнула к мужичку, впилась в губы, засасывая их вместе с носом, глазами и всем лицом по самые уши. Уже вдвоём они завозились в отчаянной спешке. Завязки, тряпки, рубахи, штаны, взлетали в воздух и падали, словно подбитые палками вороны, на землю. Культя подкрался к оставленным без присмотра тыквочкам, выхватил две и, стараясь не шуметь, стал быстро отходить. Кнут тоже прихватил парочку. Про Васю все забыли, и она, не умея воровать, уходила без добычи.

– А-а-ах! – вскрикнула Проня и завывала на все лады. Бяка тоже зафырчал и захрюкал.

Культя обмер от страха, оглянулся. Нет, этот вой был не из-за украденных продуктов, это был вой сладострастия.

Трое путников спешно уходили полями, чтобы стороной миновать опасный город Красносолнцевск.

А Проня и Бяка продолжали бешеную любовную оргию.

Ближе к вечеру Бяка вдруг с удивлением заметил, что его милашка больше не скулит, не стонет и не охает, и что он уже давно сношается с трупом. Проня не дышала. На её лице застыла счастливая улыбка, в глазах запечатлелось блаженство...

Бяка слез с туши, перезвездил её несколько раз, поцеловал в лоб и, смахнув скупую мужскую слезу, быстрым шагом направился к границе...

Путешественники спешили на север. День набирал силу. Безоблачное белесое небо источало жар, воздух дрожал, словно в лихорадке. Вдали из небольшого пруда колхозники таскали воду. Весело тренькали цикады, разноцветные мотыльки целовались с цветами.

На путников никто не обращал внимания. Известно ведь: идёт человек мимо – он не опасен, а вот если остановится, значит, что-то задумал.

Завечерело. Отлегла жара, воздух насытился свежей прохладой. Солнце провалилось за край земли, торопливая темнота жадно вылезала из ям и ущелий.

– Да... подвёл нас Сява, чтоб ему сдохнуть в безлюдном месте, – вздохнул Кнут.

– Да уж, да... – согласился Культя.

Вася посмотрела на товарищей и ничего не сказала. В эти последние дни она стала задумчиво молчаливой. Кнут тоже не выглядел весёлым. Он оживлялся лишь тогда, когда вспоминали об их нападении на закрома капиталистов. Это возбуждённое оживление вырубалы наводило Культю на неприятные мысли, не замыслил ли его товарищ измену Родине. Кнут, однако, не покупался на вкрадчивые вопросы критика и лишь толковал, что не мешало бы им тогда подебоширить в буржуйском логове покруче, а ещё лучше – совершить крупную диверсию.

– Эх, жаль, что мы там всё не подожгли, – огорчённо вздыхал вырубала и бил себя по колену огромным кулаком.

– Очень недалёковидное сомнение, – выговаривал критик раздражённо. – Поджог мог бы послужить толчком к третьей мировой войне!

– Так уж и к войне, – кривился Кнут. – Не заметил разве, как они там с нами заигрывали? Бояться они нас до жути. А раз бояться – значит уважают!

3

Пустыню миновали, как в дурном сне, но всё-таки легче, чем в первый раз. Заранее удалось запастись картошками и тыквочками, приобретёнными исключительно в обмен на фантики. Способностями нигде не пользовались – опасались. Культя всё пытался загнать свой таз, но южане лишь изумлённо хмыкали, переглядывались и даже не торговались. На последний фантик Культя выменял толстых сушёных гусениц, не очень, правда, вкусных, зато достаточно питательных.

Город Красноздравск, первый после южных краёв, порадовал голодных и измученных путников щедрым рынком, на котором Культя и Кнут блестяще продемонстрировали свои способности.

Довольные, возбужденные, они поедали продукты, бурно обсуждая тяготы перехода через степь и пустыню.

– А помнишь, как ты пробовал глину есть? – смеялся Культя.

– А ты – чьи-то засохшие какашки?

– Это не какашки были, а косточки.

– А пахли, как какашки.

Кнут впервые слопал свои картошки, забыв покормить Васю..

Вечером друзья забрели в небольшую дереvушку, чтобы попытаться всучить какому-нибудь простофиле Культину железяку.

Колхозник долго вертел таз и руках, стучал им об пол и сколупывал ногтем ржавчину. На негодующие Культины протесты заметил, что ржавчина – не металл, металл, мол, не сколупывается, а ржавчина ему ни к чему, потому что этой ржавчины вокруг и так целые горы. Так что нечего тут пыхтеть и возражать, когда человек вещь проверяет.

Культя согласился, что ржавчина – вещество бесполезное, никчёмное, но таз – это вам не ржавчина. Тут же добавил, что если вот подойти к этому тазу с умом, а не стучать им об пол и не колупать почём зря ногтями, к тому же такими заскорюзлыми, то можно из этого таза изготовить огромное количество полезных в хозяйстве предметов..

Было заметно, что хозяину вещица понравилась, хотя он и тужился делать вид, будто таз слишком стар и ни на что не годен. В конце концов, колхозник отложил его в сторонку и вопросительно уставился на критика..

– Так... – Культя наморщил лоб, стараясь не потеть от радостных предчувствий.

– Так, значит... Одну часть расчёта мы взяли бы продуктами, ну а другую... – Колхозник нахмурился, но не возражал. – Другую можно и фантиками. Только какие попало нам не нужны, а вот если хорошие, то мы взяли бы, конечно..

Хозяин, кряхтя, пополз за печку, вытащил оттуда жестяную коробочку, открыл её и выложил на стол несколько фантиков.

– За таз? – ужаснулся Культя.

Колхозник добавил парочку.

– Издеваешься? Да это так мало, что я даже не имею слов!

Хозяин посмотрел на таз, на фантики и уже неуверенной рукой выложил ещё один, потом ещё.

– Нет, нет! Добавь-ка самое малое с десятков, а потом уже начнём торговаться.

– Ещё? С десятков? Это очень много.

- Да ты положи, положи, чего боишься. Я же их не заберу, если не сговоримся.
 - А-а-а, – согласился хозяин.
 - Ну вот, теперь и поторгуюсь, – обрадовался Культя.
 - А как?
 - Экий ты тип. Ты свои фантики будешь хвалить – я свой таз. Ты прибавишь, я прибавлю...
 - Чего ты прибавишь? – недопонял колхозник.
 - Как это чего? Достоинств! Я к своему тазу столько достоинств хороших прибавлю, что у тебя и фантиков не хватит.
- Колхозник почесал затылок.
- Будто бы я сам не соображу, на что этот таз годен, – произнёс он. – Будто бы я сам дурак.

– Такой вывод пока ещё не напрашивается, – сказал Культя. – Глупый человек подумал бы: вот, мол, таз какой-то, да кому он нужен? А умный так не подумает, умный сообразит, что этому тазу цены нет. Ведь это не просто кусок железа, это – изделие, а каждый ли может уразуметь, как использовать в деловом применении данное изделие с полной и существенной пользой лично для себя и своего хозяйства?

Хозяин ещё сильнее заскрёб голову.

- Кумекаешь? – поинтересовался Культя.
- Ну?
- Соображаешь?
- Ну?
- Ну, ну... Думаешь, я тебе всё даром расскажу?
- А-а-а, – скумекал колхозник, подсыпав на стол фантиков.

Когда фантики кончились, а достоинства ещё нет, хозяин побежал за тыквочками...

Культя выбрался на улицу... без штанов. Тесёмки на порчинах были туго завязаны, а сами штаны, набитые тыквочками, перевешены через плечо.

Кнут заходил кругами вокруг критика, несмело нахваливая и тыквочки, и Культины способности. Вася демонстративно помалкивала.

– В долг, под честное Партийное Слово, одну тыквочку я тебе, так уж и быть, дам, – сказал критик вырубале. – А это тебе. – Культя выбрал самую румяную и положил перед Васей.

– За так? – удивилась и обрадовалась девица.

– Ну, в общем, как бы это сказать... ну, иначе говоря... вот, как бы, в порядке аванса, – пролепетал Культя.

Часть тыквочек критик пропил в городском ресторане и вернулся к месту ночлега сильно навеселе. Он долго и нудно пел одну и ту же строчку из «Вихрей враждебных», чем довёл до бешенства вырубалу. Тот, конечно, мог бы прервать его пение хорошей затрещиной, однако, не решился на сей шаг, ввиду его явной контрреволюционности.

Закончив пение, а, вернее, забыв, наконец, и эту единственную строчку, Культя попытался ещё раз договориться с Васей и начал плести какую-то чушь

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
о «томном свете Луны» и о «слиянии двух тел в экстазе звездопада», но, не добившись взаимопонимания, наконец-то уснул. Вася так и не поняла туманных намёков критика и прямо извелась, соображая, чего же такого от неё добивался этот странный извращенец.

На другой день, отработав, как и положено, на рынке, друзья решили держать путь к городу Краснозвёздску, в котором родилась и провела не худшие свои годы Вася.

– Никуда я больше с вами не пойду, – заявила Вася, со слезами на глазах осматривая до боли знакомые окрестности любимого предместья. Подбежав к родному песчаному холму, она с нежностью погладила камень, за которым многие годы справляла малую нужду, с грустью подошла к своей норке.

– Здесь кто-то уже живёт, – сообщила она без всякого огорчения.

– Выгоним, – пообещал Кнут.

– Зачем же? – неодобрительно фыркнула девица. – Для меня всегда место найдётся.

– Ну-ну, – сказал Кнут, присаживаясь. – Так и будешь тут мужиков мучить, значит?

– Сами себя они мучили, мне-то какое дело...

– Бросаешь нас, значит?

– Я никого не бросаю. Это вам с вашими способностями бродить всю жизнь надо, а мне-то зачем? Мне уже бродить надоело.

– В этой дыре будешь жить, значит?

– Не в дыре, а в норке, – ответила она и полезла знакомиться с новым хозяином её жилища.

Кнут подумал, что бы такого сказать на прощанье жестокого... Но так ничего и не придумав, обратился к Культе:

– А мы куда путь направим? В Столицу что ли?

– Можно и в Столицу. Я и раньше предлагал...

– Завтра?

– Давай завтра...

– После рынка?

– Как водиться.

– А сегодня?

– Сегодня я гулять буду.

2

Культия вылез из заведения совершенно пьяный.

– Идём к бабам. Бабы – это вещь! – провозгласил критик и трахнул мордой об дорогу.

– Ну и нажрался же ты, браток, – позавидовал Кнут.

– Ага. В драбадан, – икнул Культия, пытаясь встать.

– Идти можешь?

– Могу. И иду. К Светлой Заре коммунизма! – критик сделал несколько быстрых шажков и врзвался в развалины.

Утром, очнувшись, Культя в первую очередь схватился за карман. Все его ценности были на месте.

– Вчера ты обещал мне два фантика за то, что я тебя там не бросил, – сказал Кнут, протягивая руку и нетерпеливо шевеля пальцами.

– Если обещал, то почему же не дал? – засомневался в правдивости товарища Культя.

– А потому что не мог.

– Вот в то, что не мог – верю, – согласился Культя, – а что два фантика обещал – не верю. Не могло такого случиться.

– Ну-ну, – пригрозил Кнут. – В другой раз брошу тебя на произвол судьбы.

– До другого раза ещё дожить надо, – по-философски рассудил критик. – Пойдём-ка лучше на рынок. А то что-то башка трещит.

Раскритиковав в пух и прах приглянувшиеся ему продукты и завладев самой крупной из имеющихся в наличии тыквочкой, Культя уселся на горшок, чтобы произвести необходимую сдачу Кала. Он тужился, краснел, пыхтел, но ничего не получалось.

– Ага! – радовался колхозник. – Небось, второй раз хочешь продукты отхапать. Меня не проведёшь.

У Культи от напряжения заломило в ушах и выпучились глаза.

– Эй, люди добрые, у меня тут на горшке настоящий жулик, – крикнул колхозник. – Кала нет, а всё туда же... Да ещё продукты мои ругал.

– В Партком его! – закричали труженики полей. Набежала толпа.

В Парткоме стоял шум.

– Прошу тишины! – приказал Секретарь. – И не галдите так, а то совсем гриб обрушите.

Кто-то ойкнул: на него с потолка упал кусок штукатурки.

Культя стоял перед Секретарём и усиленно думал, что ему говорить в свою защиту. Никаких подходящих идей не возникало. «Прощай, Партбилет», – молнией обожгла жуткая мыслища.

– Итак, уважаемые товарищи, начинаем заседание, – сказал Секретарь. – На повестке дня один вопрос: недостойное поведение Коммуниста Культи на колхозном рынке. Слово предоставляется Коммунисту, колхознику Ляпе.

– Вот этот, так называемый Коммунист, критиковал мои продукты. Хорошо критиковал, добросовестно, я не в претензии. И чтобы продемонстрировать свою неустанную борьбу за улучшение качества выращиваемых мною овощей, я выдал ему на пробу одну тыквочку, но товарищи!.. Этот тип оказался жуликом, он не смог сдать Кал. Что же это такое?!

– Да-а-а, – Секретарь грозно задвигал бровями. – Налицо явное введение трудовой ответственности в заблуждение. Этот человек видимо сдал Кал кому-то другому, продукты съел, а тебя, товарищ Ляпа, хотел попросту одурачить и с помощью твоей тыквочки намеревался, видимо, удовлетворить не потребности, а какие-то неподобающие Коммунисту прихоти...

В зале негодуяще загудели.

– Позор!

– Аферист!

– Пройдоха!

- Обманщик!
- Заклеймим позором!..
- Вон таких из Партии!
- Очистим наши стройные ряды!
- Слово предоставляется пока еще товарищу Культе, – объявил Секретарь, произнеся слово «товарищ» с явным неудовольствием.

Культя встрепенулся. В его глазах стояли слёзы. Он достал свой Партбилет из кармана, поцеловал его, прижал к сердцу и начал рыдающим голосом:

– Товарищи! У нас в Коммунакии... – в зале негодуяще ахнули, – ...всякое бывало... Да, кое-кого лишали Партбилетов за поведение недостойное высокого звания Коммуниста. И я сам, бывало, голосовал «за». Но никогда, никогда я не пытался обмануть родную Партию! Потому что наша Партия – Ум, Честь и Совесть нашей эпохи. Всю свою беззаветную любовь я посвятил Партии. И теперь, – Культя продолжал повышать голос, – когда благодаря неустанной заботе наших горячо любимых Членов Политбюро мы живем и Коммунизии, каждый, кто посмеет посягнуть на это священное... – «О, господи! что я такое несу, ведь завтра могут переименовать» –...завоевание трудящихся масс! Не позволим проклятым капиталистам! – завизжал Культя неожиданно для самого себя. – Смерть буржуям! Пролетарии всех Стран – Соединяйтесь! – Культя пустил петуха. Покашлял, скорбно опустив голову. – Простите меня, я очень волнуюсь.

Толпа зале пребывала в глубоком шоке. Стояла гробовая тишина. Патриотический восторг пылал на лицах собравшихся. Они уже готовы были грянуть «Интернационал».

– И ещё я хочу сказать. Только в нашей родной Коммунизии люди могут сполна удовлетворить все свои потребности и реализовать все свои способности. И знайте, никогда, никогда я не злоупотреблял своими способностями ради прихотей. Не такова наша Партия, чтобы позволить кому бы то ни было ставить прихоти в один ряд с потребностями! Наша Партия твёрдо стоит на достигнутых завоеваниях! Гордо смотрит вперед! Крепко держит в своих руках Красное Знамя Революции! Наша Партия – надёжный Оплот Мирового Пролетариата!..

– Конкретней, попрошу, – Секретарь приподнял веки.

Культя опять понёс всяческую околесицу о завоеваниях Коммунизма и сплочении широких масс трудящихся вокруг горячо любимой, дорогой и ненаглядной Партии.

– Конкретней попрошу, – опять повторил Секретарь, которого не легко было сбить с толку. – Слова ты говоришь хорошие, правильные, но Кал всё-таки сдан не был? Конкретизируй этот неприемлемый политический факт. Я пока еще не говорю – контрреволюционный!

– Я не смог сдать Кал потому... потому что в последнее время, усиленно борясь за качество производимых продуктов, потреблял на пробу совершенно некачественные тыквочки...

– Ха! – подскочил на месте колхозник. – Ну, пусть хотя бы, извините за выражение, понос сдал, я же не против, я же не возвожу напраслину. Так ведь ничего...ничегошеньки!.. А уж как пыхтел, как тужился, чуть не лопнул!

Секретарь согласно покивал.

Культя стоял, понунив голову. Он не знал, что можно ещё сказать в свою защиту. Этот Секретарь не купился на его патриотические изыски – нужны были другие, более веские доказательства.

– Ну, что ты всё к земле гнёшься? куда глаза прячешь? – попенял вершитель судеб критику. – Ты стой прямо, так чтобы я видел рожу твоего лица.

Культя с трудом поднял отяжелевшую с горя голову.

– Слова твои, товарищ Культя, – всего лишь слова. А слова – не

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
доказательство. Если бы мы всем верили, в нашу Партию такой бы сброд поналез...

– Я не словами, я делом докажу свою честность, – выкрикнул Культя сквозь слёзы. Он быстро снял штаны, закрыл глаза и затрясся от напряжения. На его лбу выступил пот. Тёмными ручейками он потёк вниз и закапал с носа и подбородка на худые белые коленки. Культя закричал, замер и... грохнул на пол целую кучу говна.

– Ура! – закричали в зале. Кто-то захлопал в ладоши.

Секретарь удивлённо взирал на дымящееся доказательство.

– Забери-ка свой кал, товарищ, – сказал он колхознику. – И выдай Коммунисту Культе полагающуюся ему тыквочку.

Кто-то визгливым голосом затянул «Интернационал». Грянул мощный, хотя и дико фальшивый хор. Культю поздравляли, хлопали по спине, даже немного покачали в воздухе. Он совершенно обалдел от счастья.

Секретарь Парткома проводил его до дверей.

– А какой у тебя партийный стаж? – заинтересованно осведомился глава города и района. – Да? Считаю, что такому человеку самое место в Парткоме...

– Недостойн, – задыхаясь, прошептал Культя. – Недостойн...

– Ну-ну, не скромничай. Все мы из простого народа... У нас в соседнем районе секретарь на днях помер. Необходимо найти подходящую кандидатуру. А ты, я вижу, не стар, не глуп, говорить умеешь, кристально честен. Нам такие товарищи нужны. Партия не любит выскочек. Это я тебе как Коммунист Коммунисту говорю. Ну, так как?

– И жену можно будет завести?

– Разумеется. Но не больше одной. Это строго.

– Да зачем мне две? Мне одну хочется.

– Значит, согласен? Ну и добре. Тогда завтра с утра в дорогу. Доведу тебя до места, народу представлю. Буду твоим наставником...

Окрыленный Культя поспешил к Васе.

– А меня Секретарем Парткома назначили!

Вася, всплеснув руками, сердечно поздравила критика с новой вехой в его жизни и даже немного заробела.

– Я вот, как бы это сказать... – волнуясь, запыхтел Культя, – ну, хотел бы, что ли... чтобы у меня, это самое... ну как бы, жена, появилась. Завелась как бы. Пост, так сказать, обязывает, вроде бы как. Так сказать. Что ли...

Вася смутилась, покраснела и тихо посоветовала:

– Кликни, от желающих отбою не будет.

– Да я ведь, вот... рассчитывал, что... может быть, ты согласишься?

– Я?! – просияла девица. – Ты мне предлагаешь?

– Ну да. Так сказать. А кому же еще?

Вася привстала на цыпочки, чмокнула Культю в нос и радостно закружилась.

1

К вечеру у холма объявился кнут с целым ворохом картошек. Невзирая на отчаянные наскоки осмелевшего Культи, он сразу подкатил к Васе и попытался её завалить. Встретив дружное сопротивление, кнут удивился, хотел было

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
навешать обоим фингалов, но, узнав, что Культя почти Секретарь Парткома, струхнул.

– Ну и ну! Врете, наверно. Ух, ты-ы-ы... – повторял вырубала и так сильно тряс головой, словно пытался вытряхнуть услышанную новость. Однако, приметив, с какой нежностью Вася обихаживает критика, тут же уверовал и даже выдал своим бывшим друзьям по паре картошек.

– Надеюсь, это не взятка? – грозно спросил Культя.

Кнут дернулся, чтобы забрать подарок обратно, но Культя великодушно отвёл его руку.

– Ладно, ладно, шучу я. Шуткую. Я же всё-таки ещё не Секретарь... Вот представят меня народу, тогда – да. Тогда уже буду Секретарём. Тогда, – Культя потряс кулаком, – я всем покажу Кузькину Мать!

Кнут сидел, улыбался и невольно ловил себя на несколько заискивающем поведении перед этим ещё совсем недавно жалким критикашкой.

Культя съел картошки, поцыкал зубом и стал прищуриваться на Кнута, время от времени бросая как бы удивлённый взгляд на оставшиеся корнеплоды. Вырубала делал вид, что никаких намёков не понимает.

– Да-да, – оскалился критик, – у меня не забалуешь. Я всех заставлю выучить слова «Интернационала».

– А ты сам-то помнишь? – посмел спросить Кнут.

– Я?! – приподнялся Культя. И Кнут не стал настаивать.

Утром Культя представил свою будущую супругу Секретарю.

– Василиса, – нежнейшим голоском проворковала девица.

– Секретарь Парткома, – щёлкнул голыми пятками местный начальник. Он провёл гостей в свои апартаменты – настоящую просторную землянку. Там все трое изрядно подкрепились Партвзносами и взяли кое-каких продуктов в дорогу.

Секретарь не чванился, запросто хлопал Культю по спине, гладил Васю по задку, давал дельные советы по предстоящему трудовому поприщу.

– Главное, изветчики. Научись с ними работать, и всё будет добре. Не перекармливай их – заленятся, и не держи впроголодь – начнут врать.

Культя жадно внимал.

– А теперь – в дорогу! Вперёд! – скомандовал Секретарь, и трое путников, гордо неся вскинутые в порыве преданности делу Коммунизма головы, направились к Светлым Горизонтам.

Кнут целеустремлённо шёл в сторону Столицы. Зачем? Он не отдавал себе в этом отчёта. Возможно, его гнала генетическая память предков, свершивших Великую Революцию ради счастья трудового народа. Хотелось приобщиться, взглянуть на город победоносной славы и безотчётной любви каждого Коммуниста.

Ночь выдалась особенно холодная – подступала зима. Заиндевшая трава покрылась искрящимся белым пушком, звенели под ногами тонкие корочки льда, вкусно хрустела мороженая грязь.

Сверкнуло первым лучиком солнце. Искорки инея начали медленно угасать, превращаясь в капельки обыкновенной влаги. Утро обещало быть свежим.

Кнут разломил несколько пней, надеясь обнаружить в трухе каких-нибудь гусениц или жуков, но зря старался – в старых пнях давно никто не жил. Всё живое скрывалось от прожорливых коммунистов, намертво усвоив закон эволюции и естественного отбора.

На небольшом покато пригорке он заметил целую россыпь грибов. Прозрачные

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
словно хрустальные сыроежки прятались под пожухлой осокой. Кнут обломал эти хрупкие дары природы и, не дожидаясь, пока оттают, съел их все с удовольствием и аппетитом.

«Жаль, что не червивые, – подумал огорчённо, – червивые полезней – в них мясо».

Ближе к полудню потеплело. Подсохла и вновь зашуршала мёртвая трава, подмёрзшая грязь расплавилась. Ноги больше не оскальзывались. Жить стало лучше и веселей.

Его путь не был трудным. Он шёл от города к городу, от рынка к рынку и почти не голодал. Иногда подряжался что-нибудь поднести, что-нибудь разломать или кого-нибудь поколотить – мало ли, какие полезные дела мог претворить в жизнь физически неслабый товарищ.

В одну из ночей Кнуту посчастливилось устроиться на ночлег в тёплой землянке колхозника. Он лежал на мягкой куче взбитого сена, и в приятной полудрёме сами собой стали вспоминаться последние приключения. Всё это было совсем недавно, а казалось, прошла целая жизнь...

А где-то в далёком городе Краснотрудске в тёплой парткомовской землянке предавался воспоминаниям Культа. Вася сладко сопела в его плечо, чмокала губами воздух, и было понятно, что эти сонные поцелуи предназначены ему. Только ему...

Эпилог

На Красную Площадь Кнут ступил с охалкой тыквочек и плотненькой пачкой фантиков в кармане. Вот-вот должна была начаться Демонстрация...

На трибуну вынесли засушенный трупик Великого Кузьмича, привязанный к старой деревянной скамейке. Ходоки кинулись вперёд и стали возлагать дары к подножию Мавзолея. Сюда же сгружались с тачек Партвзносы собранные Секретарями Парткомов.

Местные товарищи, изо всех сил пытаясь держаться строем, маршировали туда-сюда, демонстрируя искреннее народное ликование и скандируя: «Слава! Слава! Слава!» вперемешку с «Ура! Ура! Ура-а-а!» на каждое воздаяние хвалебных здравниц Членами Политбюро в собственный адрес.

– Слава Коммунистической Партии, надёжному Авангарду Прогрессивных Сил Человечества! – орала с трибуны в жестяной рупор.

– Слава Великому Кузьмичу!

– Слава Коммунизму!

– Слава Членам Политбюро!..

– Слава! Слава! Слава! Ура! Ура! Ура-а-а! – ревели в ответ сотни глоток. Когда широкие массы трудящихся выдохлись, а Члены Политбюро охрипли, Демонстрация закончилась. Правительство спустилось к народу и стало копать в куче даров, выбирая всё самое лучшее и вкусное. Увешанные вязанками копчёных крыс и ворон, набив под рубахи опарышей и тараканов, Члены Политбюро, устало переговариваясь на важные политические темы, направились в Хремль.

Демонстранты кинулись к куче, пожирая всё, что не смогли унести с собой любимые руководители Партии.

Кнут стоял, широко расставив ноги, и воздавал молитву Великому Кузьмичу, освободившему его Родную Отчизну от капиталистического ига и цепей рабства. Восхитительное чувство гордости заполнило всё его существо, поднявшись от мозолистых пят до кончиков неровно срезанных волос на макушке. Вокруг стояли такие же ходоки с печатями блаженного патриотизма на лицах. Они тоже прошли сотни миль ради этих торжественных мгновений.

Кнут бросил прощальный, полный любви взгляд в спины Членов Политбюро, сгорбленные от тяжести уносимых воздаяний, неустанных забот о благе народа и огромного чувства ответственности за судьбы поколений.

Руководители уже дошли до ворот. Один из них что-то выронил, обернулся, чтобы подобрать, и Кнут остолбенел. «Сява?» – чуть слышно прошептал вырубала. В мозгах зашумело, кровь ударила в голову, что-то радостно

Призраки коммунизма. В. Бойков filosoff.org
заклокотало в груди.

– Сява! – вырвался из глотки мощный рык. – Сява-а-а!!!

Члены Политбюро разом оглянулись, отставший товарищ вздрогнул, подхватил утерю и поспешил за остальными. Огромные ворота с треском захлопнулись...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!